

ISSN 2713-0622

**РОССИЙСКИЙ
ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

**НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

**Russian Journal of
DEVIANT BEHAVIOR**
**Scientific and Theoretical
Issues**

**TOM
vol. 4 N° 1 / 2024**

**РОССИЙСКИЙ
ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**
НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Том 4 № 1
2024

**Russian Journal
of Deviant Behavior**
Scientific and Theoretical Issues
Vol. 4 № 1
2024

Российский девиантологический журнал

Научно-теоретический журнал

Том 4 № 1 2024

«Российский девиантологический журнал» – периодическое сетевое международное рецензируемое научное издание в области междисциплинарных исследований по девиантологии (девиантному поведению). Дисциплинарное поле журнала – психология, педагогика, право (криминология, уголовное право, уголовно-исполнительное право), медицина, социология.

В «Российском девиантологическом журнале» публикуются результаты оригинальных фундаментальных и прикладных научных исследований по вопросам девиантного поведения.

Цели журнала:

- способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными специалистами в области девиантологии;
- знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области девиантологии, разрабатываемыми как в России, так и за рубежом, и их практическим применением;
- публиковать результаты оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных проблем девиантологии междисциплинарного характера, касающихся психологии, педагогики, права, социологии, медицины;
- поддержка молодого поколения ученых.

Журнал включен в Перечень ВАК при Минобрнауки России по научным специальностям:

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика.

5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред.

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология.

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

Принимает к опубликованию материалы по специальностям (по данным специальностям журнал еще не включен в Перечень ВАК при Минобрнауки России):

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования.

5.8.7. Методология и технология профессионального образования.

Язык и география журнала. Основным языком журнала является русский. Метаданные статьи публикуются на русском и английском языках. Редакция журнала ориентируется на географическое разнообразие авторского состава журнала и приглашает к опубликованию новых оригинальных исследований в области девиантологии как российских, так и иностранных авторов. Статьи зарубежных авторов издаются на английском языке, что позволяет расширить читательскую аудиторию и усилить влияние исследований в мировом научном сообществе. Журнал находится в открытом доступе и индексируется в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), включен в базу данных Ulrich's Periodicals Directory.

Требования к статьям. Критериями отбора статей являются соответствие профилю журнала, новизна, актуальность и обоснованность результатов. Присланные рукописи обратно не возвращаются. Не допускается направление в редакцию работ, которые опубликованы и/или приняты к печати в других изданиях. Направляя статью в редакцию, автор соглашается на редакторскую правку материала. Все поступающие в редакцию материалы проверяются на наличие заимствований из открытых источников, проверка выполняется с помощью системы «Антиплагиат». Плата за публикацию статей отсутствует. Поступившие в редакцию статьи регистрируются. Датой регистрации считается день предоставления полного комплекта материалов. Если статья возвращается автору на доработку, то датой ее регистрации считается день получения окончательного текста. Поступившие в редакцию статьи рецензируются. Редакция оставляет за собой право на литературное редактирование статьи.

При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью либо частично материалов «Российского девиантологического журнала» ссылка на журнал обязательна.

Редакторы – Г. Н. Голядкин, Л. М. Букина, А. Н. Великих.

Дизайн и верстка – С. Н. Горбунова.

ISSN 2713-0622 (online)

Учредитель и издатель – Санкт-Петербургский университет МВД России.

Журнал издается с января 2021 года.

Финансирование издания журнала осуществляется за счет средств учредителя журнала – Санкт-Петербургского университета МВД России.

Периодичность – 4 номера в год.

Сайт: <https://russianjournaldeviantbehavior.ru>

E-mail: rusjdb@list.ru

Адрес учредителя и издателя: 198206, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

Тел. +7 (812) 730-26-96

Russian Journal of Deviant Behavior

Scientific and Theoretical Issues

Vol. 4 N° 1 2024

“Russian Journal of Deviant Behavior” is an international online peer-reviewed publication in the field of interdisciplinary research in deviancy. The journal publications combine the insights of psychology, pedagogy, law (criminology, criminal law, penal law), medicine and sociology.

The journal “Russian Journal of Deviant Behavior” publishes the results of original basic and applied researches in the field of deviancy.

The journal aims:

- to bring together scientists and practitioners researching into relevant issues of deviant behavior;
- the journal makes every effort to disseminate research findings as well as to integrate scientific research in the field of deviant behavior
- the journal's priority is to support young scholars.

The journal is included in the List of Higher Attestation Commissions under the Ministry of Education and Science of Russia in scientific specialties:

- 5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)
- 5.3.3. Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics.
- 5.3.4. Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital educational environments
- 5.3.5. Social psychology, political and economic psychology
- 5.3.9. Legal Psychology and Security Psychology

Accepts for publication materials in specialties (for these specialties the journal is not yet included in the List of Higher Attestation Commissions under the Ministry of Education and Science of Russia):

- 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education
- 5.8.7. Methodology and technology of vocational education

Language and geography of the journal. The main language of the journal is Russian. Metadata articles are published both in Russian and English. The editorial board of the journal focuses on the geographical diversity of the authors and invites both Russian and foreign authors to publish new original research in the field of deviancy. Articles of foreign authors are published in English, which makes it possible to expand the readership and strengthen the influence of research in the world scientific community.

The journal is open access. All articles are freely available to readers immediately after publication. Journal is included in the system of the Russian Scientific Citation Index (RSCI) and in Ulrich's Periodicals Directory.

Editorial and publishing policies. The main criteria for the manuscript selection is compliance with the profile of the journal, relevance and validity of the results. Submission of a manuscript implies that the work described has not been published before; that it is not under consideration for publication anywhere else. The journal does not tolerate plagiarism in any form to prevent publication malpractice. There are no fees payable to submit or publish in this journal. If you have been invited to revise and resubmit your paper, you should follow instructions provided by the editor in their decision email. All manuscripts undergo review. The editors reserve the right to stylistic editing. Manuscripts not accepted for the publication will not be returned.

Reference to the scientific-theoretical journal “Russian Journal of Deviant Behavior” is obligatory when reprinting or reproducing in whole or in part its materials.

Editors – G. N. Golyadkin, L. M. Bukina, A. N. Velikikh.
Design and layout – S. N. Gorbunova.

ISSN 2713-0622 (online)

Founder and publisher – Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
The journal has been published since January, 2021.

The publication of the journal is financed at the expense of the founder of the journal - Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Frequency - 4 issues per year.

Website: <https://russianjournaldeviantbehavior.ru>

E-mail: rusjdb@list.ru

Postal address: 1 Letchika Pilyutova Street, St.Petersburg, Russian Federation, 198206

Phone +7 (812) 730-26-96

Главный редактор

Реан А. А., доктор педагогических наук, профессор, Академик РАО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Председатель научного совета РАО по проблемам профилактики агрессии и деструктивного поведения учащихся, Директор Центра социализации, семьи и профилактики асоциального поведения Московского педагогического государственного университета, заведующий кафедрой психологии воспитания и профилактики девиантного поведения МПГУ (Россия, Москва)

Заместитель главного редактора

Злоказов К. В., кандидат психологических наук, доцент, начальник научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия

Бавсун М. В. – председатель редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе (Россия, Санкт-Петербург)

Каверина Л. В. – ответственный секретарь редакционной коллегии, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Базаров Т. Ю. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Россия, Москва)

Баранов А. А. – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии развития и дифференциальной психологии Удмуртского государственного университета (Россия, Ижевск)

Бородавко Л. Т. – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры физической подготовки и прикладных единоборств Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Гайдамашко И. В. – доктор психологических наук, доцент, действительный член (академик) РАО, и.о. ректора Сочинского государственного университета (Россия, Сочи)

Гаррисон Е. – доктор педагогических наук, профессор, Университет Монтаны (США, Вашингтон)

Гейжан Н. Ф. – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Гишинский Я. И. – доктор юридических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург)

Гогберидзе Г. М. – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры психологии воспитания и профилактики девиантного поведения Института психологии и педагогики Московского педагогического государственного университета (Россия, Москва)

Горелов А. А. – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник – заведующий учебно-научным центром кинезиологических исследований и лечебно-реабилитационных технологий Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова, (Россия, Якутск)

Григорьев А. Н. – доктор психологических наук, доцент, начальник кафедры административно-правовых дисциплин и информационного обеспечения органов внутренних дел Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Гундур Р. – доктор криминологии, Университет Флиндерс (Центр политики и исследований в области преступности) (Австралия, Аделаида)

Дозорцева Е. Г. – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой юридической психологии и права факультета юридической психологии и права МГППУ, руководитель лаборатории психологии детского и подросткового возраста ГНЦССП имени В. П. Сербского (Россия, Москва)

Змановская Е. В. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психотерапии Восточно-Европейского института психоанализа (Россия, Санкт-Петербург)

Илакавичус М. Р. – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Караяни А. Г. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии служебной деятельности Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии, (Россия, Санкт-Петербург)

Кириллова Т. В. – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник НИИ ФСИН России (Россия, Москва)

Клейменов М. П. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского (Россия, Омск)

Костромина С. Н. – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии личности Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, Санкт-Петербург)

Лясковска К. – доктор юридических наук, профессор, Белостокский университет (Польша, Белосток)

Пудовочкин Ю. Е. – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (Россия, Москва)

Рыбников В. Ю. – доктор медицинских наук, доктор психологических наук, Заслуженный деятель науки РФ, заместитель директора Всероссийского центра экстренной и радиационной медицины имени А. М. Никифорова МЧС России (Россия, Санкт-Петербург)

Ситников В. Л. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Стрельникова Ю. Ю. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Тесленко А. Н. – доктор педагогических наук, доктор социологических наук, профессор, директор Кокшетауского университета имени Абая Мырзахметова (Центр ювенологических исследований) (Казахстан, Кокшетау)

Утюганов А. А. – доктор психологических наук, доцент, заместитель начальника военного института по научной работе – начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации (Россия, Санкт-Петербург)

Федотов С. Н. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя (Россия, Москва)

Хусаинова С. В. – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Института педагогики, психологии и социальных проблем (Россия, Казань)

Шестаков Д. А. – доктор юридических наук, Заслуженный деятель науки РФ, профессор, Президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Россия, Санкт-Петербург)

Яворчикова Я. – PhD, университет Матвея Бела (Словакия, Банска-Бистрица)

Editor-in-chief

A. A. Rean, Doctor of Pedagogy, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Honored Scientist of the Russian Federation, Chairman of the Scientific Council of the Russian Academy of Education on the problems of preventing aggression and destructive behavior in students, Head of Center for Socialization, Family and Prevention of Antisocial Behavior Research Moscow Pedagogical State University. Head of the Department of Psychology of Education and Prevention of Deviant Behavior of MPGU, (Russia, Moscow)

Deputy Chief Editor

Zlokazov K. V., Cand. Sci. (Psychol.), Associate Professor, Head of the Research Department Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Editorial Board

Bavsun M. V. – Chairman of the Editorial Board, Doctor of Law, Professor, Deputy Head for Science and Research of Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Kaverina L. V. – Executive Secretary of the Editorial Board, Cand. Sc. (Philology), Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Bazarov T. Yu. – Doctor of Psychology, Professor, Lomonosov Moscow State University (Department of Social Psychology, professor) (Russia, Moscow)

Baranov A. A. – Doctor of Psychology, Professor, Udmurt State University (director Department of Developmental Psychology and Differential Psychology,) (Russia, Izhevsk)

Borodavko L. T. – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Professor of the Department of Physical Training and Applied Martial Arts of the Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Gaidamashko I. V. – Doctor of Psychology, Associate Professor, full member (academician) of RAO, acting Rector of Sochi State University (Russia, Sochi)

Garrison E. – Doctor of Education, Professor, University of Montana (USA, Washington)

Geyzhan N. F. – Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Gilinskiy Ya. I. – Doctor of Law, Professor, Herzen University (Russia, St. Petersburg)

Gogiberidze G. M. – Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Department of Psychology of Education and Prevention of Deviant Behavior, Institute of Psychology and Pedagogy Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow)

Gorelov A. A. – Doctor of Pedagogy, Professor, Chief Researcher – Head of the Educational and Scientific Center for Kinesiological Research and Treatment and Rehabilitation Technologies of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, (Russia, Yakutsk)

Grigoriev A. N. – Doctor of Psychology, Associate Professor, Head of the Department of Administrative Legal Disciplines and Information Support of Internal Affairs Bodies of the Kaliningrad Branch of Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Gundur R. – Doctor of Criminology, Flinders University (the Center for Crime Policy and Research) (Australia, Adelaide)

Dozortseva E. G. – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Head of the Laboratory of Child and Adolescent Psychology of the Serbsky State Scientific Center for Social and Forensic Psychiatry (Russia, Moscow)

Zmanovskaya E. V. – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychotherapy of the East European Institute of Psychoanalysis (Russia, St. Petersburg)

Ilakavichus M. R. – Doctor of Pedagogy, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Karayani A. G. – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychology of Service Activities of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of National Guard Troops, (Russia, St. Petersburg) (Russia, St. Petersburg)

Kirillova T. V. – Doctor of Pedagogy, Professor, Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Russia, Moscow)

Kleimenov M. P. – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Dostoevsky Omsk State University (Russia, Omsk)

Kostromina S. N. – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Personality Psychology St. Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)

Lyaskovska K. – Doctor of Law, Professor, University of Bialystok (Poland, Bialystok)

Pudovochkin Yu. E. – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law Kutafin Moscow State Law University (Russia, Moscow)

Rybnikov V. Yu. – Doctor of Medical Sciences, Doctor of Psychology, Honored Scientist of the Russian Federation, Deputy Head of Nikiforov's All-Russian Center for Emergency and Radiation Medicine of the Emergencies Ministry of Russia (Russia, St. Petersburg)

Sitnikov V. L. – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Legal Psychology Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Strelnikova Yu. Yu. – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Testlenko A. N. – Doctor of Pedagogy, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Center for Juvenile Research) (Kazakhstan, Kokshetau)

Utyuganov A. A. – Doctor of Psychology, Associate Professor, Deputy Head of the Military Institute for Scientific Work – Head of the Research and Editorial and Publishing Department of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of National Guard Troops of the Russian Federation (Russia, St. Petersburg)

Fedotov S. N. – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychology Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikotya (Moscow, Russia)

Khusainova S. V. – Doctor of Psychology, Institute of Pedagogy, Psychology and Social Problems (Deputy Director for Science, Leading Researcher) (Russia, Kazan)

Shestakov D. A. – Doctor of Law, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor, Chairman of St. Petersburg International Criminological Club (Russia, St. Petersburg)

Javorchikova J. – PhD, Matej Bel University (Slovakia, Banska Bystrica)

Содержание

Слово главного редактора

Реан А. А.	8
Современная девиантология: теории и концепции	
Духновский С. В. Экспериментальная диагностика мнемических способностей: описание методики и возможности использования.....	10
Методология изучения девиантного поведения	
Абисова К. С. Общая характеристика детерминационного комплекса террористической деятельности.....	22
Психологические исследования девиантного поведения	
Сарсенова А. А., Гончарова Н. А. Психологические ресурсы служебной лояльности в профилактике дисциплинарных нарушений сотрудниками органов внутренних дел.....	33
Душкин А. С., Федотова Е. С. Оценка риска совершения преступлений лицами, освобожденными из мест лишения свободы.....	45
Малюшина Ю. А. Программа профилактики криминальной мотивации несовершеннолетних правонарушителей.....	62
Никитина Л. Н. Компьютерная игромания несовершеннолетних как психологическая проблема.....	75
Puntsagsuren B. Recidivists rehabilitation through interpersonal interaction.....	85
Усачева И. В., Паршутин И. А. Использование приема «смена установки» при проведении специального психофизиологического исследования с применением полиграфа.....	93
Утюганов А. А., Фролова Л. В. Ценностно-смысловые предикторы успешности профессиональной деятельности сотрудников и военнослужащих Росгвардии.....	104
Шелепина Э. К. Возможности применения технологии айтрекинга в деятельности правоохранительных органов (на примере зарубежных стран).....	117
Педагогические исследования и профилактика девиантного поведения	
Дизер О. А., Беляева Е. Г. Воспитательная работа как средство предотвращения отклоняющегося поведения сотрудников органов внутренних дел.....	127

Contents

Editor-in-Chief's word

Rean A. A.	8
Modern deviantology: theories and concepts	
Dukhnovsky S. V. Experimental Diagnostics of Mnemic capabilities: description of the methodology and its use.....	10
Methods of study of deviant behavior	
Abisova K. S. General characterisation of the determinational complex of terrorist activity.....	22
Psychological research of deviant behavior	
Sarsenova A. A., Goncharova N. A. Psychological resources of service loyalty in the prevention of disciplinary violations by employees of internal affairs bodies.....	33
Dushkin A. S., Fedotova E. S. Assessment of the risk of committing crimes by persons released from prison.....	45
Malyushina Yu. A. Programme for preventing criminal motivation among juvenile delinquents.....	62
Nikitina L. N. Computer game addiction in minors as a psychological problem.....	75
Пунцагсүрэн Б. Реабилитация рецидивистов посредством формирования навыков межличностного взаимодействия.....	85
Usacheva I. V., Parshutin I. A. The use of the “attitudechange” technique in conducting a special psychophysiological examination with application of polygraph.....	93
Utyuganov A. A., Frolova L. V. Axiological predictors of the success of professional activities of law enforcement officers.....	104
Shelepina E. K. The possibilities of using eye-tracking technology in the activities of law enforcement agencies (on the example of foreign countries).....	117
Pedagogical research and prevention of deviant behavior	
Dizer O. A., Belyaeva E. G. Educational work as a means of preventing deviant behavior of law enforcement officers.....	127

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-1-8-9

Уважаемые читатели!

С большим удовольствием сообщая, что «Российский девиантологический журнал» 27 марта 2024 года включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук. Поздравляю с этим событием членов редакционной коллегии, авторов, рецензентов и читателей журнала. Уверен, что переход в новый статус расширит научные горизонты издания, позволит привлечь интересных исследователей и новых читателей.

За три года издано 10 выпусков и опубликовано более 120 статей. География авторов журнала включает 11 стран, особо следует отметить высокий научный потенциал исследователей: среди них 45 докторов наук и 76 кандидатов наук.

Первый номер, предложенный вам редакционной коллегией, отличается новизной и злободневностью.

Так, раздел «**Современная девиантология: теории и концепции**» открывает статья «Экспериментальная диагностика мнемических способностей: описание методики и возможности использования», автор которой утверждает, что оценка мнемических способностей является индикатором психического состояния человека, его работоспособности и утомляемости. Для решения этой задачи предлагается использовать авторскую психодиагностическую методику «Экспериментальная диагностика мнемических способностей», основное назначение которой – оценка общего уровня развития мнемических способностей, их производительности, качества и надежности, позволяющая также определить утомляемость и работоспособность тестируемого.

Автором следующей статьи, включенной в рубрику «**Методология изучения девиантного поведения**», установлен детерминационный комплекс террористической деятельности, представляющий собой совокупность биологических, психических, духовных, социальных, правовых, политических факторов, выявление которых позволяет эффективно воздействовать на них в качестве объекта предупредительной деятельности.

Раздел «**Психологические исследования девиантного поведения**» открывает статья «Психологические ресурсы служебной лояльности в профилактике дисциплинарных нарушений сотрудниками органов внутренних дел», в которой обсуждается значимость служебной лояльности как перспективного психологического ресурса, который можно использовать в профилактике дисциплинарных нарушений сотрудниками органов внутренних дел. Лояльность как структурный компонент личностной надежности сотрудников представляет собой значимую характеристику личности динамического характера, что позволяет обеспечить ее формирование и развитие в профессиональной деятельности. Авторами определены возможности служебной лояльности как личностного ресурса, обеспечивающего решение задач профилактики дисциплинарных нарушений сотрудниками органов внутренних дел. Установлены особенности лояльности сотрудников, имеющих дисциплинарные взыскания, отражающие низкий уровень аффективной, продолженной и нормативной лояльности, лояльности труду, оценки возможностей реализации мотивов. Выявлена факторная структура лояльности, в которой ведущими выступают ценности профессиональной деятельности, лояльность профессии, психологическое благополучие и социальное принятие, лояльность труду и профессиональному сообществу, удовлетворенность деятельностью и организационной культурой. Проанализированы результаты психологического тренинга, направленного на формирование и развитие лояльности.

Авторами совместного российско-казахстанского исследования «Оценка риска совершения преступлений лицами, освобожденными из мест лишения свободы» представлены широко известные и часто применяемые инструменты оценки риска преступного поведения. Особое внимание уделено прогностическим возможностям этих инструментов для оценки риска совершения преступлений лицами, освобожденными из мест лишения свободы в Российской Федерации и Республике Казахстан. Ввиду формирующейся традиции использования инструментов оценки рисков в практических целях и открывающихся возможностей для проведения соответствующих исследований большое внимание авторы уделяют обзору инструментов, используемых в зарубежных странах.

В статье «Программа профилактики криминальной мотивации несовершеннолетних правонарушителей» отмечается, что в настоящее время актуальной становится проблема возникновения криминальной мотивации как сложного интегративного феномена, который включает иерархию мотивов, побуждающих к совершению преступлений различных категорий. Современное общество трансформируется, и поэтому, в связи с цифровизацией общества, появляются и могут модернизироваться различные виды преступлений несовершеннолетних, которые оказывают пагубное влияние на общее социальное благополучие граждан. Предметно изучена современная преступность несовершеннолетних и криминальная мотивация как психолого-криминологический феномен. Проанализирован криминогенный потенциал современных несовершеннолетних преступников, их психологические характеристики.

В исследовании «Компьютерная игромания несовершеннолетних как психологическая проблема» автор утверждает, что чрезмерное увлечение и полное погружение в виртуальный игровой мир могут способствовать формированию аддиктивного поведения. В последнее время эта проблема становится популярной и актуализируется в контексте профилактики зависимого поведения молодежи, роста таких проявлений, как скулшутинг, кибербуллинг, суицидальное поведение и др. В связи с этим возникает необходимость в проведении исследований рассматриваемой проблемы в целях дальнейшего построения эффективной профилактической деятельности.

Реабилитации рецидивистов посредством формирования навыков межличностного взаимодействия посвящено исследование монгольского автора, в котором обосновывается значение навыков межличностного взаимодействия в противодействии рецидивной преступности, описывается статистика рецидивных преступлений в Республике Монголия, рассматриваются социальные и психологические проблемы данной категории лиц, исследуются теоретические подходы к предупреждению рецидивной преступности, делается вывод о необходимости эмпирического анализа социально-психологических причин, в том числе межличностного взаимодействия, побуждающих к рецидивным преступлениям.

В статье «Использование приема «смена установки» при проведении специального психофизиологического исследования с применением полиграфа» рассматриваются вопросы тактики проведения специального психофизиологического исследования с применением полиграфа при профессиональном психологическом отборе граждан, поступающих на службу в органы внутренних дел Российской Федерации. При использовании полиграфа в кадровой работе часто возникают ситуации, когда полиграфологу трудно принять решение о значимости выявленных реакций, так как они могут быть связаны не с наличием у обследуемого определенного фактора риска (девиантного поведения), препятствующего поступлению на службу в полицию, а с проявлением ситуативной тревожности, тяжело контролируемой кандидатом в ситуации, оцениваемой как стрессовая. Для решения данной проблемы и повышения достоверности результатов полиграфных проверок специалисты используют особую тактику «смены установки», которая позволяет сделать объективный вывод о значимости для обследуемого того или иного «фактора риска» с учетом его индивидуально-психологических особенностей.

В статье «Ценностно-смысловые предикторы успешности профессиональной деятельности сотрудников и военнослужащих Росгвардии» анализируются особенности профессиональной деятельности сотрудников и военнослужащих Росгвардии, обосновывается ее ценностно-смысловое содержание. В этом контексте аргументируется значение ценностно-смысловых компонентов в структуре наиболее значимых профессиональных качеств сотрудников и военнослужащих силовых структур, определяющих эффективность их служебно-боевой деятельности. Акцентируется внимание на патриотическом воспитании как особом мировоззрении, представляющем собой глубоко осмысленное, конструктивное и позитивное отношение к традиционным ценностям, нормам, взглядам, идеалам, к истории и культуре своего этноса, народа, государства, а также на его непосредственном влиянии на формирование и развитие профессионально значимых компетенций и установок у представителей правоохранительных органов. Затрагиваются некоторые аспекты адаптации.

Возможностям применения технологии айтрекинга в деятельности правоохранительных органов на примере зарубежных стран посвящена заключительная статья раздела. Автор указывает, что в ряде зарубежных стран активно ведутся исследования по внедрению в практическую деятельность сотрудников правоохранительных органов новых психофизиологических технологий. Одной из таких технологий является айтрекер. В статье представлен опыт применения технологии айтрекинга в профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов – в целях раскрытия и расследования преступлений, а в частности – оценки достоверности сообщаемой информации, выявления скрываемой информации, а также выявления информации о воспринимаемых ранее лицах и объектах на примере зарубежных стран.

Завершает номер раздел «Педагогические исследования и профилактика девиантного поведения», в который включена статья, ориентированная на изучение существующей ситуации в организации воспитательной работы с личным составом органов внутренних дел, установление проблемных вопросов и формулирование основных направлений по совершенствованию деятельности по недопущению девиантного поведения у сотрудников органов внутренних дел. Особое внимание в работе отводится патриотическому воспитанию сотрудников внутренних дел, поскольку в настоящее время вопросы преданности и верности Родине имеют первостепенное значение для формирования профессиональных качеств. Модернизация системы воспитательной работы, связанная с различными факторами, в том числе стремительной цифровой трансформацией общественных отношений, позволит в полном объеме обеспечить достижение стоящих перед органами внутренних дел целей и окажет весомую роль в предотвращении возможных негативных проявлений.

**Главный редактор – доктор педагогических наук, профессор,
Академик РАО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Председатель
научного совета РАО по проблемам профилактики агрессии и деструктивного
поведения учащихся, Директор Центра социализации, семьи и профилактики
асоциального поведения Московского педагогического государственного
университета, заведующий кафедрой психологии воспитания
и профилактики девиантного поведения МПГУ
А. А. Реан**

УДК 159.9

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-1-10-21

Экспериментальная диагностика мнемических способностей: описание методики и возможности использования

Сергей Витальевич Духновский

Санкт-Петербургский университет МВД России

(Санкт-Петербург, Россия)

dukhnovskysv@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3118-9988

Аннотация

Введение. Мнемические способности, их развитие являются одним из условий, определяющих эффективность деятельности человека (профессиональной, служебной). Оценка мнемических способностей является индикатором психического состояния человека, его работоспособности и утомляемости. Для решения этой задачи предлагается использовать авторскую психодиагностическую методику «Экспериментальная диагностика мнемических способностей». Основное назначение методики – оценка общего уровня развития мнемических способностей – их производительности, качества и надежности, позволяющая также определить утомляемость и работоспособность тестируемого. Методика состоит из семи серий, каждая из которых включает в себя основные и дополнительные фигуры, имеющие различную последовательность расположения, направленность и цвет. По результатам выполнения всех семи серий подсчитывается «общий показатель успешности воспроизведения» (уровня выраженности мнемических способностей). **Методы исследования.** Корреляционный и сравнительный анализ. Оценка ретестовой надежности, а также конструктивной и критериальной валидности. **Результаты.** Установлено, что методика экспериментальной диагностики мнемических способностей обладает приемлемыми психометрическими характеристиками (надежностью и валидностью), а это делает возможным ее использование в рамках психологического обеспечения системы органов внутренних дел. Методика пригодна как для оценки особенностей памяти, так и утомляемости, индикатором чего является уровень выраженности мнемических способностей.

Ключевые слова

психодиагностика, память, мнемические способности, интерференция, мнемические задачи, психометрика, утомление, работоспособность

Для цитирования: Духновский, С. В. (2024). Экспериментальная диагностика мнемических способностей: описание методики и возможности использования. *Российский девиантологический журнал*, 4 (1), 10–21. doi: 10.35750/2713-0622-2024-1-10-21.

Original paper

Experimental Diagnostics of Mnemic capabilities: description of the methodology and its use

Sergey V. Dukhnovsky

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

(Saint Petersburg, Russia)

dukhnovskysv@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3118-9988

Abstract

Introduction. Mnemic capabilities, their development, are one of the conditions determining the effectiveness of human activity (professional, service). Assessment of mnemic capabilities is an indicator of a person's mental state, his working capacity and fatigue. For solving this problem, the author's psychodiagnostic technique "Experimental diagnostics of mnemic capabilities" is proposed. The main purpose of the technique is to assess the general level of development of mnemic capabilities – their productivity, quality and reliability, which also allows to determine fatigue and working capacity of the tested person. The technique consists of seven series, each of which includes basic and additional figures having different sequence of arrangement, orientation and colour. The results of performing all seven series are used to calculate the "general index of reproduction success" (the level of expression of mnemic capabilities). **Research methods.** Correlational and comparative analyses. Assessment of retest reliability and construct and criterion validity. **Results.** The author found that the method of experimental diagnostics of mnemic capabilities has acceptable psychometric characteristics (reliability and validity), and this makes it possible to use it within the framework of psychological support of the system of internal affairs bodies. The method is appropriate both for assessing the features of memory and fatigue, the indicator of which is the level of expression of mnemic capabilities.

Keywords

psychodiagnosics, memory, mnemic capabilities, interference, mnemic tasks, psychometrics, fatigue, efficiency

For citation: Dukhnovsky, S. V. (2024). Experimental Diagnostics of Mnemic capabilities: description of the methodology and its use. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (1), 10–21. doi: 10.35750/2713-0622-2024-1-10-21.

Введение

Опыт, его приобретение и возможность использования в жизни и деятельности зависит от способности человека к запоминанию и воспроизведению, а порой и забыванию, различной информации – вербальной, невербальной, логически структурированной или абстрактной. В этом контексте ведущее значение приобретают мнемические способности, от развития которых зависит в том числе и эффективность деятельности человека (профессиональной, служебной). Считаем, что нагрузки (психологические, физические), связанные с решением служебных задач, приводят к появлению симптомов утомляемости и в конечном счете – к снижению работоспособности, что находит свое отражение на особенностях функционирования когнитивной сферы человека и в частности – его мнемических способностях.

Таким образом, оценка мнемических способностей может свидетельствовать не только об особенностях запоминания, воспроизведения информации, но выступать индикатором психического состояния человека, его работоспособности и утомляемости. В этом плане актуальным является создание надежного и компактного психодиагностического инструмента (отвечающего психометрическим требованиям, предъявляемым к разработке профессиональных психологических тестов), использование которого позволило бы сочетать оценку особенностей памяти (мнемических способностей) с утомляемостью и работоспособностью.

Для решения этой задачи предлагаем использовать созданную нами психодиагностическую методику «Экспериментальная диагностика мнемических способностей». Будем исходить из постулата о том, что психологический тест – «не только средство тиражирования готового знания о человеке, но и новый источник такого знания» (Фер, Бакарак, 2010).

Теоретическое обоснование теста

В общетеоретическом и методологическом плане проблема памяти, ее развитие и роль в жизни человека рассматривалась в трудах Л. С. Выготского (Выготский, 2003); Л. А. Огородниковой (Огородникова, 2012); С. Л. Рубинштейна (Рубинштейн, 2024); А. А. Смирнова (Смирнов, 2000); Л. В. Черемошкиной, Т. Н. Осининой (Черемошкина, Осинина, 2019) и др. Клинико-психологические особенности описывались в исследованиях А. Р. Лурии (Лурия, 2018, 2023); С. Я. Рубинштейна (Рубинштейн, 1999) и др. Мнемические способности изучались в работах Е. Д. Словенко, П. И. Яремченко, Н. А. Хохлова (Словенко, Яремченко, Хохлов, 2020); В. О. Ушакова (Ушаков, 2014); Л. В. Черемошкиной¹; В. Д. Шадрикова (Шадриков, 2007) и др.

Как пишет С. Л. Рубинштейн, без памяти мы были бы существами мгновения. Наше прошлое было бы мертво для будущего. Настоящее по мере его протекания безвозвратно исчезло бы в прошлом (Рубинштейн, 2024). Согласно А. Р. Лурии, *память* представляет собой запечатление (запись), сохранение и воспроизведение следов прежнего опыта, дающего человеку возможность накопить информацию и иметь дело со следами прежнего опыта после того, как вызвавшие их явления исчезли. Явления памяти могут в равной мере относиться к эмоциональной сфере и сфере восприятий, к закреплению двигательных процессов и интеллектуального опыта. Все закрепление знаний и навыков и возможность пользоваться ими относится к разделу памяти (Лурия, 2018).

В исследованиях Л. В. Черемошкиной приводятся следующие дефиниции понятия «память»². Итак, *память* это:

- организация индивидуального опыта для предстоящей деятельности, обладающая личностно-образующей функцией по отношению к субъекту деятельности;
- подструктура интеллекта, как системного взаимодействия познавательных способностей и всего индивидуального опыта субъекта, который может проявиться и при формировании субъективного образа, и при его трансформации, и при его объективации;
- динамическая система, обусловленная разноуровневым анализом поступающей информации, начиная с перцептивного анализа и заканчивая понятийным.

В. О. Ушаков предлагает рассматривать память как психическую функцию, реализуемую мнемическими способностями (Ушаков, 2014, с. 150).

В разрабатываемой нами методике «Экспериментальная диагностика мнемических способностей» мы придерживаемся *представления о способностях*, имеющегося в работах

¹ Черемошкина, Л. В. (2002). *Психология памяти*: учебное пособие. для студ. высш. учеб. заведений. Издательский центр «Академия».

² Черемошкина, Л. В. (2002). *Психология памяти*: учебное пособие. для студ. высш. учеб. заведений (стр. 16, 17, 132). Издательский центр «Академия».

В. Д. Шадрикова. Так, *способности* – это «свойства функциональных систем, реализующих отдельные психические функции, имеющие индивидуальную меру выраженности и проявляющиеся в успешности и качественном своеобразии освоения и реализации деятельности» (Шадриков, 2007, с. 50).

Рассматривая мнемические способности, будем использовать определение, предложенное Л. В. Черемошкиной. Таким образом, под мнемическими способностями в рассматриваемой методике понимаются «средства организации индивидуального опыта – свойства функциональных систем мозга, позволяющие кодировать и декодировать информацию в целях ее запоминания, сохранения и воспроизведения. Эти свойства имеют индивидуальную меру выраженности, проявляющуюся в успешности и качественном своеобразии выполнения деятельности». Характеристиками продуктивности мнемических способностей выступают: производительность, качество, надежность³.

Отмеченные выше положения послужили теоретическим обоснованием разработанной нами методики «Экспериментальная диагностика мнемических способностей», краткая психометрическая характеристика и примеры ее использования будут представлены ниже.

Обсуждение результатов

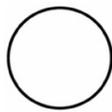
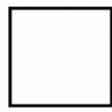
Основное назначение теста «Экспериментальная диагностика мнемических способностей» – оценка общего уровня развития мнемических способностей – их производительности, качества и надежности, позволяющего также определить утомленность и работоспособность тестируемого.

Форма проведения: индивидуальная и групповая.

Структура методики: Тест «Экспериментальная диагностика мнемических способностей» состоит из семи серий, каждая из которых включает в себя основные и дополнительные фигуры, имеющие различную последовательность расположения, направленность и цвет (см. табл.1). Время предъявления каждой серии для запоминания 15 секунд. Испытуемому предлагается внимательно посмотреть на предложенный набор фигур (стимул) и запомнить каждую фигуру, их последовательность, направление и цвет. По результатам выполнения всех семи серий подсчитывается «общий показатель успешности воспроизведения» (уровня выраженности мнемических способностей).

Таблица 1. Основные и дополнительные фигуры, входящие в состав стимулов для запоминания

Table 1. Basic and supplementary figures included in memorisation stimuli

Основные фигуры				
Дополнительные фигуры				

³ Черемошкина, Л. В. (2002). *Психология памяти: учебное пособие. для студ. высш. учеб. заведений* (стр. 18, 90). Издательский центр «Академия».

Серии с 1 по 4 различаются расположением и направленностью фигур. Серии с 5 по 7 различаются расположением, направленностью и цветом фигур (черным или белым).

Предъявление каждой серии для запоминания в методике «Экспериментальная диагностика мнемических способностей» завершается дополнительным интерферирующим воздействием, после которого тестируемый должен воспроизвести предъявленный стимул в «Листе ответов» так, как он это запомнил.

Интерферирующее воздействие используется для актуализации механизма «повышенной тормозимостью следов побочным воздействием» (Лурия, 2023, с. 300). Таким образом, после каждого предъявления «стимула для запоминания» интервал перед его воспроизведением заполняется интерферирующим воздействием («посторонней» деятельностью). В качестве такового мы используем: а) геометрические фигуры, которые необходимо сосчитать; б) фотографии, после просмотра которых обследуемому необходимо выбирать эмоцию, которую они вызывают.

Цель стимулов данной группы – создание помех для воспроизведения запомненного материала. Качество воспроизведения будет свидетельствовать, с одной стороны, о его надежности, а с другой – способствовать развитию «помехоустойчивости» при воспроизведении запомненного материала (Духновский, Злоказов, 2023). Приведем *примеры интерферирующих стимулов* (рисунки 1 и 2):

Рис. 1. Пример стимула, включающего в себя подсчет геометрических фигур

Fig. 1. Example of a stimulus involving counting geometric shapes

Посмотрите на фотографию, выберите эмоцию, которую она вызывает. Запишите ее в «Листе ответов».

Эмоции:

- радость
- удивление
- интерес
- спокойствие
- бодрость
- удовольствие
- напряжение
- печаль
- грусть
- растерянность
- скука

Рис. 2. Пример стимула, включающего просмотр фотографии и выбор эмоции

Fig. 2. Example of a stimulus involving viewing a photograph and choosing an emotion

Экспериментальная диагностика мнемических способностей предполагает использование следующей последовательности предъявления стимульного материала, представленного на рис. 3.

Рис. 3. Последовательность предъявления стимулов теста «Экспериментальная диагностика мнемических способностей»

Fig. 3. Sequence of presentation of the “Diagnostics of Mnemic capabilities” test stimuli

Время выполнения: 20-25 минут.

Информация о психометрической проверке. Время предъявления визуального стимула для методики «Экспериментальная диагностика мнемических способностей» было определено эмпирическим способом, с использованием метода окулографии (айтрекинга). Для этого при решении мнемической задачи инструкция не предполагала ограничение времени для запоминания. Субъект сам решал, сколько времени ему достаточно для запоминания визуального стимула (последовательности фигур). Индикатором завершения запоминания был произвольный переход испытуемого к выполнению следующей части теста (методики) «Экспериментальная диагностика мнемических способностей». При помощи айтрекера измерялось время фиксации глаз субъекта на визуальном стимуле – с начала запоминания и до момента перехода к следующему заданию. Затем был проведен сравнительный анализ лиц, успешно решающих мнемические задачи (в нее вошли лица в количестве 115 человек в возрасте от 17 до

45 лет, допустившие по одной ошибке в каждой серии воспроизведения визуальных стимулов), и лиц, менее успешно решающих мнемические задачи (вошли респонденты в количестве 105 человек в возрасте от 17 до 45 лет, допустившие от 5 до 10 ошибок в каждой из семи серий при воспроизведении визуальных стимулов). Установлено, что временем, достаточным для успешного запоминания последовательности из семи геометрических фигур, является пятнадцатисекундное предъявление визуального стимула.

Ретестовая надежность устанавливалась на выборке 150 испытуемых (75 лиц женского и 75 мужского пола в возрасте от 21 до 25 лет) путем повторного тестирования через три недели. Использовался коэффициент корреляции Пирсона. Установлено, что субтесты методики (предъявляемые для запоминания серии визуальных стимулов) обладают приемлемыми характеристиками надежности. Коэффициенты корреляции находятся в диапазоне 0,59–0,75, при $p < 0,001$, что свидетельствует о достаточной ретестовой надежности методики «Экспериментальная диагностика мнемических способностей». *Надежность по однородности* проверялась на выборке 300 человек (было обследовано 150 лиц женского и 150 мужского пола в возрасте от 17 до 33 лет). В качестве показателей использовались следующие коэффициенты: Альфа Кронбаха (значение коэффициента от 0,69 до 0,72) и формула Спирмена–Брауна по полной форме (значение коэффициента 0,75 до 0,78).

На данной выборке в ряде корреляционных исследований также осуществлялась *оценка конструктивной валидности*. Для ее проверки были использованы методики: «10 слов» (Рубинштейн, 1999) и ее модификация «20 слов» (Словенко, Яремченко, Хохлов, 2020), «Диагностика мнемических способностей»⁴, «Кубики Кооса», «Краткий отборочный тест» (Бузин, 1992, с. 10), опросники: «Доминирующее состояние» (Куликов, 1997; Куликов, 2003), «Дифференциальная диагностика состояний сниженной работоспособности», разработанный А. Б. Леоновой, С. Б. Величковой (Водопьянова, 2009), «Потери и приобретения персональных ресурсов» (Водопьянова, 2009). Установленные значимые корреляции имеют логическую основу, на основании чего делаем вывод о конструктивной валидности методики «Экспериментальная диагностика мнемических способностей» (ДМС).

Оценка критериальной валидности проводилась посредством сравнения контрастных групп. Критерием выступили различия в особенностях доминирующего психического состояния, включая утомление, сниженную работоспособность. В первую группу вошли лица – курсанты, обучающиеся на 3-м и 4-м курсах Санкт-Петербургского университета МВД России, с благоприятным психическим состоянием, повышенной работоспособностью ($n = 73$). Вторая группа также представлена курсантами ($n = 57$), отличающимися неблагоприятным психическим состоянием, утомляемостью и сниженной работоспособностью (обследование проходило по окончании ими суточного наряда). Достоверность различий между этими группами определялась с помощью *t*-критерия Стьюдента. Полученные результаты показывают статистически значимые различия на уровне $p < 0,001$ как по отдельным субтестам (предъявляемым для запоминания сериям визуальных стимулов), так и по итоговому баллу всей методике, что говорит как о критериальной валидности методики «ДМС», так и о возможности дифференцировать субъектов, обладающих разным уровнем не только мнемических способностей, но и утомляемости и работоспособности.

Расчет нормативных показателей проводился на выборке 334 человека в возрасте от 17 до 45 лет (167 лиц женского и 167 мужского пола), все граждане России, имеющие образование не ниже полного среднего. В качестве стандартной шкалы для расчета тестовых норм была использована шкала Т-баллов.

⁴ Черемошкина, Л. В. (2002). *Психология памяти: учебное пособие. для студ. высш. учеб. заведений*. Издательский центр «Академия».

Далее приведем **пример использования методики** диагностики мнемических способностей (ДМС), полученный при обследовании курсантов Санкт-Петербургского университета МВД России в рамках одного из этапов психометрической проверки теста. Наряду с методикой «Экспериментальная диагностика мнемических способностей» были использованы методики «Дифференциальная диагностика состояний сниженной работоспособности» (ДОРС) и опросник «Доминирующее состояние» (ДС-8).

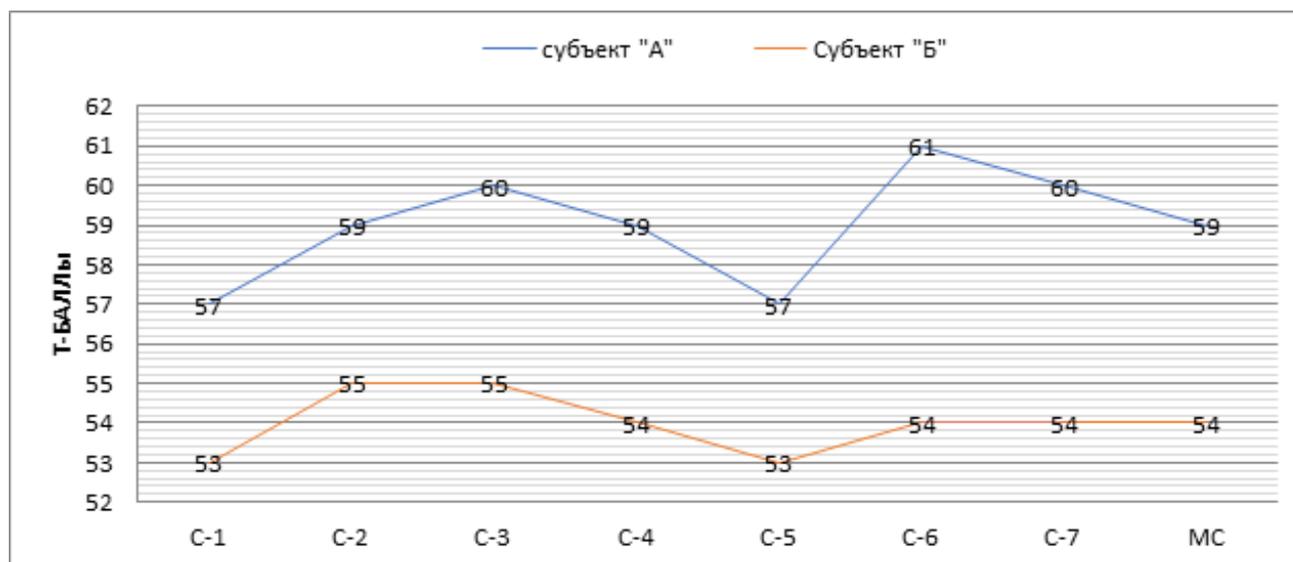

Рис. 4. Выраженность показателей решения мнемической задачи у обследованных с разным уровнем утомленности

Fig. 4. Intensity of indicators for solving the mnemonic task among the respondents with different levels of fatigue

Примечание: C-1 – субтест 1, C-2 – субтест 2, C-3 – субтест 3, C-4 – субтест 4, C-5 – субтест 5, C-6 – субтест 6, C-7 – субтест 7, МС – показатель мнемических способностей

Субъект «А», курсант в возрасте 21 год, показатель «индекс утомления» по методике «ДОРС», выражен умеренно (19 баллов). Показатели по субтестам и итоговому баллу методики «ДМС» выражены на повышенном и высоком уровне. Обследованный обладает хорошим уровнем развития мнемических способностей, что также является индикатором благоприятного доминирующего состояния, сниженной утомленности и повышенной работоспособности. **Субъект «Б»**, курсант в возрасте 20 лет, прошедший обследование после окончания суточного наряда. «Индекс утомления» по методике «ДОРС» выражен на повышенном уровне (27 баллов). Показатели по субтестам методики «ДМС» выражены на среднем уровне, в том числе и показатель мнемических способностей. Считаем, что одной из возможных причин снижения показателей по методике «ДМС» является утомляемость, вызванная спецификой служебной деятельности (в нашем случае это суточный наряд).

Далее обратимся к результатам, полученным у обследованных по методике опросник «Доминирующее состояние» (ДС-8), представленным на рис. 5. Отметим, что в профиле приведены данные по трем наиболее значимым для нас шкалам: активное (пассивное) отношение к жизненной ситуации, бодрость (уныние) и тонус (высокий – низкий).

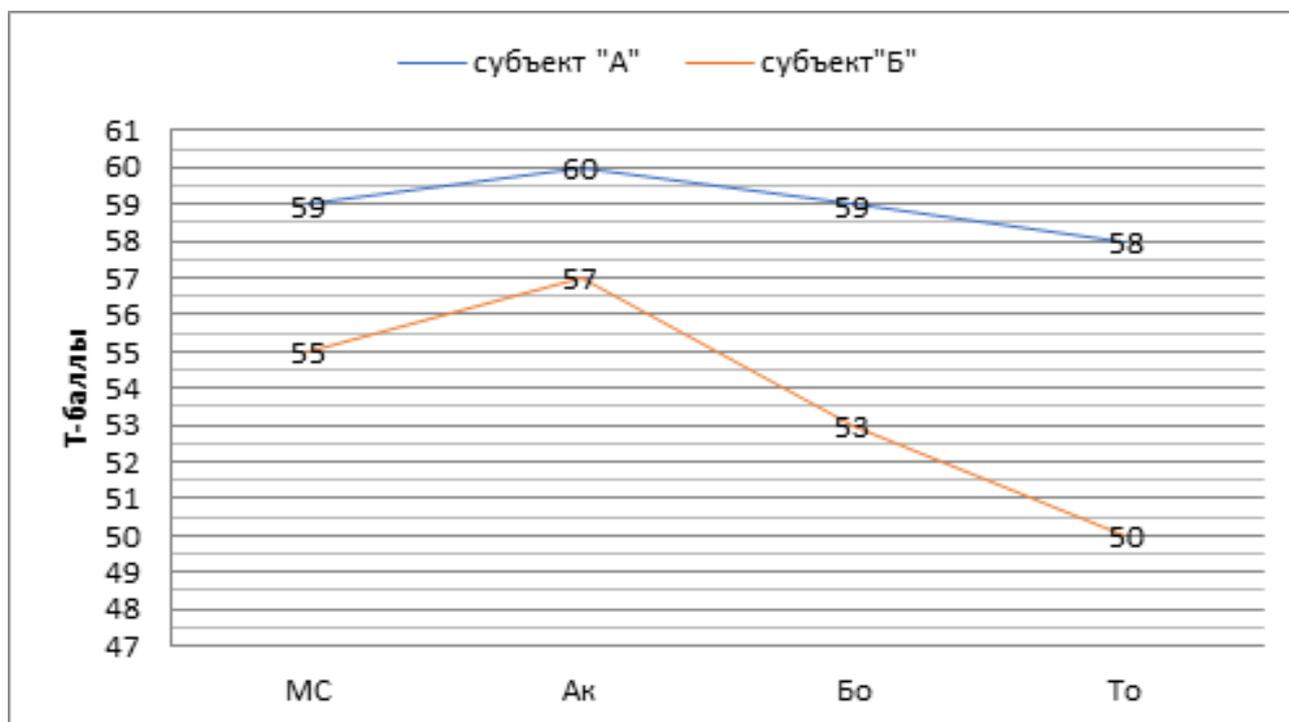

Рис.5. Выраженность показателей мнемических способностей у обследованных с разным параметрами доминирующего состояния

Fig. 5. Intensity of indicators of mnemonic capabilities among the respondents with different parameters of the dominant state

Примечание: МС – показатель мнемических способностей, Ак – отношение к жизненной ситуации (активное / пассивное), Бо – бодрость / уныние, То – тонус (высокий / низкий)

Как показано на рис. 5, у субъекта «А», с повышенным уровнем развития мнемических способностей, имеет место более благоприятное психическое состояние. У него выражено активное отношение к жизненной ситуации, готовность к преодолению препятствий, вера в свои возможности; бодрое настроение и положительный эмоциональный фон, в сочетании с ощущением внутренней собранности, наличия сил для преодоления препятствий и достижения желаемых и/или необходимых целей. У субъекта «Б», с умеренно выраженными мнемическими способностями, имеет место более пассивное отношение к жизненным ситуациям, пониженное настроение, усталость, несобранность, вялость, инертность, пониженная работоспособность и повышенная утомляемость.

Заключение

Подводя итог сказанному, укажем, что разработанная нами и описанная выше методика «Диагностика мнемических способностей» (ДМС), отвечает основным психометрическим требованиям, представленным в «Российском стандарте тестирования персонала» (Батурин, 2015). Это делает правомерным ее использование в рамках исследования проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения в системе органов внутренних дел. Методика «ДМС» требует минимального времени для проведения и обработки, может применяться в различных ситуациях, как с практическими, так и с исследовательскими целями.

Список литературы

- Батурин, Н. А., Вучетич, Е. В., Костромина, С. Н., и др. (2015). Российский стандарт тестирования персонала. *Организационная психология*, 5 (2), 67–138.
- Бузин, В. Н. (1992). *Краткий отборочный тест*. Москва: Издательство «Смысл».
- Водопьянова, Н. В. (2009). *Психодиагностика стресса*. Санкт-Петербург: Питер.
- Выготский, Л. С. (2003). *Психология развития человека*. Москва: Смысл; Эксмо.
- Духновский, С. В., Злоказов, К. В. (2023). Визуально-когнитивная психотехника профайлинга: характеристика и возможности использования. В *Морально-психологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел: современные подходы и перспективы развития: материалы всероссийской научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 06 декабря 2023, стр. 157–161). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Зинченко, П. И. (1961). *Непроизвольное запоминание*. Москва: Изд-во Академии педагогических наук.
- Куликов, Л. В. (1997). *Психология настроения: монография*. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербургского университета.
- Куликов, Л. В. (2003). *Руководство к методикам диагностики психических состояний, настроений и сферы чувств. Описание методик, инструкции по применению*. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербургского университета.
- Лурия, А. Р. (2018). *Потерянный и возвращенный мир. Маленькая книжка о большой памяти*. Санкт-Петербург: Питер.
- Лурия, А. Р. (2023). *Основы нейропсихологии*. Санкт-Петербург: Питер.
- Огородникова, Л. А. (2012). Подходы к исследованию памяти в отечественной и зарубежной психологии. *Ярославский педагогический вестник. Психолого-педагогические науки*, 2, 308–312.
- Рубинштейн, С. Л. (2024). *Основы общей психологии*. Москва: Издательство АСТ.
- Рубинштейн, С. Я. (1999). *Экспериментальные методики патопсихологии*. Москва: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс.
- Словенко, Е. Д., Яремченко, П. И., Хохлов, Н. А. (2020). Нормативные характеристики выполнения методики «Заучивание 10 слов» и способы выявления установочного поведения при исследовании памяти. *Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири*, 3, 52–85.
- Смирнов, А. А. (2000). Произвольное и непроизвольное запоминание. В Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романов (ред.), *Психология памяти: хрестоматия* (стр. 476–486). Москва: ЧеРо.
- Ушаков, В. О. (2014). Исследование динамики функционирования механизмов мнемических способностей при усложнении мнемической задачи. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 11 (3), 149–163.

- Черемошкина, Л. В., Осинина, Т. Н. (2019). *Память: закономерности воспроизведения учебного материала*: монография, 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт.
- Фер, Р. М., Бакарак, В. Р. (2010). *Психометрика. Введение*. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ.
- Шадриков, В. Д. (2007). *Ментальное развитие человека*. Москва: Аспект Пресс.

References

- Baturin, N. A., Vuchetich, E. V., Kostromina, S. N., i dr. (2015). Rossijskij standart testirovaniya personala. *Organizacionnaya psihologiya*, 5 (2), 67–138.
- Buzin, V. N. (1992). *Kratkij otborochnyj test*. Moscow: Izdatel'stvo «Smysl».
- Vodop'yanova, N. V. (2009). *Psihodiagnostika stressa*. Saint Petersburg: Piter.
- Vygotskij, L. S. (2003). *Psihologiya razvitiya cheloveka*. Moscow: Smysl; Eksmo.
- Dukhnovskij, S. V., Zlokazov, K. V. (2023). Vizual'no-kognitivnaya psihotekhnika profajlinga: harakteristika i vozmozhnosti ispol'zovaniya. V *Moral'no-psihologicheskoe obespechenie deyatel'nosti organov vnutrennih del: sovremennye podhody i perspektivy razvitiya: materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii* (Sankt-Peterburg, 06 dekabrya 2023, str. 157–161). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Zinchenko, P. I. (1961). *Neproizvol'noe zapominanie*. Moscow: Izd-vo Akademii pedagogicheskikh nauk.
- Kulikov, L. V. (2003). *Rukovodstvo k metodikam diagnostiki psihicheskikh sostojanij, nastroenij i sfery chuvstv. Opisanie metodik, instrukcii po primeneniyu*. Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterburgskogo universiteta.
- Kulikov, L. V. (1997). *Psihologiya nastroeniya: monografiya*. Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterburgskogo universiteta.
- Luriya, A. R. (2023). *Osnovy nejropsihologii*. Saint Petersburg: Piter.
- Luriya, A. R. (2018). *Poteryannyj i vozvrashchennyj mir. Malen'kaya knizhka o bol'shoj pamyati*. Saint Petersburg: Piter.
- Ogorodnikova, L. A. (2012). Podhody k issledovaniyu pamyati v otechestvennoj i zarubezhnoj psihologii. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik. Psihologo-pedagogicheskie nauki*, 2, 308–312.
- Rubinshtejn, S. L. (2024). *Osnovy obshchej psihologii*. Moscow: Izdatel'stvo AST.
- Rubinshtejn, S. Ya. (1999). *Eksperimental'nye metodiki patopsihologii*. Moscow: ZAO Izd-vo EKSMO-Press.
- Slovenko, E. D., Yaremchenko, P. I., Hohlov, N. A. (2020). Normativnye harakteristiki vypolneniya metodiki «Zauchivanie 10 slov» i sposoby vyyavleniya ustanovochnogo povedeniya pri issledovanii pamyati. *Vestnik po pedagogike i psihologii Yuzhnoj Sibiri*, 3, 52–85.
- Smirnov, A. A. (2000). Proizvol'noe i neproizvol'noe zapominanie. V Yu. B. Gippenrejter, V. Ya. Romanov (red.), *Psihologiya pamyati: hrestomatiya* (str. 476–486). Moscow: CheRo.
- Ushakov, V.O. (2014). Issledovanie dinamiki funkcionirovaniya mekhanizmov mnemicheskikh sposobnostej pri uslozhnenii mnemicheskoi zadachi. *Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki*, 11 (3), 149–163.
- Cheremoshkina, L. V., Osinina, T. N. (2019). *Pamyat': zakonomernosti vosproizvedeniya uchebnogo materiala*: monografiya, 2-е изд., перераб. и доп. Moscow: Yurait.
- Fer, R. M., Bakarak, V. R. (2010). *Psihometrika. Vvedenie*. Chelyabinsk: Izdatel'skij centr YUUrGU.
- Shadrikov, V. D. (2007). *Mental'noe razvitie cheloveka*. Moscow: Aspekt Press.

Информация об авторе:

Сергей Витальевич Духновский – профессор кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор психологических наук, доцент.

About the author:

Sergey V. Dukhnovsky – Professor of the Department of Legal Psychology of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Dr. Sci. (Psy.), Professor.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

**Поступила в редакцию 27.02.2024; Одобрена после рецензирования 29.03.2024;
Опубликована 28.04.2024**

Submitted February 27, 2024; Approved after reviewing March 29, 2024; Accepted April 28, 2024

УДК 343.92

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-1-22-32

Общая характеристика детерминационного комплекса террористической деятельности

Кристина Сергеевна Абисова

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России
(Симферополь, Россия)

abisova@inbox.ru

ORCID: 0000-0001-7922-5744

Аннотация

Введение. Понимание сложности, многообразия видов и форм, технологичности террористической деятельности как современного социально-правового явления, ее места и роли в динамике социального развития современного транзитивного общества, а также необходимости системного противодействия ей определяет необходимость всестороннего исследования террористической деятельности в ее сущности и проявлениях в различных проекциях и измерениях (интервалах абстракции). Закономерности ее функционирования системны и сводятся к таким принципам, как интегративность, целостность, холизм, эмерджентность, синергичность и иерархичность. Синтез знаний каждого из измерений позволяет получить интервальную модель террористической деятельности, обогащающую криминологическое исследование террористической деятельности посредством выявления ее многомерной сущности, установления механизмов детерминации. **Методы исследования.** Методологическую основу исследования составили фундаментальные основы и постулаты философской методологии: всеобщие категории, принципы и закономерности диалектического, интервального и деятельностного подходов, общенаучная методология системного подхода, а также комплексный инструментарий общелогических (методы анализа и синтеза, абстрагирования и обобщения (конкретизации), дедукции и индукции, систематизации, классификации, описания) методов познания. Использование методологического инструментария интервального подхода позволяет всесторонне исследовать террористическую деятельность в ее сущности и проявлениях в различных проекциях и измерениях. **Результаты.** Установлен детерминационный комплекс террористической деятельности, представляющий собой совокупность биологических (природные и гелиогеофизические факторы, технологизация среды обитания и пр.); психических (связанных с личностью субъекта террористической деятельности и его жертвы); духовных (религиозно-этических); социальных (бедность, социальное неравенство, неблагоприятные социальные условия жизнедеятельности общества и пр.); правовых (несовершенство правового инструментария регулирования общественных отношений, возможность легализации идеологии и практики насилия, определяемая отсутствием или неэффективностью правовых запретов осуществления террористической деятельности и пр.); политических (изменение однополярности системы мироустройства, геополитическое противостояние отдельных субъектов мировой политики, борьба за автономии, политическая конкуренция и пр.) факторов. Выявление данных факторов позволяет эффективно воздействовать на них в качестве объекта предупредительной деятельности.

Ключевые слова

террористическая деятельность, идеология, практика, объективные и субъективные факторы, детерминация, интервальная диалектика, механизм террористической деятельности

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках гранта Государственного Совета Республики Крым молодым учёным Республики Крым.

Для цитирования: Абисова, К. С. (2024). Общая характеристика детерминационного комплекса террористической деятельности. *Российский девиантологический журнал*, 4 (1), 22–32. doi: 10.35750/2713-0622-2024-1-22-32.

Original paper

General characterisation of the determinational complex of terrorist activity

Kristina S. Abisova

Crimea branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Simferopol, Russia)

abisova@inbox.ru

ORCID: 0000-0001-7922-5744

Abstract

Introduction. Understanding of the complexity, diversity of types and forms, technological nature of terrorist activity as a modern socio-legal phenomenon, its place and role in the dynamics of social development of modern transitional society, as well as the need for systemic counteraction to it determines the need for a comprehensive examination of terrorist activity and its manifestations in various projections and dimensions (abstraction intervals). The regularities of its functioning are systemic and are summarised in such principles as integrativity, integrity, holism, emergentism, synergy and hierarchy. The synthesis of knowledge from each of the dimensions makes it possible to obtain an interval model of terrorist activity, which enriches the criminological study of terrorist activity by revealing its multidimensional nature and establishing the mechanisms of determination. **Research Methods.** The methodological basis of the research was formed by the fundamental foundations and postulates of philosophical methodology: universal categories, principles and regularities of the dialectical, interval and activity approaches, general scientific methodology of the system approach, as well as general logical methods of cognition (methods of analysis and synthesis, abstraction and generalisation (concretisation), deduction and induction, systematisation, classification, description). The use of methodology of the interval approach provides a comprehensive study of terrorist activity and its manifestations in various projections and dimensions. **Results.** The determinational complex of terrorist activity was established, which is characterised by a combination of biological (natural and heliogeophysical factors, technologisation of the living environment, etc.); mental (related to the personality of the subject of terrorist activity and its victims); spiritual (religious and ethical); social (poverty, social inequality, unfavourable social conditions of society, etc.); legal (imperfection of legal means of regulating social relations, the possibility of legalisation of ideology and practice of violence, determined by the absence or ineffectiveness of legal prohibitions on terrorist activities, etc.); political (change in the unipolarity of the world order system, geopolitical confrontation of certain subjects of world politics, struggle for autonomy, political competition, etc.) factors. Identification of these factors makes it possible to effectively influence them as an object of preventive activity.

Keywords

terrorist activity, ideology, practice, objective and subjective factors, determination, interval dialectics, mechanism of terrorist activity

Acknowledgments

This publication has been prepared as a part of the grant of the State Council of the Republic of Crimea to young scientists of the Republic of Crimea.

For citation: Abisova, K. S. (2024). General characterisation of the determinational complex of terrorist activity. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (1), 22–32. doi: 10.35750/2713-0622-2024-1-22-32.

Введение

Террористическая деятельность всегда зарождается и проявляется в обществе, иначе в ней не было бы первичного смысла идеологии и практики террора. Терроризм как идеология и практика представляет собой мощный социально-психологический механизм манипулятивного воздействия на человека, общество, государство (это его основные объекты). В связи с изложенным становится очевидным, что детерминация террористической деятельности относится к тому перманентно актуальному и необычайно сложному в современных реалиях комплексу антропологических проблем (проявляющихся в таких измерениях, как социальное, экономическое, правовое, политическое, религиозное и пр.), от постановки и решения которых зависит не только направленность большинства социальных процессов в каждом обществе и государстве, но и социальное будущее, а значит, судьбы самих людей в мире как глобальном целом.

В задачу криминологии как науки входит непосредственное исследование природы преступности, связанное с установлением ее закономерностей и детерминант. Общеизвестно, что наиболее эффективно данное исследование следует проводить как минимум в двух ракурсах – внешних (объективных) и внутренних (субъективных) факторов в их генетической взаимосвязи.

Большинство современных исследователей терроризма сходятся в том, что это социальное явление сложной природы, а его зарождение и эволюция определены различными причинами и условиями. Последние представляют собой результат разноуровневых и разнокачественных взаимодействий различных форм связей: причинных, функциональных, корреляционных и др.

Для эффективного исследования детерминации террористической деятельности в рамках криминологического дискурса необходимо абстрагироваться от прочих, не имеющих к ней отношения характеристик. Исходной категорией в данной процедуре является абстракция, которая выступает методологически ценной основой всякого научного анализа, так как «акцентирует внимание на логике движения мысли к отображаемому объекту... охватывает мыслительные формы как в их структурном, так в процессуальном аспектах. Она раскрывает и динамику, и направленность, и характер приближения мысли к реальности, механизм согласования мыслительных образований науки с многомерными структурами объектов (Лазарев, 2019). С нашей точки зрения, от разнообразных комплексов причин и условий, связанных с существованием феномена преступности, необходимо абстрагироваться посредством выведения такой ключевой абстракции, как «детерминация террористической деятельности», что позволит выявить основные специфические факторы детерминации.

Методы

Общенаучная методология системного подхода имеет особую ценность в понимании феномена террористической деятельности, о чем свидетельствуют научные результаты современных исследователей терроризма. Например, Ю. Д. Мишин и Е. А. Кочнев доказывают его особую эффективность в сочетании с диалектическим методом (Мишин, Кочнев, 2015). Поддерживая общую интенцию указанных авторов, добавим, что для постижения сущности и специфики современной террористической деятельности как сложного феномена трансформирующегося общества важно обратиться к достижениям философской методологии последнего столетия – методологическому инструментарию интервального подхода, разработанного на

основе диалектического и системного подходов в рамках постнеклассического типа научной рациональности, соответствующего последней стадии развития научного знания, что позволяет всесторонне раскрыть характеристики современного терроризма как многомерного социально-правового явления и особенности его реализации в террористической деятельности с учетом социокультурной динамики данного феномена.

С точки зрения интервальной диалектики в бытии любого объекта следует принципиально различать два уровня проявлений его многомерной природы: внешний, отражающий существование «извне», и внутренний, определяющий его «изнутри». Таким образом, сущность любого явления можно рассматривать в неразрывной диалектической связи его различных свойств, которая может появляться и в качестве противоречий, и в качестве единства и взаимного дополнения. Применение интервальной диалектики при исследовании феномена детерминации террористической деятельности в методологическом плане означает использование диалектического соотношения внутреннего и внешнего аспектов его природы. Уровень «изнутри» позволит выявить сущностную характеристику самой террористической деятельности и ее фундаментальных детерминант, а уровень «извне» – определить ее «данность» в конкретных проявлениях.

Результаты

Исследованию детерминации терроризма посвящено множество работ отечественных и зарубежных ученых-криминологов. Важно отметить, что наиболее распространенным среди большинства исследователей является понимание терроризма как применения насилия в качестве инструмента достижения личных интересов и социальных целей, направленного на принуждение органов государственной власти, индивидов, групп. В исследованиях таких авторов, как Ю. И. Авдеев, Г. Ф. Байрак, К. Г. Горбунов, С. У. Дикаев, Н. Кельбас, А. В. Никитин (Авдеев, 2000; Байрак, 2003, с. 16; Горбунов, 2012, с. 18; Дикаев, 2004; Кельбас, 2015; Никитин, 2003, с. 7) и др., просматриваются различные подходы к детерминации терроризма: биологический, психологический, социальный, цивилизационный и пр. Однако, по нашему мнению, все их можно свести к одному подходу, который учитывает различные аспекты детерминации терроризма, – криминологическому.

С нашей точки зрения, в рамках данного подхода, как уже отмечалось, важно выделить два уровня детерминации терроризма, соответствующих интервальной диалектике внутреннего и внешнего измерений его сущности, – индивидуальный (субъективные факторы) и социальный (объективные факторы). На индивидуальном уровне стоит, применяя процедуру абстрагирования от иных, не интересующих нас свойств, выделить такие интервалы, как биологический, психический, духовный. На уровне социальном наибольший исследовательский интерес, определяемый спецификой объекта и предмета исследования, представляют такие интервалы абстракции, как социальный, правовой и политический.

Дадим общую характеристику указанному комплексу субъективных и объективных факторов детерминации террористической деятельности.

При исследовании биологических факторов детерминации террористической деятельности необходимо учитывать результаты многовекового развития биологической науки. Однако, с нашей точки зрения, они настолько универсальны в своем влиянии на любого биологического индивида (Игнатов, 2010), что сами по себе не могут служить специфическими детерминантами терроризма как социального явления.

По нашему мнению, следует сконцентрироваться на воздействии на состояние человека природных факторов, которые во многом определяют его поведение. Например, как считают П. Е. Григорьев и А. Н. Игнатов, ритмы террористической активности соотносимы по времени

возникновения и продолжительности с циклами космической погоды – уровнями солнечной и геомагнитной активности (Григорьев, Игнатов, 2016; Игнатов, Григорьев, 2016). Многолетние научные исследования доказали факт взаимосвязи космической погоды и реакции организма. Даже в обыденной практике существует такое понятие, как метеозависимость, которое представляет собой реакцию организма на воздействие метеорологических факторов. Специфика личности террориста (характер, привычки и проч.) также влияет на его деятельность и требует отдельного рассмотрения. Здесь важно отметить, что террорист в силу особенностей его деятельности всегда пребывает в состоянии эмоциональной нестабильности, хронического психологического стресса, даже если это не видно невооруженным «психоаналитическим» взглядом. Большинство терактов осуществляется на пределе эмоционального возбуждения в период повышения геомагнитной активности. Как пишет М. Персинджер, этот факт объясняется спецификой террористической активности. Последняя представляет собой особый тип насильственного поведения человека, которое обнажает агрессивное состояние психики. Типичный террорист ярко демонстрирует психопатические черты поведения (на грани острой возбудимости и эпилепсии), а резкое повышение геомагнитной активности увеличивает агрессивность (Persinger, 1997).

Наложение и диалектическое взаимодействие этих факторов – внешнего биологического (природно-космического) и внутреннего психологического (характера, психофизиологических особенностей, волевых качеств и пр.) – усиливает детерминацию террористической деятельности.

Развитие общества в определенном смысле негативно влияет на биологию человека. Цивилизационные достижения в виде техноценозов сильно ослабили человеческую природу, свели на нет его органические, естественные механизмы выживания и здоровья. Одним из ведущих трендов развертывания современной техногенной цивилизации является тотальная техноло- гизация, связанная с проникновением технологий во все социальные сферы. Даже человек становится объектом высоких технологических разработок – high hume (Ильянович, 2016). Довольно интересное, но вместе с тем и вызывающее обоснование необходимости улучшения человеческой природы содержится в концепции трансгуманизма, который, по словам Е. Б. Ильянович, рассматривает человека в качестве эволюционно «незаконченного», «несовершенного» существа, требующего трансформации на всех уровнях его природы для достижения постчеловеческой формы бытия с целью обретения бессмертия (Ильянович, 2020, с. 34).

Сегодня мы становимся свидетелями и невольными участниками масштабной информационной экспансии техногенной цивилизации, воздействующей на психику и прочие системы человеческой природы, которые не успевают перестроиться в сверхбыстром темпе информационно-технологического воздействия. В связи с этим люди, имеющие неустойчивую психику и другие проблемы со здоровьем, оказываются неспособны к полному пониманию происходящего и не могут управлять своими действиями.

Анализ биологических факторов детерминации террористической деятельности (природные факторы, гелиогеофизические факторы, техноло- гизация среды обитания и пр.) раскрывает ее природу на уровне «изнутри», а учитывая социальный характер данного феномена, который можно рассмотреть в качестве типа специфических субъект-субъектных общественных отношений, проявляющихся на уровне «извне», т. е. принимая во внимание диалектическую взаимосвязь индивидуального и социального уровней, можно установить, что террористическая деятельность – это разновидность агрессивного инстинктивного поведения человека.

Поскольку главным действующим элементом в механизме террористической деятельности, как и в любом виде преступной деятельности, является человек, то исследование детермина-

ции терроризма невозможно без анализа психических аспектов человеческой деятельности, а именно, в психическом интервале.

Исследование психических факторов детерминации террористической деятельности имеет два аспекта: первый связан с личностью субъекта террористической деятельности, а второй – с его воздействием на жертву.

Как пишет Д. В. Ольшанский, «...сложности анализа личностных компонентов деятельности террориста связаны с тем, что эта деятельность принципиально надличностна. Тем не менее, осуществляют ее личности». Далее автор заключает: «...террорист – это далеко не бездушный робот. Это не просто разрушительная машина, способная осуществлять свои деструктивные функции бессмысленно и безличностно. Главное, без чего никогда не может действовать человек, – это мотив его деятельности, придающий ей личностный смысл» (Ольшанский, 2002, с. 82).

Человеческая психика формируется и развивается под воздействием социальных механизмов. Важно отметить, что вершиной ее развития, по утверждениям психологов, является сознание, где выделяются три измерения: отношение к себе, отношение к другим и ожидание отношения других к себе (психологи это называют проекциями). Высшей функцией сознания является рефлексия, которая формирует самосознание, а оно включает самопознание и самоотношение, напрямую связанные с самооценкой.

Формирование психики субъекта террористической деятельности также определено социальным контекстом, и все психические детерминанты террористической деятельности вырастают именно из взаимодействия с обществом, точнее, с характером этого взаимодействия. В связи с этим важно говорить о существенных различиях в ценностях и мировоззренческих установках людей, личность которых формировалась в различных социокультурных условиях. Последние и определяют систему ключевых ценностей, норм и образцов поведения индивида и общества. Культурно-историческая специфика среды обитания индивида во многом объясняет его поведение и деятельность, значительно влияет на его отношение к себе, другим людям, обществу, государству, миру в целом (Sterman, 2000).

В современном криминологическом знании личность террориста широко проанализирована. Террористы, как правило, это люди с нестабильной самооценкой (сильно заниженная трансформируется в особо завышенную), воспитанные в директивных условиях, в сознании которых преобладают проекции реальности, а не объективные ее образы. Можно выделить основные качества личности террориста: 1) преданность террору как своему и «общему» делу, верность организации; 2) решительность в вопросе самопожертвования; 3) выдержка, дисциплина; 4) скрытность, подпольность; 5) послушание; 6) соборность, «командный дух» в отношениях с членами своей боевой группы.

Второе измерение терроризма как деятельности – это воздействие на психику людей, их устрашение, создание критической психологической ситуации, возбуждение ужаса, паники и беспомощности у широких масс населения. Это воздействие следует отнести к социальной аномии, но не психопатологии, к одной из форм агрессивного поведения, насильственным действиям, террору как таковому, который осуществляется сознательно, на основе волевого выбора особых ценностей и образа жизни.

Исследование психических факторов детерминации террористической деятельности позволяет установить следующую сущностную характеристику данного феномена: это осознанное, волевое поведение человека, связанное с аномичными мотивами и целями, определяющимися ценностями террора.

Исследование феномена террористической деятельности «изнутри» невозможно без его изучения в духовном интервале, который представляет собой религиозно-этическое измерение (факторы) ее детерминации.

Религиозный терроризм представляет собой отдельный вид терроризма, основанный на религиозной идентичности или фанатизме. И. В. Кудряшова приводит одну из его инструментальных характеристик. Можно вслед за ней сказать, что религиозный терроризм использует духовно-нравственные смыслы, ценности и нормы как инструмент, применяемый террористами для вербовки и мобилизации сторонников или легитимации насилия с целью реализовать собственные социально-экономические задачи (Кудряшова, 2018, с. 57).

Таким образом, для террористов религия, точнее ее этические принципы, – духовные источники насилия. С чем это связано? Безусловно, с неверной трактовкой самого феномена религии и ее функций. Ключевые функции религии имеют социальный характер (Яблоков, 2011). С нашей точки зрения, две важнейшие функции религии – это производство сакральных смыслов, выработка норм и ценностей (мировоззрение для внутреннего духовного роста) и регулирование поведения индивидов и групп в духовно-этических рамках при помощи указанных мировоззренческих инструментов (социальный уровень).

В связи с вышеизложенным следует понимать, что религиозно-этические факторы играют важную роль в формировании субъективных мировоззренческих, а значит, психологических, т. е. мотивационных предпосылок к реализации террористической деятельности.

Исследование духовных (религиозно-этических) факторов детерминации террористической деятельности позволяет установить следующую сущностную характеристику данного феномена: это насильственное воздействие одного индивида / индивидов на другого / других посредством подмены сакральных смыслов, норм и ценностей с целью подавления личностного начала, самосознания последнего.

Исследуя детерминацию террористической деятельности «извне», т. е. с точки зрения объективных факторов, прежде всего социальных, необходимо анализировать саму террористическую деятельность, ее природу и генезис как вид общественных отношений аномичного свойства, которые характеризуются насильственным, а значит, противоправным воздействием одного субъекта / субъектов на другого / других с целью устрашения, дестабилизации условий жизнедеятельности и функционирования, а также воздействия на принятие им / ими решений.

Среди множества социальных факторов детерминации терроризма, изучению которых в криминологической и смежных науках уделено достаточно большое внимание, в качестве главных социальных факторов детерминации террористической деятельности, на наш взгляд, следует выделить социальное неравенство и неблагоприятные социальные условия деятельности общества, которые не обеспечивают удовлетворения базовых потребностей его членов.

В позапрошлом столетии в Европе проводились исследования, которые открыли явную взаимосвязь между преступностью и ценами на хлеб. Данный исследовательский опыт крайне актуален и в современную эпоху.

При исследовании такой группы объективных факторов детерминации террористической деятельности, как правовые факторы, необходимо учитывать следующее.

Террористическая деятельность, что очевидно, имеет противоправный характер, является разновидностью преступной деятельности, определяемой специфическим волевым поведением индивида. В основе последнего лежат неудовлетворенные потребности индивида, неверные проекции реальности и отношений других индивидов и групп, что в комплексе заставляет человека чувствовать себя неполноценным и ненужным. Одновременно в его сознании рождается установка на самоутверждение и утверждение. Из этой установки и исходит террористическая деятельность.

А. Н. Игнатов справедливо отмечает, что чрезмерная потребность в утверждении и самоутверждении, усиливающаяся комплексом неполноценности (власти), является по своей струк-

туре и содержанию аналогом гордыни (гордости) – деструктивной силы, актуализирующей негативный биопсихологический потенциал и уничтожающей добродетельное начало в человеке (Игнатов, 2015). Террорист сам «дает себе право» поступать, исходя из этой установки, а также получает верификацию и одобрение у членов террористического сообщества, а не ориентируется на право и закон как общие свободы и нормы, охраняемые государством.

С точки зрения правового интервала, существование феномена террористической деятельности определено несовершенством правового инструментария регулирования общественных отношений, дающим в том числе возможность легализации идеологии и практики насилия, а также отсутствием или неэффективностью правовых запретов осуществления террористической деятельности.

Исследование правовых факторов детерминации террористической деятельности позволяет установить следующую сущностную характеристику данного феномена: это один из наиболее опасных способов неповиновения законам общества.

Важнейшим аспектом исследования детерминации террористической деятельности «извне» является установление политических факторов.

В этом смысле политика как на государственном, так и на трансгосударственном уровне (на уровне корпораций, ЧВК и пр.) использует терроризм в качестве инструмента реализации своих интересов. Сегодня для сведения политических счетов и достижения целей на международной арене активно привлекаются террористические организации, которые применяют не только террористические методы воздействия, но и радикальные методы ведения войны (Афганистан, Сирия, Иран, Ирак, Ливия, Украина и пр.). Многие современные террористы-наемники уже не преследуют сугубо идеологические цели, их интерес часто имеет материальную природу. Важно осознавать, что, когда субъектами террористической деятельности движет жажда наживы, они неподконтрольны никому. Этим данный инструмент ведения политических игр на мировой арене, подобной, по выражению известного американского политолога и политтехнолога Збигнева Бжежинского, «великой шахматной доске», предельно опасен. Террористическая деятельность, с одной стороны, является следствием, а с другой – выступает инструментом достижения геополитических и экономических целей путем создания и эксплуатации кризисных явлений в экономике. Как справедливо утверждает Ф. Фукуяма, «мировая политика будет вращаться вокруг глобальной экономики, сокрушающей все виды барьеров между нациями. А главные международные разграничительные линии будут проходить не между цивилизациями, а теми, кто либо отверг ее (как, скажем, Северная Корея), либо, по той или иной причине, оказался неспособным играть по ее правилам (как Россия или Египет, или Эквадор)» (Fukuyama, 2000).

Анализ политических факторов детерминации террористической деятельности (изменение однополярности системы мироустройства, геополитическое противостояние отдельных субъектов мировой политики, борьба за автономии, политическая конкуренция и пр.) позволяет установить такую ее сущностную характеристику, как то, что она выступает насильственным инструментом системного, многоуровневого политического взаимодействия.

Заключение

Исследование соответствующих групп факторов – биологических (природные, гелиогеофизические факторы, технологизация среды обитания и пр.); психических (связанные с личностью субъекта террористической деятельности и его жертвы); духовных (религиозно-этические); социальных (бедность, социальное неравенство, неблагоприятные социальные условия и пр.); правовых (несовершенство правового инструментария регулирования общественных отношений, возможность легализации идеологии и практики насилия, отсутствие или не-

эффективность правовых запретов осуществления террористической деятельности и пр.); политических (изменение однополярности системы мироустройства, геополитическое противостояние отдельных субъектов мировой политики, борьба за автономии, политическая конкуренция и пр.) – позволяет установить соответствующие сущностные характеристики феномена террористической деятельности и эффективно воздействовать на них в качестве объекта предупредительной деятельности.

Установление конкретных механизмов детерминации террористической деятельности предполагает выделение двух основных непосредственно взаимосвязанных уровней: индивидуального (индивидуальное преступное поведение лица, осуществляющего террористическую деятельность) и социального (социальные механизмы террористической деятельности), что соответствует диалектическому соотношению бытия данного социально-правового феномена «изнутри» и «извне».

Список литературы

- Авдеев, Ю. И. (2000). Терроризм как социально-политическое явление. В Е. И. Степанов (отв. ред.), *Современный терроризм: состояние и перспективы* (стр. 36–53). Москва: Эдиториал УРСС.
- Байрак, Г. Ф. (2003). *Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с терроризмом*: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону.
- Горбунов, К. Г. (2012). *Терроризм: история и современность: социально-психологическое исследование*. Москва: Форум.
- Григорьев, П. Е., Игнатов, А. Н. (2016). Влияние гелиогеофизических факторов на особенности террористической активности. *Пространство и Время*, 1–2(23–24), 252–256.
- Дикаев, С. У. (2004). *Терроризм: феномен, обусловленность и меры противодействия: Уголовно-правовое и криминологическое исследование*: дис. ... доктора юрид. наук. Санкт-Петербург.
- Игнатов, А. Н. (2010). Биологические факторы детерминации преступного поведения: постановка проблемы. *Форум права*, 4, 402–412.
- Игнатов, А. Н. (2015). Страсть как фундаментальная составляющая мотива преступного поведения. *Общество и право*, 1 (51), 63–68.
- Игнатов, А. Н., Григорьев, П. Е. (2016). Влияние гелиогеофизических факторов на состояние преступности. *Общество и право*, 2 (56), 189–196.
- Ильянович, Е. Б. (2016). Техногенная цивилизация: основные ракурсы концептуализации понятия. *Научный вестник Крыма*, 2 (2).
- Ильянович, Е. Б. (2020). Трансгуманистический сценарий человеческого будущего: концептуализация ключевых понятий. В О. А. Габриелян (гл. ред.), *Практическая философия: состояние и перспективы: сборник материалов III научной конференции* (Симферополь, 17-18 мая 2020 г., стр. 33–36). Симферополь: Издательство Типография «Ариал».
- Кельбас, Н. (2015). *Детерминистский подход к оценке международного преступления терроризма*. Москва: Высшая школа.
- Кудряшова, И. В. (2018). Религиозный терроризм: Концептуальные проблемы политического анализа. *Политическая наука*, 4, 54–68, <https://doi.org/10.31249/poln/2018.04.03>
- Лазарев, Ф. В. (2019). *Истина и структура реальности. Основы интервальной методологии*. Симферополь: ИТ «АРИАЛ».
- Мишин, Ю. Д., Кочнев, Е. А. (2015). Актуальность использования сочетания системного и диалектического подходов в понимании терроризма. *Исторические, философские,*

политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. *Вопросы теории и практики*, 10 (60), 118–123.

- Никитин, А. В. (2003). *Терроризм как форма девиантного поведения: Криминологический аспект*: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург.
- Ольшанский, Д. В. (2002). *Психология терроризма*. Санкт-Петербург: Питер.
- Яблоков, И. Н. (2011). Понятие и функции религии. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, 29 (1), 204–211.
- Fukuyama, F. (2000, March 15). *The Trouble with Names*. Foreign Policy. <https://foreignpolicy.com/2000/03/15/the-trouble-with-names/>
- Persinger, M. A. (1997). Geomagnetic variables and behavior: Lxxxiii. Increased geomagnetic activity and group aggression in chronic limbic epileptic male rats. *Percept. Mot. Skills*, 85 (3 Pt 2), 1376–1378. <https://doi.org/10.2466/pms.1997.85.3f.1376>. PMID: 9450296
- Sterman, J. (2000). *Business Dynamics: Systems Thinking and Modeling for a Complex World*. McGraw-Hill. https://www.researchgate.net/publication/44827001_Business_Dynamics_System_Thinking_and_Modeling_for_a_Complex_World

References

- Avdeev, Yu. I. (2000). Terrorism как social'no-politicheskoe yavlenie. V E. I. Stepanov (otv. red.), *Sovremennyy terrorizm: sostoyanie i perspektivy* (str. 36–53). Moscow: Editorial URSS.
- Bajrak, G. F. (2003). *Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie problemy bor'by s terrorizmom*: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Rostov-on-Don.
- Gorbunov, K. G. (2012). *Terrorizm: istoriya i sovremennost': social'no-psihologicheskoe issledovanie*. Moscow: Forum.
- Grigor'ev, P. E., Ignatov, A. N. (2016). Vliyanie geliogeofizicheskikh faktorov na osobennosti terroristicheskoy aktivnosti. *Prostranstvo i Vremya*, 1–2(23–24), 252–256.
- Dikaev, S. U. (2004). *Terrorizm: fenomen, obuslovlennost' i mery protivodejstviya: Ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie*: dis. ... doktora jurid. nauk. Saint Petersburg.
- Ignatov, A. N. (2010). Biologicheskie faktory determinacii prestupnogo povedeniya: postanovka problemy. *Forum prava*, 4, 402–412.
- Ignatov, A. N. (2015). Strast' kak fundamental'naya sostavlyayushchaya motiva prestupnogo povedeniya. *Obshchestvo i pravo*, 1 (51), 63–68.
- Ignatov, A. N., Grigor'ev, P. E. (2016). Vliyanie geliogeofizicheskikh faktorov na sostoyanie prestupnosti. *Obshchestvo i pravo*, 2 (56), 189–196.
- Il'yanovich, E. B. (2016). Tekhnogennaya civilizaciya: osnovnye rakursy konceptualizacii ponyatiya. *Nauchnyj vestnik Kryma*, 2 (2).
- Il'yanovich, E. B. (2020). Transgumanisticheskij scenarij chelovecheskogo budushchego: konceptualizaciya klyuchevyh ponyatij. V O. A. Gabrielyan (gl. red.), *Prakticheskaya filosofiya: sostoyanie i perspektivy*: sbornik materialov III nauchnoj konferencii (Simferopol', 17-18 maya 2020 g., str. 33–36). Simferopol': Izdatel'stvo Tipografiya «Arial».
- Kel'bas, N. (2015). *Deterministskij podhod k ocenke mezhdunarodnogo prestupleniya terrorizma*. Moscow: Vysshaya shkola.
- Kudryashova, I. V. (2018). Religioznyj terrorizm: Konceptual'nye problemy politicheskogo analiza. *Politicheskaya nauka*, 4, 54–68, https://doi.org/10.31249/poln/2018.04.03_57
- Lazarev, F. V. (2019). *Istina i struktura real'nosti. Osnovy interval'noj metodologii*. Simferopol': IT «ARIAL».
- Mishin, Yu. D., Kochnev, E. A. (2015). Aktual'nost' ispol'zovaniya sochetaniya sistemnogo i dialekticheskogo podhodov v ponimanii terrorizma. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. *Voprosy teorii i praktiki*, 10 (60), 118–123.

- Nikitin, A. V. (2003). *Terrorizm kak forma deviantnogo povedeniya: Kriminologicheskij aspekt: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk.* Saint Petersburg.
- Ol'shanskij, D. V. (2002). *Psihologiya terrorizma.* Saint Petersburg: Piter.
- Yablokov, I. N. (2011). Ponyatie i funkcii religii. *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom*, 29 (1), 204–211.
- Fukuyama, F. (2000, March 15). *The Trouble with Names.* Foreign Policy. <https://foreignpolicy.com/2000/03/15/the-trouble-with-names/>
- Persinger, M. A. (1997). Geomagnetic variables and behavior: Lxxxiii. Increased geomagnetic activity and group aggression in chronic limbic epileptic male rats. *Percept. Mot. Skills*, 85 (3 Pt 2), 1376–1378. <https://doi.org/10.2466/pms.1997.85.3f.1376>. PMID: 9450296
- Sterman, J. (2000). *Business Dynamics: Systems Thinking and Modeling for a Complex World.* McGraw-Hill. https://www.researchgate.net/publication/44827001_Business_Dynamics_System_Thinking_and_Modeling_for_a_Complex_World

Информация об авторе:

Кристина Сергеевна Абисова – преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук.

About the author:

Kristina S. Abisova – lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimea branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Cand. Sci. (Jurid.)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 12.03.2024; **Одобрена после рецензирования** 29.03.2024;
Опубликована 28.04.2024

Submitted March 12, 2024; **Approved after reviewing** March 29, 2024; **Accepted** April 28, 2024

Оригинальная статья

УДК 159.9.072

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-1-33-44

Психологические ресурсы служебной лояльности в профилактике дисциплинарных нарушений сотрудниками органов внутренних дел

Асель Азилбековна Сарсенова

ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области
(Санкт-Петербург, Россия)

a.a.sarsenova@bk.ru

ORCID: 0000-0001-8916-7680

Наталья Андреевна Гончарова

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)

goncharova_n@bk.ru

ORCID: 0000-0003-0795-4969

Аннотация

Введение. В статье обсуждается значимость служебной лояльности как перспективного психологического ресурса, который можно использовать в профилактике дисциплинарных нарушений сотрудниками органов внутренних дел. Лояльность как структурный компонент личностной надежности сотрудников представляет собой значимую характеристику личности динамического характера, что позволяет обеспечить ее формирование и развитие в профессиональной деятельности. **Методы исследования.** В исследовании применялись общенаучные методы теоретического анализа, эмпирические методы, методы психологической практики (тренинг), психодиагностические методики: анкета-опросник Дж. Мейера и Н. Аллен «Шкала организационной лояльности», методика измерения лояльности С. С. Баранской, методика «Возможность реализации мотивов» В. И. Доминьяка, тест «Правосознание» Л. А. Ясюковой. Математическая обработка результатов включала методы описательного, сравнительного и факторного анализа с помощью статистического пакета «SPSS Statistics ver. 22.0», с использованием U-критерия Манна-Уитни. **Результаты.** Определены возможности служебной лояльности как личностного ресурса, обеспечивающего решение задач профилактики дисциплинарных нарушений сотрудниками органов внутренних дел. Установлены особенности лояльности сотрудников, имеющих дисциплинарные взыскания, отражающие низкий уровень аффективной, продолженной и нормативной лояльности, лояльности труду, оценки возможностей реализации мотивов. Выявлена факторная структура лояльности, в которой ведущими выступают ценности профессиональной деятельности, лояльность профессии, психологическое благополучие и социальное принятие, лояльность труду и профессиональному сообществу, удовлетворенность деятельностью и организационной культурой. Проанализированы результаты психологического тренинга, направленного на формирование и развитие лояльности. Были выявлены статистически достоверные, значимые сдвиги (при $p \leq 0,05$) в показателях лояльности сотрудников, принимавших участие в психокоррекционной работе, доказывающие возможность изменения лояльного отношения сотрудников.

Ключевые слова

служебная лояльность, психологические ресурсы служебной лояльности, профилактика дисциплинарных нарушений, тренинг формирования и развития лояльности

Благодарности

Авторы выражают благодарность начальнику научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидату психологических наук, доценту Злоказову Кириллу Витальевичу и психологу Санкт-Петербург-Витебского линейного отдела МВД России на транспорте Кучеровой Алине Андреевне, оказавшим значительную помощь в проведении исследования.

Для цитирования: Сарсенова, А. А., Гончарова, Н. А. (2024). Психологические ресурсы служебной лояльности в профилактике дисциплинарных нарушений сотрудниками органов внутренних дел. *Российский девиантологический журнал*, 4 (1), 33–44. doi: 10.35750/2713-0622-2024-1-33-44.

Original paper

Psychological resources of service loyalty in the prevention of disciplinary violations by employees of internal affairs bodies

Asel A. Sarsenova

Main Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for St. Petersburg and Leningrad Region (St. Petersburg, Russia)

a.a.sarsenova@bk.ru

ORCID: 0000-0001-8916-7680

Natalia A. Goncharova

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

(St. Petersburg, Russia)

goncharova_n@bk.ru

ORCID: 0000-0003-0795-4969

Abstract

Introduction. The article deals with the significance of service loyalty as a promising psychological resource that can be used in the prevention of disciplinary violations among employees of internal affairs bodies. Loyalty as a structural component of personal reliability of employees is a significant characteristic of personality of dynamic nature, which enables to ensure its formation and development in professional activity. **Research methods.** General scientific methods of theoretical analysis, empirical methods, methods of psychological practice (training), psychodiagnostic techniques were used in the research: Questionnaire of J. Meyer and N. Allen “Organisational Commitment Scale”, S.S. Baranskaya’s Method of measuring loyalty, V.I. Dominyak’s Method “The possibility of realising motives”, L.A. Yasyukova’s test “Legal Consciousness”. Mathematical processing of the results included methods of descriptive, comparative and factor analysis using the statistical package “SPSS Statistics ver. 22.0” with the Mann-Whitney U-criterion. **Results.** The possibilities of service loyalty as a personal resource for solving the challenges of disciplinary violations among employees of internal affairs bodies were determined. The peculiarities of loyalty of employees having disciplinary sanctions reflecting low level of affective, continued and normative loyalty, work loyalty, assessment of possibilities of realisation of motives were established. The factor structure of loyalty is revealed, where the values of professional activity,

loyalty to profession, psychological well-being and social acceptance, work and professional community loyalty, satisfaction with activity and organisational culture are considered the leading ones. The results of psychological training aimed at the formation and development of loyalty were analysed. Statistically reliable, significant shifts ($p \leq 0.05$) in the loyalty indicators of employees who participated in the psychocorrectional work were identified, proving the possibility of changing the loyal attitude of employees.

Keywords

service loyalty, psychological resources of service loyalty, prevention of disciplinary violations, training of loyalty formation and development

Acknowledgements

The authors express their appreciation to Kirill Vitalievich Zlokazov, Head of the Research Department of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, and Alina Andreevna Kucherova, psychologist of the St. Petersburg-Vitebsk Linear Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia on Transport, who provided considerable assistance in this research.

For citation: Sarsenova, A. A., Goncharova, N. A. (2024). Psychological resources of service loyalty in the prevention of disciplinary violations by employees of internal affairs bodies. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (1), 33–44. doi: 10.35750/2713-0622-2024-1-33-44.

Введение

Личностные ресурсы лояльности субъекта правоохранительной деятельности являются одними из наиболее важных для сохранения ее стабильности, повышения эффективности и профилактики дисциплинарных нарушений сотрудниками органов внутренних дел. Они актуальны на каждом из этапов профессиональной деятельности и значимо взаимосвязаны с показателями индивидуального благополучия и успешности, профессиональной адаптации к деятельности, нормативности поведения и профессиональной компетентности сотрудников. Данный факт отмечается в многочисленных исследованиях проблемы лояльности сотрудников различных сфер профессиональной деятельности и представлен в работах В. И. Доминьяка, С. С. Баранской, С. В. Голубкова, М. И. Магуры, В. Buchanan, J. P. Meyer, N. J. Allen, Y. Wiener, A. S. Gechman (Доминьяк, 2006; Баранская, 2011; Голубков, 2004; Магура, Курбатова, 2001; Buchanan, 1974; Meyer & Allen, 1984; Wiener & Gechman, 1977).

Лояльность сотрудников органов внутренних дел подразумевает определенный способ и форму выражения положительного отношения не только к организации, но и приверженность служебному долгу, профессиональным ценностям в соответствии с принципами законности. Сформированная лояльность обеспечивает нормативный уровень активности сотрудников, а комплекс конструктивных мотивационных переменных отмечается как важное условие эффективности. Лояльность тесным образом связана с ценностно-нравственными ориентациями личности, преданностью интересам службы, удовлетворением потребностей, поэтому ее ресурс может быть использован в повышении мотивации деятельности и профилактике дисциплинарных нарушений сотрудниками органов внутренних дел.

Служебная лояльность отражает совокупность личностных диспозиций субъекта деятельности, обеспечивающих выполнение служебного долга и моральных обязательств по отношению к избранной профессии. В соответствии с этим в содержании данного понятия С. В. Горностаев предлагает обсуждать комплексные характеристики личности, отражающие эмоциональное отношение сотрудника к службе, мотивационную готовность к реализации оперативно-служебных задач, компетентность в сфере основного содержания деятельности (Горностаев, 2016).

Содержание понятия служебной лояльности представлено, во-первых, значением собственно «лояльности», в котором отражены понятия верности, приверженности, преданности, благонадежности. Во-вторых, в данном явлении следует учитывать фактор служения как высшей духовной ценности. И в-третьих, служебная лояльность, как и любое психологическое явление, проходит сложный путь формирования от уровня кратковременного психического процесса через систематические переживания принадлежности и приверженности организации к устойчивым свойствам личности. В данном контексте следует отметить не только свойства приверженности, но и глубинные установки сотрудников, согласующиеся с его мотивационными факторами, убеждением о недопустимости нарушения личностной надежности в деятельности, и управлением конфликтностью личных ожиданий.

Подобные явления, связанные с ожиданиями сотрудников, отмечаются в исследованиях, направленных на оценку лояльности и решение задач ее формирования (R. R. Reilly, H. J. Arnold, D. C. Feldman, C. E. Michaels, P. E. Spector, J. K. Sager, M. W. Johnston). Очень часто между ожиданиями сотрудников и реальными результатами деятельности имеются существенные расхождения, а имеющийся негативный опыт не формирует необходимых лояльных установок (Arnold & Feldman, 1982; Michaels & Spector, 1982). В таких обстоятельствах создается острая необходимость в изменении организационных условий, способствующих приобретению положительного опыта работы в конкретной профессиональной деятельности, в результате чего установки субъекта могут быть существенно скорректированы (Reilly et al., 1981). Лояльность сотрудников как психологическое явление, значимо связанное с его мотивацией, будет детерминировать стабильность деятельности и приверженность организации при условии ее стимулирования, формирования и развития (Sager & Johnston, 2013; Stumpf & Hartman, 1984).

В данном контексте следует констатировать необходимость стимулирования мотивации субъекта деятельности, которая должна совпадать у субъекта в части наличия мотивов и возможности их реализации в конкретной организации. В противном случае это будет провоцировать несформированность лояльных установок, нарушения трудовой дисциплины и девиантное поведение сотрудников. Можно со всей определенностью утверждать, что для нелояльного поведения характерным является именно внутриличностный конфликт, основу которого составляет когнитивное несоответствие, в результате которого субъект реализует «поведение для себя», но не «поведение для другого» (Сочивко, Бондырева, 2019; Сочивко, 2020). Это идет вразрез с требованиями служебного долга и служебной лояльности, требованиями к личной убежденности сотрудника правоохранительных органов в необходимости соблюдения норм служебной деятельности.

Выполнение служебных требований в анализе факторов дисциплинарных нарушений отмечается в исследованиях Л. В. Медведицковой. В числе наиболее значимых компонентов нарушений указываются низкая волевая саморегуляция, безответственное отношение к поставленным задачам в деятельности (Медведицкова, 2019). Существенное значение в комплексе факторов, детерминирующих нормативность поведения, имеют внутренние побуждения личности, в основе которых лежат механизмы смысловой идентификации требований и присвоение субъектом служебных требований в качестве значимых терминальных ценностей. Сущность нарушений служебной дисциплины А. С. Душкин видит в недостаточном развитии нравственных профессиональных качеств, отсутствии положительного примера поведения со стороны руководящих лиц, низком уровне правосознания, искажении ценностных ориентаций сотрудников органов внутренних дел (Душкин, Щелкушкина, 2015).

В совокупности все рассматриваемые в научных исследованиях факторы дисциплинарных нарушений являются детерминантами, ограничивающими возможность формирования ло-

яльности и личностной надежности сотрудника. Как следствие, ограничиваются возможности эффективных, своевременных и активных действий в решении оперативно-служебных задач в условиях повышенной опасности, связанной с риском для жизни и здоровья, отражающей специфику правоохранительной деятельности. Профилактика дисциплинарных нарушений является важной задачей морально-психологического обеспечения деятельности сотрудников органов внутренних дел, и в ее реализации ресурсы служебной лояльности обладают значимым потенциалом.

Методы

В исследовании применялись общенаучные методы теоретического анализа, эмпирического исследования и психологической коррекции при помощи психологического тренинга. В ходе исследования была поставлена задача оценки психологических особенностей лояльных и нелояльных сотрудников, на основании чего сформирована группа лояльных. В данном исследовании представлены две группы сравнения: первая – сотрудники с высоким уровнем лояльности ($n = 32$), во вторую группу включены сотрудники, имеющие низкий уровень лояльности и дисциплинарное взыскание в виде выговора, строгого выговора или предупреждения о неполном служебном соответствии ($n = 29$). В реализации тренинга формирования и развития лояльности были сформированы экспериментальные и контрольные группы. Психодиагностические методики, примененные в исследовании, позволили оценить показатели лояльности: анкета-опросник Дж. Мейера и Н. Аллен «Шкала организационной лояльности», методика измерения лояльности С. С. Баранской, методика «Возможность реализации мотивов» В. И. Доминьяка. Математическая обработка результатов включала методы описательного, сравнительного и факторного анализа с помощью статистического пакета «SPSS Statistics ver. 22.0» с использованием U-критерия Манна-Уитни.

Результаты исследования

Анализ полученных психодиагностических показателей позволил установить, что для сотрудников, имеющих дисциплинарные взыскания, характерны низкий уровень показателей эмоциональной лояльности, переживания чувства долга, гордости за организацию, лояльности к конкретному виду правоохранительной деятельности, удовлетворения от процесса деятельности, ощущения самостоятельности в принятии решений и соревновательного азарта (табл. 1).

В ходе проведенного факторного анализа были установлены значимые компоненты служебной лояльности сотрудников органов внутренних дел (табл. 2).

Данная факторная структура включает в себя шесть компонентов, а именно: ориентацию на достижения ценностей профессиональной деятельности, положительное отношение к профессии сотрудника правоохранительных органов и профессиональному сообществу в лице руководителя и коллег, стремление к достижению психологического благополучия, признанию со стороны общественности и общему состоянию удовлетворенности от реализуемой деятельности и существующих традиций, установленных в подразделении, а также положительное отношение к конкретному виду профессионально-служебной деятельности.

С целью оценки возможности формирования и развития служебной лояльности сотрудников органов внутренних дел посредством психологической работы с ее компонентами был разработан психологический тренинг (далее – «тренинг»), основанный на результатах проведенного ранее теоретического анализа существующих подходов к исследованию лояльности, служебной лояльности и личностной надежности, а также результатах, полученных в ходе эмпирического анализа (Сарсенова, 2023). Метод психологического тренинга рассматривается

Таблица 1. Сравнительный анализ показателей средних значений сотрудников ОВД с высоким уровнем лояльности и сотрудников ОВД, имеющих дисциплинарное взыскание

Table 1. Comparative analysis of indicators of average values of police officers with a high level of loyalty and police officers with disciplinary sanctions

Шкала	Сотрудники ОВД с высоким уровнем лояльности (n = 32)	Сотрудники ОВД с дисциплинарным взысканием (n = 29)	p ≤
<i>Анкета-опросник Дж. Мейера и Н. Аллен «Шкала организационной лояльности»</i>			
Аффективная лояльность	4,8 ± 0,8	4,1 ± 1,1	0,01
Продолженная лояльность	4,0 ± 1,1	3,1 ± 1,3	0,01
<i>Методика измерения лояльности С. С. Баранской</i>			
Гордость за организацию	18,2 ± 3,6	15,2 ± 4,7	0,01
Лояльность труду	50,1 ± 9,9	38,2 ± 11,5	0,001
<i>Методика «Возможность реализации мотивов» В.И. Доминяка</i>			
Удовлетворение от процесса деятельности (ВРМ)	7,4 ± 2,2	5,9 ± 2,3	0,01
Ощущение свободы, самостоятельности в принятии решений (ВРМ)	6,6 ± 2,4	5,5 ± 2,4	0,05
Азарт соревнования (ВРМ)	6,8 ± 2,5	5,0 ± 2,5	0,01
<i>Тест «Правосознание» Л.А. Ясюковой</i>			
Деловая сфера	3,5 ± 2,3	5,2 ± 1,9	0,01
Правосознание	18,4 ± 5,9	22,2 ± 4,2	0,01

Таблица 2. Факторная структура служебной лояльности сотрудников органов внутренних дел

Table 2. Factor structure of service loyalty of employees of internal affairs bodies

№	% дисперсии	Название факторов
I	15	Ценность профессиональной деятельности
II	13	Лояльность профессии
III	11,1	Психологическое благополучие и социальное принятие
IV	10,8	Лояльность труду
V	7,9	Лояльность профессиональному сообществу
VI	6,2	Удовлетворенность деятельностью и организационной культурой

в качестве одного из значимых в обеспечении служебной дисциплины (Кубышко, 2008). Его эффективность доказана в профилактике девиантного поведения, профессиональных деформаций сотрудников.

В данном тренинге были определены две цели – исследовательская и развивающая. Исследовательская цель тренинга заключалась в выявлении компонентов лояльности, изменяющихся при осуществлении психологического взаимодействия. Развивающая цель тренинга заключалась в развитии служебной лояльности и личностной надежности при помощи расширения ценностных представлений сотрудников, актуализации профессиональных мотивационных установок, рефлексии собственного профессионального отношения и карьерных ориентаций (Сарсенова, 2023).

Тренинг был организован для сотрудников органов внутренних дел. В ходе тренинга рассматривались возможности повышения уровня служебной лояльности сотрудников в целях увеличения эффективности профессиональной и служебной деятельности, а также выявление и обсуждение деструктивных паттернов поведения, которые могут повлиять на принятие решений или своевременность действий как в повседневной деятельности, так и при выполнении оперативно-служебных задач.

Предварительный отбор сотрудников проводился с учетом ряда характеристик: низкий уровень лояльности, актуальная должность сотрудника органов внутренних дел в составе группы повышенного психолого-педагогического внимания или наличие действующего дисциплинарного взыскания. Для оценки эффективности тренинга контролю подвергались значения показателей аффективной, продолженной и нормативной лояльности, правосознания, показатели представлений о возможности и значимости реализации мотивов в организации.

На первом этапе тренинга осуществлялся отбор участников эксперимента по критериям однородности стажа службы и половой принадлежности сотрудников органов внутренних дел. Были сформированы четыре группы сотрудников: две группы, подвергающиеся экспериментальному воздействию, и две группы контрольные. Экспериментальную группу для оценки эффективности тренинга составили действующие сотрудники органов внутренних дел среднего и старшего начальствующего состава, занимающие должности инспекторов по охране общественного порядка ($n = 26$, стаж службы – 12,6 года, женщин – 9 человек, мужчин – 17 человек). Контрольную группу составили сотрудники органов внутренних дел того же подразделения, которые не принимали участия в тренинге ($n = 26$, стаж службы – 12,1 года, женщин – 10 человек, мужчин – 16 человек). Данная выборка включала в себя сотрудников с низким уровнем лояльности; из них имеющих действующие дисциплинарные взыскания – 16 человек, находящихся в группе повышенного психолого-педагогического внимания – 5 человек.

На втором этапе была проведена подготовка штатного психолога подразделения по вопросам сущности и содержания основных особенностей служебной лояльности и личностной надежности сотрудников органов внутренних дел, ознакомление с психодиагностическим инструментарием и методическими рекомендациями тренинга. На данном этапе было проведено предварительное психологическое тестирование, что позволило измерить актуальный уровень лояльности, ценностно-мотивационную ориентацию и уровень правосознания сотрудников и затем реализовывать выполнение поставленных задач в ходе психологического тренинга. Разработка упражнений тренинга, а также определение условий его реализации выполнены на основе анализа полученных эмпирических результатов исследования. Конкретный диагностический инструментарий входного и выходного контроля опирался на результаты факторного анализа.

Результаты тренинга показали значительные сдвиги в показателях лояльности. Сравнительный анализ показателей значений экспериментальной и контрольной групп до и после

прохождения тренинга формирования и развития служебной лояльности сотрудников органов внутренних дел позволил установить значимые различия практически по всем параметрам (табл. 3).

Таблица 3. Результаты сравнительного анализа компонентов служебной лояльности в экспериментальной группе до и после проведения тренинга

Table 3. Results of a comparative analysis of the components of service loyalty in the experimental group before and after the training session

Шкала	До проведения тренинга (n=13)	После проведения тренинга (n=13)	p ≤
Аффективная лояльность	3,0 ± 0,5	3,0 ± 0,7	0,05
Продолженная лояльность	2,0 ± 0,9	3,0 ± 0,9	0,05
Нормативная лояльность	2,0 ± 0,9	3,0 ± 0,9	0,05
Вовлеченность в дела организации	11,0 ± 3,1	15,0 ± 4,7	0,05
Профессиональная лояльность	37,0 ± 7,9	46,0 ± 4,7	0,05
Лояльность труду	42,0 ± 7,6	50,0 ± 11,1	0,05
Общий уровень правосознания	17,0 ± 0,8	18,0 ± 0,9	0,05
Материальный достаток (ВРМ)	5,0 ± 1,4	6,0 ± 1,5	0,05
Удовлетворенность процессом деятельности (ВРМ)	4 ± 1,8	6,0 ± 2,3	0,05
Общение с коллегами (ВРМ)	4,0 ± 1,9	6,0 ± 1,9	0,05
Ощущение стабильности, надёжности (ВРМ)	5,0 ± 0,9	8,0 ± 0,8	0,05

Анализируя результаты внедрения тренинга на основе значений показателей служебной лояльности, следует отметить, что показатели сотрудников органов внутренних дел, принявших участие в тренинге, статистически значимо изменились, в отличие от значений сотрудников, не участвовавших в тренинге: наблюдается повышение уровня показателей по шкалам лояльности ($p < 0,05$), мотивации ($p < 0,05$) и правосознания ($p < 0,05$), что подтверждает теоретические предположения о том, что лояльность является пластичным феноменом. Это позволяет использовать психологические ресурсы служебной лояльности в профилактике дисциплинарных нарушений сотрудниками органов внутренних дел.

Значения показателей экспериментальной группы по шкалам мотивов «материальный достаток» ($p < 0,05$), «удовлетворенность процессом деятельности» ($p < 0,05$), «общение с коллегами» ($p < 0,05$) (методика «Возможность реализации мотивов» В. И. Доминьяка), а также шкалы «общий уровень правосознания» ($p < 0,05$) (тест «Правосознание» Л. А. Ясюковой), изменились в меньшей степени, чем показатели лояльности ($p < 0,001$) и значимость реализации мотива «ощущение стабильности, надёжности» ($p < 0,001$) относительно показателей контрольной группы, которая не проходила предварительного тестирования и не участвовала в тренинге. Это свидетельствует об эффективности тренинга формирования и развития служебной лояльности сотрудников органов внутренних дел.

Установлены изменения на уровне тенденции в представлениях сотрудников о возможности реализации мотивов, связанных с материальным достатком, удовлетворенностью процессом профессиональной деятельности, общением с коллегами, а также общий уровень правосознания. Данные характеристики являются сложными индивидуально-психологическими особенностями, для изменения которых необходимы более длительный временной период, комплекс дополнительных мер стимулирования и систематической целенаправленной работы в процессе морально-психологической подготовки сотрудников органов внутренних дел.

Полученные положительные результаты экспериментальной работы определялись качеством методологической подготовки психолога-тренера, с которым также была проведена работа информационно-методического характера: подробное объяснение целей и содержания тренинга, его задач, этапов и предполагаемых результатов. В достижении положительных результатов необходимо отметить и значимость подготовительных организационных мероприятий, которые были реализованы при поддержке руководящего состава подразделения. В этих целях был представлен план проводимого психологического тренинга с предполагаемыми результатами. Комплексная подготовка всех лиц, задействованных в организации и проведении психологического тренинга, способствовала достижению поставленных тренингом целей и задач. Перспективы расширения его содержательной составляющей позволяют прогнозировать своевременное предупреждение дисциплинарных нарушений поведения сотрудниками органов внутренних дел.

Выводы

Служебная лояльность сотрудников органов внутренних дел может быть сформирована как устойчивое ценностно-нравственное свойство личности только в условиях профессиональной деятельности, направленность которой будет определяться исполнением долга и нравственно-деловыми ценностными ориентациями, мотивационной готовностью сотрудника к соблюдению принципов законности и правопорядка.

Служебная лояльность сотрудников органов внутренних дел, являясь важным компонентом личностной надежности, может быть важным ресурсом в профилактике дисциплинарных нарушений. Условием формирования и развития служебной лояльности является фактор вовлеченности сотрудников в профессиональную деятельность организации, переживание чувства приверженности, способность и готовность к исполнению возложенных на сотрудника органов внутренних дел задач в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации, сформированность положительного отношения к профессиональному сообществу и организационной культуре, преданность интересам профессии, верность долгу и патриотическое отношение.

Полученные в ходе тренинга формирования и развития лояльности достоверно значимые статистические результаты, отражающие ценностно-нравственную сущность прогрессивных изменений в отношениях сотрудников к служебному долгу, позволяют прогнозировать благоприятные перспективы развития лояльности в решении задач профилактики дисциплинарных нарушений сотрудниками органов внутренних дел. Результативность проведенного тренинга показывает практическую значимость использования данного психологического ресурса в системе морально-психологического обеспечения деятельности сотрудников органов внутренних дел.

Список литературы

- Баранская, С. С. (2011). Методика измерения лояльности. *Психологические исследования*, 4 (15). <https://doi.org/10.54359/ps.v4i15.867>
- Голубков, С. В. (2004). Лояльность персонала компании: психологическая структура, формирование и методика измерения. *Управление персоналом*, 10 (87), 62–64.
- Гончарова, Н. А., Сарсенова А. А. (2020). Значение служебной лояльности в обеспечении личностной надежности сотрудников органов внутренних дел. В А. А. Рожков (ред.), *Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии* (Васильевские чтения - 2020): материалы международной научно-практической конференции, (Санкт-Петербург, 23 апреля 2020 года, стр. 128–131). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Горностаев, С. В. (2016). Служебная лояльность сотрудников как научная проблема и фактор обеспечения безопасности и эффективности в функционировании уголовно-исполнительной системы. *Человек: преступление и наказание*, 1 (92), 133–138.
- Доминяк, В. И. (2006). Организационная лояльность: основные подходы. *Менеджер по персоналу*, 4, 34–40.
- Душкин, А. С., Щелкушкина, Е. А. (2015). Психолого-правовой анализ причин, условий и факторов нарушений служебной дисциплины и законности сотрудниками полиции. *Прикладная юридическая психология*, 1, 89–99.
- Кубышко, В. Л. (2008). Психологическое обеспечение профилактики нарушений служебной дисциплины в органах внутренних дел. Под ред. В. Л. Кубышко. В *Хрестоматия по юридической психологии. Особенная часть. Психологическая служба в правоохранительных органах* (стр. 40–45). Москва.
- Магура, М. И., Курбатова, М. Б. (2001). *Современные персонал-технологии*. Москва: Бизнес-шк. «Интел-Синтез».
- Медведицкова, Л. В. (2019). Дисциплинированность сотрудника органов внутренних дел: содержание и пути формирования в процессе профессиональной подготовки. *Мир науки, культуры, образования*, 5 (78), 218–220. <https://doi.org/10.24411/1991-5497-2019-00091>
- Сарсенова, А. А. (2023). Служебная лояльность в структуре личностной надёжности сотрудников органов внутренних дел: дис. ... канд. психол. наук. Санкт-Петербург. URL: https://mvd.ru/upload/site125/dissertaciy/2023/5.3.9./sarsenova_a_a/Dissertatsiya_Sarsenova_.pdf
- Сочивко, Д. В., Бондырева, С. К. (2019). Методология и метод исследования просоциального поведения. *Прикладная юридическая психология*, 4 (49), 23–33.
- Сочивко, Д. В. (2020). Психодинамика экзистенциально-личностных трансформаций личности в процессе обучения и службы в закрытых социальных системах. *Прикладная юридическая психология*, 2 (51), 24–33.
- Arnold, H. J., & Feldman, D. C. (1982). A multivariate analysis of the determinants of job turnover. *Journal of Applied Psychology*, 67 (3), 350–360. <https://doi.org/10.1037/0021-9010.67.3.350>
- Buchanan, B. (1974). Building organizational commitment: The socialization of managers in work organizations. *Administrative Science Quarterly*, 19 (4), 533–546. <https://doi.org/10.2307/2391809>
- Meyer, J. P., & Allen, N. J. (1984). Testing the “side-bet theory” of organizational commitment: Some methodological considerations. *Journal of Applied Psychology*, 69 (3), 372–378. <https://doi.org/10.1037/0021-9010.69.3.372>
- Wiener, Y., & Gechman, A. S. (1977). Commitment: A behavioral approach to job involvement. *Journal of Vocational Behavior*, 10 (1), 47–52. [https://doi.org/10.1016/0001-8791\(77\)90041-0](https://doi.org/10.1016/0001-8791(77)90041-0)

- Michaels, C. E., & Spector, P. E. (1982). Causes of employee turnover: A test of the Mobley, Griffeth, Hand, and Meglino model. *Journal of Applied Psychology*, 67 (1), 53–59. <https://doi.org/10.1037/0021-9010.67.1.53>
- Reilly, R. R., Brown, B., Blood, M. R., & Malatesta, C. Z. (1981). The Effects of Realistic Previews: A Study and Discussion of the Literature. *Personnel Psychology*, 34 (4), 823–834. <https://doi.org/10.1111/j.1744-6570.1981.tb01433.x>
- Sager, J. K., & Johnston, M. W. (2013). Antecedents and Outcomes of Organizational Commitment: A Study of Salespeople. *Journal of Personal Selling and Sales Management*, 9 (1), 30–41. <https://api.semanticscholar.org/CorpusID:140953322>
- Stumpf, S. A., & Hartman, K. (1984). Individual Exploration to Organizational Commitment or Withdrawal. *Academy of Management Journal*, 27 (2), 308–329.

References

- Baranskaya, S. S. (2011). Metodika izmereniya loy'al'nosti. *Psihologicheskie issledovaniya*, 4 (15). <https://doi.org/10.54359/ps.v4i15.867>
- Golubkov, S. V. (2004). Loy'al'nost' personala kompanii: psihologicheskaya struktura, formirovanie i metodika izmereniya. *Upravlenie personalom*, 10 (87), 62–64.
- Goncharova, N. A., Sarsenova A. A. (2020). Znachenie sluzhebnoj loy'al'nosti v obespechenii lichnostnoj nadezhnosti sotrudnikov organov vnutrennih del. V A. A. Rozhkov (red.), *Aktual'nye problemy psihologii pravoohranitel'noj deyatel'nosti: koncepcii, podhody, tekhnologii (Vasil'evskie chteniya - 2020): materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*, (Sankt-Peterburg, 23 aprelya 2020 goda, str. 128–131). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Gornostaev, S. V. (2016). Sluzhebnyaya loy'al'nost' sotrudnikov kak nauchnaya problema i faktor obespecheniya bezopasnosti i effektivnosti v funkcionirovanii ugovolno-ispolnitel'noj sistemy. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*, 1 (92), 133–138.
- Dominyak, V. I. (2006). Organizacionnaya loy'al'nost': osnovnye podhody. *Menedzher po personalu*, 4, 34–40.
- Dushkin, A. S., Shchelkushkina, E. A. (2015). Psihologo-pravovoj analiz prichin, uslovij i faktorov narushenij sluzhebnoj discipliny i zakonnosti sotrudnikami policii. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya*, 1, 89–99.
- Kubyshko, V. L. (2008). Psihologicheskoe obespechenie profilaktiki narushenij sluzhebnoj discipliny v organah vnutrennih del. Pod red. V. L. Kubyshko. V *Hrestomatiya po yuridicheskoy psihologii. Osobennaya chast'*. *Psihologicheskaya sluzhba v pravoohranitel'nyh organah* (str. 40–45). Moscow.
- Magura, M. I., Kurbatova, M. B. (2001). *Sovremennye personal-tekhnologii*. Moscow: Biznes-shk. «Intel-Sintez».
- Medvedickova, L. V. (2019). Disciplinirovannost' sotrudnika organov vnutrennih del: sodержanie i puti formirovaniya v processe professional'noj podgotovki. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 5 (78), 218–220. <https://doi.org/10.24411/1991-5497-2019-00091>
- Sarsenova, A. A. (2023). Sluzhebnyaya loy'al'nost' v strukture lichnostnoj nadyozhnosti sotrudnikov organov vnutrennih del: dis. ... kand. psihol. nauk. Saint Petersburg. URL: https://mvd.ru/upload/site125/dissertaciy/2023/5.3.9./sarsenova_a_a/Dissertatsiya_Sarsenova_.pdf
- Sochivko, D. V., Bondyreva, S. K. (2019). Metodologiya i metod issledovaniya prosocial'nogo povedeniya. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya*, 4 (49), 23–33.
- Sochivko, D. V. (2020). Psihodinamika ekzistencial'no-lichnostnyh transformacij lichnosti v processe obucheniya i sluzhby v zakrytyh social'nyh sistemah. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya*, 2 (51), 24–33.

- Arnold, H. J., & Feldman, D. C. (1982). A multivariate analysis of the determinants of job turnover. *Journal of Applied Psychology*, 67 (3), 350–360. <https://doi.org/10.1037/0021-9010.67.3.350>
- Buchanan, B. (1974). Building organizational commitment: The socialization of managers in work organizations. *Administrative Science Quarterly*, 19 (4), 533–546. <https://doi.org/10.2307/2391809>
- Meyer, J. P., & Allen, N. J. (1984). Testing the “side-bet theory” of organizational commitment: Some methodological considerations. *Journal of Applied Psychology*, 69 (3), 372–378. <https://doi.org/10.1037/0021-9010.69.3.372>
- Wiener, Y., & Gechman, A. S. (1977). Commitment: A behavioral approach to job involvement. *Journal of Vocational Behavior*, 10 (1), 47–52. [https://doi.org/10.1016/0001-8791\(77\)90041-0](https://doi.org/10.1016/0001-8791(77)90041-0)
- Michaels, C. E., & Spector, P. E. (1982). Causes of employee turnover: A test of the Mobley, Griffeth, Hand, and Meglino model. *Journal of Applied Psychology*, 67 (1), 53–59. <https://doi.org/10.1037/0021-9010.67.1.53>
- Reilly, R. R., Brown, B., Blood, M. R., & Malatesta, C. Z. (1981). The Effects of Realistic Previews: A Study and Discussion of the Literature. *Personnel Psychology*, 34 (4), 823–834. <https://doi.org/10.1111/j.1744-6570.1981.tb01433.x>
- Sager, J. K., & Johnston, M. W. (2013). Antecedents and Outcomes of Organizational Commitment: A Study of Salespeople. *Journal of Personal Selling and Sales Management*, 9 (1), 30–41. <https://api.semanticscholar.org/CorpusID:140953322>
- Stumpf, S. A., & Hartman, K. (1984). Individual Exploration to Organizational Commitment or Withdrawal. *Academy of Management Journal*, 27 (2), 308–329.

Информация об авторах

Асель Азилбековна Сарсенова – оперуполномоченный Управления по контролю за оборотом наркотиков ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Наталья Андреевна Гончарова – доцент кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат психологических наук, доцент.

About the authors:

Asel A. Sarsenova – detective officer of the Directorate for Drug Control of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for St. Petersburg and the Leningrad Region.

Natalia A. Goncharova – Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Cand. Sci. (Psychol.), Docent.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Authors' contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article.

The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 28.11.2023; Одобрена после рецензирования 27.12.2023; Опубликована 28.04.2024

Submitted November 28, 2023; Approved after reviewing December 27, 2023; Accepted April 28, 2024

Оригинальная статья

УДК 159.99

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-1-45-61

Оценка риска совершения преступлений лицами, освобожденными из мест лишения свободы

Антон Сергеевич Душкин

Санкт-Петербургский университет МВД России

(Санкт-Петербург, Россия)

dushkin-ac@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9139-1585

Елена Сергеевна Федотова

Костанайская академия МВД Республики Казахстан

имени Шракбека Кабылбаева (Костанай, Казахстан)

fedotova@kostacademy.edu.kz

ORCID: 0009-0000-9966-834X

Аннотация

Введение. В зарубежных странах оценка риска преступного поведения признана обязательной процедурой при изучении вероятности совершения осужденным повторного преступления. В статье представлены наиболее широко известные и часто применяемые инструменты оценки риска преступного поведения. Особое внимание уделено прогностическим возможностям этих инструментов для оценки риска совершения преступлений лицами, освобожденными из мест лишения свободы в Российской Федерации и Республике Казахстан. Ввиду формирующейся традиции использования инструментов оценки рисков в практических целях и открывающихся возможностей для проведения соответствующих исследований большое внимание авторы уделяют обзору инструментов, используемых в зарубежных странах. Целью исследования выступает теоретическое обоснование инструмента оценки риска совершения преступлений лицами, освобожденными из мест лишения свободы, а также анализ зарубежного опыта операционализации и верификации данного инструмента. **Методы исследования.** В исследовании использованы общенаучные методы: (анализ, синтез, систематизация, обобщение, аналогия), специальные методы: сравнительный (при изучении инструментов оценки риска совершения преступлений), формально-юридический (для исследования нормативных правовых актов). **Результаты.** Проведенное исследование демонстрирует широкий спектр подходов и моделей в области оценки риска преступного поведения. Классифицированы инструменты оценки риска преступного поведения, которые в исторической перспективе можно обобщить по четырем поколениям в соответствии с хронологией. Первое (и наименее надежное) – оценка риска рецидива на основе клинического заключения профессионалов. Этот этап характеризовался субъективностью измерений. Второе поколение было основано на актуарной оценке с использованием взвешенных статистических предикторов и уровней значимости для рецидива. За этим последовало третье поколение, которое стремилось объединить факторы риска на основе теории статической оценки риска. Четвертое поколение инструментов основано на понимании того, что риск необходимо оценивать как непрерывный и динамичный процесс, связанный как с собственно риском, так и с потребностями и ресурсами личности. Этот подход предполагает, что сопровождение правонарушителей в ходе постпенитенциарной пробации является эффективным средством успешной оценки риска на основе учета их индивидуально-психологических особенностей и ресурсов.

Ключевые слова

криминальная рискология, прогнозирование, криминогенность, оценка риска, рецидивная преступность, административный надзор

Для цитирования: Душкин, А. С., Федотова, Е. С. (2024). Оценка риска совершения преступлений лицами, освобожденными из мест лишения свободы. *Российский девиантологический журнал*, 4 (1), 45–61. doi: 10.35750/2713-0622-2024-1-45-61.

Original paper

Assessment of the risk of committing crimes by persons released from prison

Anton S. Dushkin

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

(Saint Petersburg, Russia)

dushkin-ac@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9139-1585

Elena S. Fedotova

Kostanay Academy of the Internal Affairs Ministry of the Republic of Kazakhstan

named after Shrakbek Kabybayev (Kostanay, Kazakhstan)

fedotova@kostacademy.edu.kz

ORCID: 0009-0000-9966-834X

Abstract

Introduction. While studying recidivism prediction, criminal risk assessment is considered in many countries a mandatory procedure. The paper presents the most widely known and frequently applied risk assessment tools. Special attention is paid to predicted risk assessment tools for individuals released in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. Taking into account the emerging tradition of using these risk assessment tools for practical purposes and the opportunities for conducting relevant research, much attention is paid to reviewing the tools used abroad. The purpose of the study is to provide the theoretical grounds for recidivism risk assessment tools, as well as the analysis of foreign experience in application and verification of this tool. **Research methods.** The research uses general scientific methods: (analysis, synthesis, systematization, generalization, analogy), special methods: comparative (when studying tools for assessing the risk of recidivism), formal legal (for the study of normative legal acts). **Results.** The research demonstrates a wide range of approaches and patterns in the area of criminal behavior risk assessment. Criminal behavior risk assessment tools were classified, and they can be summarised in a historical perspective into four generations according to chronology. The first and least reliable approach is to assess the risk of recidivism based on the clinical opinion of professionals. At this stage the measurement was characterised by its subjectivity. The second generation was based on actuarial valuation using reliable statistical predictors and significance levels for recidivism. The third generation tended to combine risk factors based on the theory of static risk assessment. The fourth generation of tools is based on the understanding that risk should be assessed as a continuous and dynamic process related to both the risk itself and the needs and resources of the individual. This approach considers that offenders' supervision in post-penitentiary probation is an effective means of successful risk assessment based on their individual psychological characteristics and resources.

Keywords

criminal riskology, prediction, criminogenicity, risk assessment, recidivism, administrative supervision

For citation: Dushkin, A. S., Fedotova, E. S. (2024). Assessment of the risk of committing crimes by persons released from prison. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (1), 45–61. doi: 10.35750/2713-0622-2024-1-45-61.

Введение

Одним из существенных факторов, осложняющих криминогенную обстановку в Российской Федерации и Республике Казахстан, является высокий уровень рецидивной преступности. Проблема профилактики рецидивной преступности является одной из первостепенных в деятельности различных правоохранительных органов. Данное обстоятельство связано прежде всего с тем, что лица, неоднократно совершающие преступления, часто решительно настроены на устойчивое неприятие общепринятых норм общества и противостояние им.

В 2023 году в Российской Федерации больше половины (59,8 %) расследованных преступлений было совершено лицами, ранее совершавшими преступления¹. При этом удельный вес ранее судимых лиц вырос с 29,6 % в 2019 г. до 31,2 % в 2023 г.²

В качестве одного из вызовов, отраженных в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года определено, что лица, освобожденные из мест лишения свободы (далее – освобожденные)³, не адаптированы к жизни в гражданском обществе. Отсутствие системы пробации приводит к потере такими лицами социальных связей, жилья, средств к существованию. Профессиональные навыки таких лиц остаются невостребованными. Следствием всего этого является рост рецидивной преступности. Термин «пробация» в английской терминологии права «probation» буквально переводится – «испытание, проверка» (Дружининская, Титова, 2023).

В условиях реализации государственной политики и регулирования общественных отношений, возникающих в сфере организации и функционирования пробации, принят Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. №10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации». Целями пробации являются коррекция социального поведения, ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация лиц, в отношении которых применяется пробация, предупреждение совершения ими новых преступлений⁴.

Впервые в Российской Федерации введена постпенитенциарная пробация (данная норма вступает в силу с 1 января 2025 года). Постпенитенциарная пробация – вид пробации, применяемый в отношении лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, и оказавшихся в трудной жизненной

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2023 года (2024, 20 января). *Официальный сайт МВД России* [Электронный ресурс] URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 01.03.2024).

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2019 года (2020, 24 января). *Официальный сайт МВД России* [Электронный ресурс] URL: <https://мвд.рф/reports/item/19412450/> (дата обращения: 01.03.2024).

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 года № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» (ред. от 27.05.2023). *КонсультантПлюс*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_383610/

⁴ Федеральный закон от 6 февраля 2023 года №10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (2023). *КонсультантПлюс*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_439127/

ситуации, представляющий собой совокупность мер, направленных на ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию⁵.

Федеральной службой исполнения наказаний (далее – ФСИН России) был реализован «План профилактики повторной преступности среди осужденных, освобождающихся из мест лишения свободы, на 2020–2022 годы». Целью данного плана являлось совершенствование эффективности работы по подготовке осужденных к освобождению от отбывания наказания в виде лишения свободы, формированию условий для успешной реинтеграции в общество лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы, сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими уголовное наказание в виде лишения свободы.

В связи с развитием действующего законодательства в сфере профилактики правонарушений в Российской Федерации не теряют своей актуальности вопросы административного надзора, который осуществляют органы внутренних дел в отношении лиц, освободившихся из мест лишения свободы⁶. В 2023 г. сотрудниками органов внутренних дел профилактическая работа проводилась с 114 221 лицом, состоящим под административным надзором. На активизацию деятельности территориальных органов МВД России по противодействию рецидивной преступности, предупреждению правонарушений, совершаемых ранее судимыми лицами, в том числе состоящими под административным надзором, было направлено впервые проведенное в 2022 году комплексное федеральное оперативно-профилактическое мероприятие «Рецидив» (Душкин, 2022).

Необходимо отметить устойчивую тенденцию роста количества преступлений, совершенных лицами, состоящими под административным надзором с 2012 г. по 2023 г. В 2012 г. – 2662, в 2023 г. – 28311. Увеличение количества преступлений, совершенных лицами, состоящими под административным надзором, указывает на недостатки в деятельности всех субъектов системы предупреждения рецидивной преступности.

А. М. Потапов, С. Г. Куликов установили, что «по содержанию административный надзор в странах Содружества Независимых Государств выражается в наблюдении за освободившимися в части соблюдения последними обязанности нахождения по месту жительства (пребывания), правопослушного поведения, прибытия для регистрации и профилактических бесед» (Потапов, Куликов, 2022). В ряде случаев данный вид контроля может сочетаться с деятельностью службы пробации (например, в Республике Казахстан), сотрудники которой проводят изучение личности освобожденного с установлением состояния здоровья, уровня его образования, трудовой занятости, наличия места жительства, а также выясняют иные сведения, необходимые для определения объема предоставляемой ему социально-правовой помощи, разъясняют порядок ее предоставления.

Разновидностями постпенитенциарного контроля выступают: пробационный контроль в Республике Казахстан (статья 19 УИК Казахстана).

Содержание пробационного контроля в Республике Казахстан во многом аналогично административному надзору в данной стране, различаются только категории лиц, в отношении которых реализуются данные виды контроля.

В рамках реализации положений Концепции правовой политики в 2012 году в структуре уголовно-исполнительной инспекции в Республике Казахстан были созданы подразделения службы пробации, которая не только осуществляет контроль за поведением осужденных, но

⁵ Федеральный закон от 6 февраля 2023 года №10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (2023). *КонсультантПлюс*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_439127/

⁶ Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (2011). *КонсультантПлюс*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1127

и оказывает им содействие в получении социально-правовой помощи, включающей в себя трудоустройство, получение образования и профессии, оказание медицинских услуг, юридической, психологической и иной социальной помощи.

С 1 января 2015 года в Республике Казахстан введен в действие Уголовно-исполнительный кодекс, в котором предусмотрены нормы, регламентирующие процесс ресоциализации осужденных, освобождающихся из мест лишения свободы. Ведущая роль отводится модернизации механизма комплексной реализации возможностей государственных органов, общественных объединений и граждан в оказании лицам, освободившимся из мест лишения свободы и находящимся на учете службы пробации, необходимого объема социально-правовых услуг, причем акцент сделан на повышении эффективности взаимодействия всех субъектов правоотношений.

Указом Президента Республики Казахстан от 8 декабря 2016 года № 387 была утверждена Комплексная стратегия социальной реабилитации граждан, освободившихся из мест лишения свободы и находящихся на учете службы пробации в Республике Казахстан на 2017–2019 годы (далее – Комплексная стратегия). Цель Комплексной стратегии – создание национальной системы комплексной ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы и находящихся на учете службы пробации, условий для ее эффективной реализации, способствующих снижению уровня повторной преступности⁷. Комплексная стратегия была ориентирована на устранение предпосылок социальной дезадаптации и депривации гражданина после освобождения из мест лишения свободы и в период нахождения на учете службы пробации. Постановлением Правительства Республики Казахстан от 29 декабря 2016 года № 912 был утвержден План мероприятий по реализации Комплексной стратегии социальной реабилитации граждан, освободившихся из мест лишения свободы и находящихся на учете службы пробации, в Республике Казахстан на 2017–2019 годы⁸.

Логическим завершением законотворческого процесса в рассматриваемой сфере стало принятие Закона Республики Казахстан от 30 декабря 2016 года «О пробации»⁹.

Эффективным инструментом социальной реабилитации граждан является институт пробации. В настоящее время в Республике Казахстан действует служба пробации, которая наряду с контрольными функциями оказывает содействие в получении социально-правовой и иной помощи. Постепенно расширяется пробация в Республике Казахстан – деятельность и совокупность мер по установлению и осуществлению пробационного контроля в отношении лиц, освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы, и оказанию им социально-правовой помощи¹⁰.

Принимаемые профилактические меры в Республике Казахстан позволили за последние 5 лет в два раза снизить уровень преступлений, совершенных ранее судимыми (с 50 тыс.

⁷ Указ Президента Республики Казахстан от 8 декабря 2016 года № 387 «Об утверждении комплексной стратегии социальной реабилитации граждан, освободившихся из мест лишения свободы и находящихся на учете службы пробации в Республике Казахстан на 2017–2019 годы» (2016). *Информационно-правовая система нормативных актов Республики Казахстан «Әділет»*. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1600000387>

⁸ Постановление Правительства Республики Казахстан от 29 декабря 2016 года № 912 «Об утверждении Плана мероприятий по реализации Комплексной стратегии социальной реабилитации граждан, освободившихся из мест лишения свободы и находящихся на учете службы пробации, в Республике Казахстан на 2017–2019 годы» (2016). *Информационно-правовая система нормативных актов Республики Казахстан «Әділет»*.

⁹ Закон Республики Казахстан от 30 декабря 2016 года № 38-VI ЗРК «О пробации» (2016). *Информационно-правовая система нормативных актов Республики Казахстан «Әділет»*. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z160000038/z38_1.htm

¹⁰ Там же.

до 24,3 тыс.)¹¹. Среди совершивших уголовные правонарушения 40 % составляют лица, ранее привлекавшиеся к уголовной ответственности. Более 91 % повторных преступлений совершается тремя категориями ранее судимых лиц, не подлежащих профилактическому контролю со стороны органов внутренних дел:

- освобожденными из учреждений уголовно-исполнительной системы по прошествии 1 года;
- осужденными к альтернативным видам наказания (штраф);
- досудебное расследование в отношении которых прекращено по нереабилитирующим основаниям¹².

Таким образом, механизм профилактического учета в отношении остальных категорий оказывает определенный сдерживающий эффект. В целом лица, попавшие однажды в орбиту уголовного преследования, находятся в зоне высокого риска совершения повторных правонарушений.

Данные вызовы требуют разработки современной оценки риска совершения повторных преступлений.

В международной практике в последние десятилетия произошли существенные изменения в подходах к предупреждению преступности. Доказано, что более эффективно и выгодно для общества предпринимать коллективные и упреждающие действия в этой сфере, чем закреплять эту функцию только за полицией.

Это отражено в стратегических документах многих стран. Они характеризуются высоким уровнем защиты населения от преступности, доверия к полиции (90 %), а также партнерства с обществом в сфере профилактики правонарушений.

Анализ зарубежного опыта показывает, что современные стратегии профилактики правонарушений и прогнозирования преступности основываются на научно доказанных данных о ключевых факторах, влияющих на преступность. Также в ходе проведенного анализа установлено, что в предупреждении новых преступлений используется система определения рисков, основу которой составляет изучение личности, а результаты оценки риска применяются при организации исполнения наказания, принятии решения об усилении контроля или освобождении.

В Республике Казахстан в 2018 году согласно Плану мероприятий по реализации Комплексной стратегии социальной реабилитации граждан, освободившихся из мест лишения свободы и находящихся на учете службы пробации, внедрены в деятельность службы пробации современные методы изучения личности, в том числе система предупреждения рисков, основанная на анализе оценки рисков рецидива преступлений и возможностей социальной реабилитации (Risk-needs-responsibility) с целью индивидуализации процесса ресоциализации.

Приказом министра внутренних дел Республики Казахстан от 27 ноября 2018 года № 860 утверждены Методические рекомендации применения инструмента оценки риска правонарушителя в отношении подучетных лиц службы пробации уголовно-исполнительной системы¹³ (далее – инструмент оценки риска совершения уголовных правонарушений).

¹¹ Постановление Правительства Республики Казахстан от 29 декабря 2023 года № 1233 «Об утверждении Концепции обеспечения общественной безопасности в партнерстве с обществом на 2024-2028 годы (в сфере профилактики правонарушений)» (2023). *Информационно-правовая система нормативных актов Республики Казахстан «Әділет»*. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300001233>

¹² Там же.

¹³ Приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 27 ноября 2018 года № 860 «Об утверждении Методических рекомендаций применения инструмента оценки риска правонарушителя в отношении подучетных лиц службы пробации уголовно-исполнительной системы» (2015). *Информационно-правовая система нормативных актов Республики Казахстан «Әділет»*. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500012538>

Инструмент оценки риска совершения уголовных правонарушений – это одна из основ современной системы правосудия. Его преимущества:

- осознание степени риска, которую представляют отдельные граждане, находящиеся на учете службы пробации, таким образом, чтобы можно было более эффективно осуществлять контроль над ними и рационально использовать ресурсы;
- понимание их индивидуальных потребностей и сильных сторон, которые можно развивать с целью ресоциализации и удержания от совершения разного рода преступлений;
- составление досудебного доклада до начала судебного разбирательства;
- оценка изменений в поведении человека на протяжении определенного периода.

Задачи:

- оценить поведение осужденного в аспекте возможного совершения им нового правонарушения;
- разработать методы по недопущению совершения личностью нового правонарушения;
- в ходе постоянной работы с личностью максимально добиваться изменения ее поведения путем ресоциализации.

В ходе изучения лиц, подучетных службе пробации, исследуются условия их жизни, социально-демографическая, психосоциальная и криминологическая характеристика.

Целью изучения личности является максимально полное выяснение качеств, характеризующих личность и существенным образом определяющих его мышление, восприятие действительности и конкретные действия, поступки. Изучение основывается на принципах объективности, целостности, реальности и системности.

Риски формируются и проявляются под влиянием внешних факторов – это окружение, среда обитания, социальное и материальное положение. Базовая структура инструмента оценки основана на статичных и динамичных факторах риска и потребностей правонарушителя.

Статичные факторы – это неизменные данные, например, личные данные правонарушителя, информация о правонарушении и преступлении, история судимости, срок отбывания наказания в местах лишения свободы и т. п. Динамичные факторы – это данные, которые могут изменяться под воздействием внешних факторов, например, оказание социально-правовой помощи сказывается на социальном статусе правонарушителя.

Результатом оценки риска совершения уголовных правонарушений является составленная программа индивидуальной работы с подучетным лицом службы пробации. При этом рекомендуется каждые шесть месяцев проводить с подучетным лицом повторную оценку риска совершения уголовных правонарушений для отслеживания изменений динамичных факторов, также их сравнение с новыми результатами.

При применении инструмента оценки риска совершения уголовных правонарушений служба пробации определяет категорию подучетных лиц с низкой, средней и высокой вероятностью совершения нового правонарушения.

Общая оценка разделов статичных и динамичных факторов содержит следующие индикаторы:

- 1) уголовная история;
- 2) жилищно-бытовые условия;
- 3) образование, обучение и трудоустройство;
- 4) взаимоотношения;
- 5) образ жизни;
- 6) употребление наркотических, психотропных веществ и прекурсоров;
- 7) злоупотребление алкоголем;
- 8) мышление и поведение;

- 9) отношение / взгляды;
- 10) управление финансами;
- 11) эмоциональное благополучие;

Каждый из представленных выше индикаторов содержит от 2 до 9 вопросов.

Уровень риска совершения уголовных правонарушений определяется путем суммирования баллов оценки статичных и динамичных факторов, а уровень факторов – суммой баллов индикаторов.

Необходимо отметить, что инструмент оценки риска совершения уголовного правонарушения в Республике Казахстан применяется на всех стадиях пробаации: досудебной, приговорной, пенитенциарной, постпенитенциарной.

В Российской Федерации инструмент оценки риска совершения преступлений нормативно не закреплен.

Например, в профессиональной служебной деятельности сотрудники уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России (далее – УИИ) используют только методику индивидуального прогнозирования поведения условно осужденных – «Портрет»¹⁴. Данная методика была разработана в 2003 г. в Томском государственном университете (составитель К. Н. Тараленко).

Сотрудники УИИ для прогнозирования поведения условно осужденных заполняют формуляр методики, содержащий следующий список признаков:

- 1) вид преступления, за которое лицо осуждено, его предмет и характер;
- 2) факт осуждения на момент совершения преступления;
- 3) соучастие в преступлении;
- 4) возраст на момент совершения преступления;
- 5) образование осужденного;
- 6) занятость осужденного;
- 7) семейное положение;
- 8) иные обстоятельства, характеризующие осужденного;
- 9) срок наказания в виде лишения свободы;
- 10) испытательный срок условного осуждения.

В зависимости от наличия перечисленных выше признаков сотрудник УИИ проставляет соответствующие баллы, совокупность которых позволяет отнести условно осужденных к одной из трех категорий:

- 1) 21 балл и более – высокая вероятность совершения преступления в течение испытательного срока;
- 2) 11–20 баллов – средняя вероятность совершения преступления в течение испытательного срока;
- 3) 0–10 баллов – вероятность совершения преступления в течение испытательного срока незначительная.

Е. Е. Новиков отмечает, что «трансформировалась политика государства в сфере назначения и исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией от общества. Появились новые виды альтернативных санкций и мер. В связи с этим методика “Портрет” не в полной мере стала себя оправдывать; возникла реальная потребность внесения изменений в рассматриваемую программу индивидуального прогнозирования поведения осужденных» (Новиков, 2016, с.154).

Существенный недостаток методики «Портрет» состоит в том, что она предназначена только для прогнозирования поведения условно осужденных, хотя в разделе «Описание методики»

¹⁴ Тараленко, К. Н. (сост.) (2003). *Рекомендации по индивидуальному прогнозированию поведения условно осужденных: методика «Портрет»*. РРІ.

сказано, что «данная программа может применяться в отношении осужденных к наказанию в виде исправительных работ»¹⁵, однако на практике она чаще всего не применяется.

Также необходимо отметить, что методика «Портрет» была разработана специально для самостоятельного применения сотрудниками УИИ, не имеющими психологической подготовки в области оценки риска совершения преступлений. Н. Е. Колесникова констатирует, что методика не содержит правил определения признаков, составляющих нравственно-психологическую и мотивационную характеристику личности осужденного, и правил их учета¹⁶.

Несмотря на высокий уровень криминализации лиц, состоящих под административным надзором и отрицательную динамику совершенных ими преступлений, у сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в настоящее время отсутствуют методики оценки риска совершения преступлений.

При этом М. М. Бабаев и Ю. Е. Пудовочкин доказывают необходимость формирования частной криминологической теории — криминальной рискологии. Они считают, что «в основу такой теории следует заложить представление о криминальном риске как о предметной реальности, особой характеристике и состоянии социальных явлений и процессов, развитие которых может привести к совершению преступления» (Бабаев, Пудовочкин, 2019, с. 136).

Мы согласны с утверждением Д. В. Голенко, что «с целью индивидуального прогнозирования поведения отдельного субъекта необходимо детальное изучение его психологического портрета: особенностей поведения в группе, целенаправленности поведения, осознания себя и своих ценностей, а также других личностных характеристик и особенностей поведения. Вероятность научного прогнозирования в указанном случае существенно увеличивается» (Голенко, 2018, с. 116).

М. Г. Дебольский констатирует, что «потребность общества в снижении рецидива и возвращении лиц, освободившихся из мест лишения свободы к законопослушному образу жизни, вызывает необходимость более активного участия психологов в оценке факторов риска повторной преступности и разработке целевых программ ресоциализации бывших осужденных» (Дебольский, 2014, с. 44).

Е. А. Дядченко на основе проведенного эмпирического исследования была обоснована «авторская технология психологического прогноза рецидивных преступлений несовершеннолетних, отбывающих наказания, не связанные с лишением свободы, разработанная на основе личностных и ситуативных детерминант, образующих деликтный потенциал данной категории личности несовершеннолетних» (Дядченко, 2013, с. 65).

Тем не менее комплексные психолого-криминологические исследования оценки риска преступного поведения, обобщающие применение инструментов риска в практической деятельности, особенности или результаты проведенных исследований, в Российской Федерации, как и в других в странах постсоветского пространства, отсутствуют.

Целью исследования выступает теоретическое обоснование инструмента оценки риска совершения преступлений лицами, освобожденными из мест лишения свободы, а также анализ зарубежного опыта операционализации и верификации данного инструмента.

Методы исследования

В исследовании использованы общенаучные методы: (анализ, синтез, систематизация, обобщение, аналогия), специальные методы: сравнительный (при изучении инструментов

¹⁵ Тараленко, К. Н. (сост.) (2003). *Рекомендации по индивидуальному прогнозированию поведения условно-осужденных: методика «Портрет»*. PRI.

¹⁶ Колесникова, Н. Е. (2024). *Психологическое сопровождение осужденных, отбывающих наказания без изоляции от общества: учебное пособие*. Юрайт.

оценки риска совершения преступлений), формально-юридический (для исследования нормативных правовых актов).

Результаты

В зарубежных странах оценку риска преступного поведения рассматривают как обычную процедуру, имеющую длительную практику применения, однако ее концепция и методы в последние десятилетия менялись довольно часто.

Алгоритмические инструменты оценки риска преступного поведения сегодня широко используются в системе уголовного правосудия и деятельности сотрудников правоохранительных органов зарубежных стран. Следует отметить, что для постпенитенциарного сопровождения освобожденных важна научно обоснованная и эмпирически подтвержденная основа для разработки инструментов оценки лиц, в том числе оценки риска повторного совершения преступлений.

Результаты оценки риска преступного поведения используются на различных этапах уголовного процесса, и в зависимости от результатов данной оценки определяется вид наказания, обеспечивая успешную ресоциализацию и реинтеграцию в общество, индивидуализируется программа коррекции поведения, а также принимается решение об условно-досрочном освобождении, постпенитенциарном сопровождении.

Согласно М. Филипсу, оценка определенного риска – это показатель, основанный на вероятностных расчетах того, что в будущем произойдет определенное нежелательное событие¹⁷. Что касается оценки преступного поведения, включая риск совершения преступлений освободившимися, то общепризнано, что такая задача является сложной для сотрудников правоохранительных органов (Дебольский, 2014).

Выявление и оценка степени выраженности и частоты проявления криминогенных факторов риска позволяют предсказывать вероятность совершения повторных преступлений. Под факторами риска в данном случае подразумеваются социальные условия и личностные особенности, которые могут оказать влияние на совершение повторного преступления (Мельникова, 2022). Оценка рисков также дает информацию об особенностях и криминогенных потребностях осужденного и освобожденного, актуальность которых может быть уменьшена или устранена целенаправленным применением соответствующих ресоциализационных мер.

М. Г. Дебольский разделяет точку зрения Р. Блэкборна, что при всем разнообразии позиций к оценке риска правонарушений за рубежом сформировалось два главных подхода: *клинический и статистический, или актуарный*¹⁸. В рамках клинического подхода осуществляется медицинская и психологическая диагностика правонарушителя с целью прогнозирования его поведения¹⁹. В этом случае специалист, выносящий свое суждение о риске, основывается на данных, полученных в ходе его неструктурированного интервью с преступником, а также на информации, содержащейся в его деле или при необходимости из других источников. К. Дуглас с соавторами утверждают, что данный метод прогнозирования основан на профессиональном мнении, опыте и интуиции; выбор факторов риска и способов их интерпретации абсолютно свободен (Douglas et al., 2014). По этой причине данный конкретный метод оценки рисков, несмотря на его популярность, постоянно подвергается критике за его недостаточную

¹⁷ Philipse, M. W. G. (2005). *Predicting criminal recidivism: Empirical studies and clinical practice in forensic psychiatry*. Thesis Radboud Universiteit Nijmegen. Netherlands: Febodruk, Enschede. Кукешмумув акць. <http://hdl.handle.net/2066/26944>

¹⁸ Блэкборн, Р. (2004). *Психология криминального поведения*: Пер. с англ. Питер.

¹⁹ Andrews, D. A., & Bonta, J. (2010). *The psychology of criminal conduct* (5th ed.). New Providence, NJ: LexisNexis Matthew Bender.

точность и надежность. Этот этап развития прогнозирования преступного поведения называют *оценками первого поколения*.

Для устранения пробелов, выявленных в инструментах оценки первого поколения, были внедрены *оценки второго поколения* в рамках статистического (актуарного) подхода в оценке рисков. Данные оценки направлены на измерение риска повторного совершения преступлений. Основной целью инструментов оценки второго поколения было обеспечение объективной оценки на основе статистических данных (Grove & Meehl, 1996).

Функции оценки рисков, выполняемые человеком, все чаще дополняются рядом актуарных, алгоритмических инструментов и искусственного интеллекта, которые призваны обеспечивать точные возможности прогнозирования просоциального или преступного поведения (McKay, 2020). В этом случае основу прогноза составляют эмпирически определенные факторы риска (например, возраст, количество преступлений, проблемы в детстве, семье и т.д.), которые связаны с преступным поведением посредством статистически значимой взаимосвязи (Lancaster & Lumb, 2006; Bullock, 2011). Однако во всем мире были высказаны этические опасения в отношении алгоритмов как запатентованных продуктов со встроенной статистической погрешностью (Alikhademi et al., 2021), а также в связи с уменьшением роли специалиста (Farayola et al., 2023).

В результате исследований было выявлено большое количество факторов риска преступного поведения. Первоначально с целью создания стандартизированных методов оценки рисков использовались так называемые исторические или статистические переменные (например, демографические характеристики, возраст, наличие судимости, характер совершенных преступлений и т.д.).

Несмотря на то, что инструменты оценки второго поколения оказались полезными и продемонстрировали соответствующие результаты, были выявлены ограничения. Эти оценки в основном состояли из статических факторов, которые не могут изменяться с течением времени. Это ограничение в отношении статических факторов риска привело к разработке *оценок риска третьего поколения*, которые были основаны на криминогенных потребностях личности. Важнейшим моментом в рамках этих оценок является учет того факта, что жизненные обстоятельства человека могут измениться, и, как следствие, может измениться и уровень его риска.

Оценки третьего поколения содержали те же компоненты, что и оценки второго поколения; однако вместо использования исключительно статических факторов риска был сделан акцент на динамических факторах риска²⁰. К динамическим факторам относятся, например, антиобщественные установки, импульсивность, злоупотребление психоактивными веществами и т.д. Данные факторы риска, которые часто называют криминогенными, требуют учета происходящих в жизни изменений (например, создание или потеря семьи) и оказались важными, поскольку инструменты были адаптированы к изменяющимся обстоятельствам в жизни человека. Учет динамических факторов риска в постепенитенциарном сопровождении освобожденных способствовал снижению рецидива²¹.

Несмотря на то, что оценки третьего поколения позволили устранить многие пробелы, оставленные инструментами оценки второго поколения, а также с учетом трансформации общественных отношений, были разработаны инструменты *оценки четвертого поколения*.

Оценки рисков четвертого поколения вносят коррективы в практику и систему планирования сопровождения освобожденных. Это два важнейших элемента, включенных в инструмен-

²⁰ Bonta, J., & Andrews, D. A. (2007). *Risk-Need-Responsivity Model for Offender Assessment and Rehabilitation*. Corrections research, user report2007-06.

²¹ Там же.

ты оценки четвертого поколения. Как и оценки третьего поколения, оценки рисков четвертого поколения связаны не только с риском, который человек может представлять для себя или сообщества, но и с его потребностями и ресурсами²². Важно, что инструменты оценки рисков четвертого поколения учитывают психическое здоровье человека (Hanson, 2009).

Следует отметить, что применяемая в настоящее время во многих странах, в том числе в Республике Казахстан, модель социальной реабилитации «Риск–потребность–ответственность» (RNR), созданная Д. Эндрюсом, Дж. Бонтой, также ориентирована на результаты оценки рисков преступного поведения²³.

Эта модель состоит из следующих трех основных принципов эффективной социальной реабилитации правонарушителей (Andrews, Bonta, & Wormith, 2011):

1. *Принцип риска* означает, что уровень интенсивности услуг, предоставляемых правонарушителям, должен соответствовать уровню риска, соответственно, интенсивная профилактическая работа должна проводиться с лицами с более высоким криминальным риском; что касается лиц с низким уровнем риска, то их собственные сильные стороны и ресурсы должны быть использованы в полной мере с самого начала, что означает, что вмешательства других субъектов должны быть минимальными.

2. *Принцип потребностей*: в данном случае важна ориентация на криминогенные потребности (на динамические факторы риска) или на такие потребности правонарушителя, которые функционально связаны с преступным поведением. Следующие восемь основных факторов различают следующие факторы риска / потребности: антисоциальное окружение, антисоциальные представления, антисоциальный характер личности, история антисоциального поведения (примечание: это постоянный фактор риска), злоупотребление психоактивными веществами, семья и / или супружеские отношения, учеба и / или работа, досуг и / или рекреация.

3. *Принцип ответственности*, который означает, что тип и методы вмешательства должны носить реабилитационный характер и соответствовать ресурсам и способностям правонарушителя.

Хотя общепризнано, что модель RNR, возможно, является одной из наиболее эффективных для оценки и социальной реабилитации правонарушителей, в настоящее время широко обсуждается применение модели хорошей жизни (GLM) (Ward, Mann, & Gannon, 2007). Частично основанная на методологии позитивной психологии и теории отказа от преступлений, эта модель предлагает реабилитацию правонарушителей, делая упор на сильных сторонах, которыми они обладают²⁴. Т. Уорд, Ш. Маруна рассматривают модель RNR скорее как дефицитарную модель – фиксирующую криминогенные потребности в противоположность выявлению того, что преступники ценят больше всего в жизни, и использованию этих позитивных факторов для предупреждения преступлений²⁵.

Авторы модели GLM утверждают, что в целях социальной реабилитации и снижения риска совершения преступлений необходимо учитывать не только криминогенные потребности (Ward, Mann, & Gannon, 2007). Реализация данной модели направлена на выявление «основных благ» правонарушителя – ценностей, которые наиболее тесно связаны с его самоощущением и целеустремленностью (интересами, способностями и устремлениями). «Хорошая

²² Campbell, M. A., French, S., & Gendreau, P. (2007). *Assessing the utility of risk assessment tools and personality measures in the prediction of violent reidivism for adult offenders*. Corrections research, user report 2007-04.

²³ Andrews, D. A., & Bonta, J. (2010). *The psychology of criminal conduct* (5th ed.). New Providence, NJ: LexisNexis Matthew Bender.

²⁴ Ward, T., & Maruna, S. (2007). *Rehabilitation: Beyond the Risk Paradigm*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203962176>

²⁵ Там же.

жизнь» описывается через основные блага – виды деятельности, опыт и ситуации, которые важны для человека (например, знания, профессионализм, здоровье, интересы и т. д.), при наличии которых возникает чувство удовлетворения и благополучия. Дж. Луман, Дж. Абрацен подчеркивают, что модель GLM не отрицает важности оценки риска преступного поведения, но приоритет отдается вопросам достижения жизненных целей способами, не совместимыми с совершением преступлений (Looman & Abracsen, 2013).

Представляется интересным предложение З. Ронена о возможной интеграции моделей GLM и RNR. Он предлагает интегрированную модель – модель риска, потребности, ответственности и мотивации (RNRM-model)²⁶.

За рубежом ключевым инструментом прогнозирования поведения является система оценки правонарушителей (OASys). OASys – это совместная инициатива служб пробации и пенитенциарных учреждений, которая была разработана главным образом для замены ранее существовавших инструментов, которые не в полной мере отвечали требованиям этих двух служб (Fitzgibbon & Green, 2006). OASys закрепила фундаментальные изменения в ценностях и профессиональной практике, произошедшие в службе пробации, а именно, сосредоточение внимания на защите общества, наказании несовершеннолетних правонарушителей, снижении уровня преступности и практике, основанной на доказательствах²⁷. Инструмент OASys предназначен для обеспечения непрерывного анализа рисков и криминогенных потребностей правонарушителей с самого начала их взаимодействия с органами пробации и пенитенциарными службами и до завершения сопровождения. Основные направления применения OASys: «1) оценить вероятность повторного совершения правонарушения; 2) определить и классифицировать потребности, связанные с правонарушением; 3) оценить риск причинения вреда, риски для личности и другие риски; 4) помочь в управлении риском причинения вреда; 5) увязать оценку с планом отбывания наказания; 6) указать на необходимость дальнейшего обследования специалистами; 7) изменить условия содержания во время отбывания наказания или пробационного надзора»²⁸.

При посредничестве международной общественной организации «Международная тюремная реформа» данная методика была предоставлена психологам ФСИН России для перевода и апробации²⁹. Однако операционализация данной методики в исправительных учреждениях и уголовно-исполнительных инспекциях Российской Федерации показала, что она является недостаточно дифференцирующим методическим инструментом в области оценки риска рецидива (Дядченко, 2017)³⁰.

Представляется, что при возникновении подобных проблем в ходе адаптации зарубежных методик будет полезным применение качественного анализа к содержанию пунктов опросника с целью повышения его релевантности культурному контексту, категории правонарушителей и социальному окружению.

²⁶ Ziv, R. (2016). *Moving Beyond the RNR and GLM Models: Building a New Vision for Offender Rehabilitation* [Doctoral dissertation, University of Cincinnati]. OhioLINK Electronic Theses and Dissertations Center. http://rave.ohiolink.edu/etdc/view?acc_num=ucin1479819588267395 (дата обращения: 12.03.2024).

²⁷ Home Office (2002). *Offender Assessment System: OASys. User Manual*, London: Home Office. <https://www.rma.scot/wp-content/uploads/2023/02/Offender-Assessment-System-OASys-2.pdf>

²⁸ *A compendium of research and analysis on the Offender Assessment System (OASys); studies completed between 2009 and 2013* (2015). <https://www.gov.uk/government/publications/research-and-analysis-on-the-offender-assessment-system> (дата обращения: 15.03.2024).

²⁹ Система оценки правонарушителя (СисОП): руководство пользователя (2005). Москва: PRI.

³⁰ Методические рекомендации «Система оценки осуждённых, освобождающихся условно-досрочно»: практическое пособие. (2010). Самара.

Таким образом, для обеспечения качества оценки необходимо постоянно обновлять инструменты, используемые для оценки рисков преступного поведения с учетом социокультурных условий.

Заключение

Актуальной проблемой до настоящего времени остается отсутствие нормативной регламентации психологического изучения лиц, состоящих под административным надзором, и инструмента оценки риска совершения преступлений.

Пригодность инструментов оценки рисков преступного поведения требует большего внимания в контексте реализации дифференцированного подхода к определению факторов риска применительно к различным категориям правонарушителей.

Одним из направлений дальнейших исследований является этическое и программное изучение различных критериев надежности инструментов для прогнозирования риска рецидива. Однако, учитывая сложность положений и норм законодательства, этики и морали (а также стереотипов в культуре и традициях), это может препятствовать созданию универсального и заслуживающего доверия инструмента оценки для прогнозирования риска рецидива.

Перспективной видится идея исследований гибридного взаимодействия искусственного интеллекта и человека, поскольку это повысит эффективность выполнения задач по прогнозированию рецидивов.

Список литературы

- Бабаев, М. М., Пудовочкин, Ю. Е. (2019). Феномен риска в контексте профилактической политики (криминальная рискология). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*, 10 (1), 136–148. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.110>
- Голенко, Д. В. (2018). Проблемы и ожидаемые результаты криминологического прогнозирования поведения лиц, отбывших наказание. *Юридический вестник Самарского университета*, 4 (2), 111–117. <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2018-4-2-111-117>
- Дебольский, М. Г. (2014). Проблемы риска рецидива при условно-досрочном освобождении осужденных [Электронный ресурс]. *Психология и право*. 4 (1). URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2014_n1/68316 (дата обращения: 12.03.2024)
- Дружининская, О. В., Титова, О. З. (2023). Репрезентация юридического понятия PROBATION в английской юридической терминологии. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 16 (12), 4277–4282. <https://doi.org/10.30853/phil20230650>
- Душкин, А. С. (2022). Прогнозирование преступлений лиц, состоящих под административным надзором: понятие и основные методы. В *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы международной научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 30 сентября 2022 года, стр. 88–92). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Дядченко, Е. А. (2013). Проблема психологического прогноза рецидивных преступлений несовершеннолетних, отбывающих наказания, не связанные с лишением свободы. *Вестник Самарского юридического института*, 2 (10), 65–69.
- Дядченко, Е. А. (2017). Психологический прогноз рецидива (зарубежный опыт оценки риск-факторов у несовершеннолетних осужденных). В *Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России* (Самара, 1-2 июня 2017 года, Том Выпуск 5, часть 1, стр. 89–93). Самара: Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний.
- Мельникова, Д. В. (2022). Участие психолога в принятии решения о рекомендации осужденного к условно-досрочному освобождению. *Психология и право*, 12 (1), 30–43. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120103>

- Новиков, Е. Е. (2016). Об основах прогнозирования индивидуального поведения осужденных к альтернативным наказаниям и мерам. *Актуальные проблемы российского права*, 8 (69), 153–159. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2016.69.8.153-159>
- Потапов, А. М., Куликов, С. Г. (2022). Об особенностях постпенитенциарного контроля за лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, в уголовно-исполнительном законодательстве отдельных стран–участников Содружества Независимых Государств. *Ведомости уголовно-исполнительной системы*, 12 (247), 21–29. <https://doi.org/10.51522/2307-0382-2022-247-12-21-29>
- Alikhademi, K., Drobina, E., Prioleau, D., Richardson, B., Purves, D., & Gilbert, J. E. (2021). A review of predictive policing from the perspective of fairness. *Artificial Intelligence and Law*, 30 (1), 1–17.
- Andrews, D. A., Bonta, J., & Wormith, J. S. (2011). The Risk-Need-Responsivity (RNR) Model: Does adding the Good Lives Model contribute to effective crime prevention? *Criminal Justice and Behavior*, 38 (7), 735–755. <https://doi.org/10.1177/0093854811406356>
- Bullock, K. (2011). The Construction and Interpretation of Risk Management Technologies in Contemporary Probation Practice. *The British Journal of Criminology*, 51 (1), 120–135.
- Douglas, K. S., Hart, S. D., Webster, C. D., Belfrage, H., Guy, L. S., & Wilson, C. M. (2014). Historical-Clinical-Risk Management-20, Version 3 (HCR-20^{V3}): Development and Overview. *International Journal of Forensic Mental Health*, 13 (2), 93–108. <https://doi.org/10.1080/14999013.2014.906519>
- Fitzgibbon, W., & Green, R. (2006). Mentally Disordered Offenders: Challenges in using the OASys risk assessment tool. *British Journal of Community Justice*, 4.
- Grove, W. M., & Meehl, P. E. (1996). Comparative efficiency of informal (subjective, impressionistic) and formal (mechanical, algorithmic) prediction procedures: The clinical–statistical controversy. *Psychology, Public Policy, and Law*, 2 (2), 293–323. <https://doi.org/10.1037/1076-8971.2.2.293>
- Hanson, R. (2009). The psychological assessment of risk for crime and violence. *Canadian Psychology / Psychologie canadienne*, 50 (3), 172–182. <https://doi.org/10.1037/a0015726>
- Lancaster, E., & Lumb, J. (2006). The assessment of risk in the national probation service of England and Wales. *Journal of Social Work*, 6 (3), 275–291. <https://doi.org/10.1177/1468017306071176>
- Looman, J., & Abracen, J. (2013). The risk need responsivity model of offender rehabilitation: Is there really a need for a paradigm shift? *International Journal of Behavioral Consultation and Therapy*, 8 (3-4), 30–36. <https://doi.org/10.1037/h0100980>
- McKay, C. (2020). Predicting risk in criminal procedure: actuarial tools, algorithms, AI and judicial decision-making. *Current Issues in Criminal Justice*, 32 (1), 22–39. <https://doi.org/10.1080/10345329.2019.1658694>
- Farayola, M. M., Tal, I., Connolly, R., Saber, T., & Bendeche, M. (2023). Ethics and Trustworthiness of AI for Predicting the Risk of Recidivism: A Systematic Literature Review. *Information*, 14 (8), 426. <https://doi.org/10.3390/info14080426>
- Ward, T., Mann, R. E., & Gannon, T. A. (2007). The good lives model of offender rehabilitation: Clinical implications. *Aggression and Violent Behavior*, 12 (1), 87–107. <https://doi.org/10.1016/j.avb.2006.03.004>

References

- Babaev, M. M., Pudovochkin, Yu. E. (2019). Fenomen riska v kontekste profilakticheskoy politiki (kriminal'naya riskologiya). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*, 10 (1), 136–148. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.110>

- Golenko, D. V. (2018). Problemy i ozhidaemye rezultaty kriminologicheskogo prognozirovaniya povedeniya lic, otbyvshih nakazanie. *Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta*, 4 (2), 111–117. <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2018-4-2-111-117>
- Debol'skij, M. G. (2014). Problemy riska recidiva pri uslovno-dosrochnom osvobozhdenii osuzhdennyh [Elektronnyj resurs]. *Psihologiya i pravo*. 4 (1). URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2014_n1/68316 (data obrashcheniya: 12.03.2024)
- Druzhininskaya, O. V., Titova, O. Z. (2023). Reprezentaciya yuridicheskogo ponyatiya PROBATION v anglijskoj yuridicheskoy terminologii. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 16 (12), 4277–4282. <https://doi.org/10.30853/phil20230650>
- Dushkin, A. S. (2022). Prognozirovanie prestuplenij lic, sostoyashchih pod administrativnym nadzorom: ponyatie i osnovnye metody. V *Rossijskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Sankt-Peterburg, 30 sentyabrya 2022 goda, str. 88–92)*. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Dyadchenko, E. A. (2013). Problema psihologicheskogo prognoza recidivnyh prestuplenij nesovershennoletnih, otbyvayushchih nakazaniya, ne svyazannye s lisheniem svobody. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*, 2 (10), 65–69.
- Dyadchenko, E. A. (2017). Psihologicheskij prognoz recidiva (zarubezhnyj opyt ocenki risk-faktorov u nesovershennoletnih osuzhdennyh). V *Yuridicheskaya nauka i praktika: al'manah nauchnyh trudov Samarskogo yuridicheskogo instituta FSIN Rossii (Samara, 1-2 iyunya 2017 goda, Tom Vypusk 5, chast' 1, str. 89–93)*. Samara: Samarskij yuridicheskij institut Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy.
- Mel'nikova, D. V. (2022). Uchastie psihologa v prinyatii resheniya o rekomendacii osuzhdennogo k uslovno-dosrochnomu osvobozhdeniyu. *Psihologiya i pravo*, 12 (1), 30–43. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120103>
- Novikov, E. E. (2016). Ob osnovah prognozirovaniya individual'nogo povedeniya osuzhdennyh k al'ternativnym nakazaniyam i meram. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*, 8 (69), 153–159. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2016.69.8.153-159>
- Potapov, A. M., Kulikov, S. G. (2022). Ob osobennostyah postpenitenciar'nogo kontrolya za licami, otbyvshimi nakazanie v vide lisheniya svobody, v ugovovno-ispolnitel'nom zakonodatel'stve ot del'nyh stran–uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv. *Vedomosti ugovovno-ispolnitel'noj sistemy*, 12 (247), 21–29. <https://doi.org/10.51522/2307-0382-2022-247-12-21-29>
- Alikhademi, K., Drobina, E., Prioleau, D., Richardson, B., Purves, D., & Gilbert, J. E. (2021). A review of predictive policing from the perspective of fairness. *Artificial Intelligence and Law*, 30 (1), 1–17.
- Andrews, D. A., Bonta, J., & Wormith, J. S. (2011). The Risk-Need-Responsivity (RNR) Model: Does adding the Good Lives Model contribute to effective crime prevention? *Criminal Justice and Behavior*, 38 (7), 735–755. <https://doi.org/10.1177/0093854811406356>
- Bullock, K. (2011). The Construction and Interpretation of Risk Management Technologies in Contemporary Probation Practice. *The British Journal of Criminology*, 51 (1), 120–135.
- Douglas, K. S., Hart, S. D., Webster, C. D., Belfrage, H., Guy, L. S., & Wilson, C. M. (2014). Historical-Clinical-Risk Management-20, Version 3 (HCR-20^{V3}): Development and Overview. *International Journal of Forensic Mental Health*, 13 (2), 93–108. <https://doi.org/10.1080/14999013.2014.906519>
- Fitzgibbon, W., & Green, R. (2006). Mentally Disordered Offenders: Challenges in using the OASys risk assessment tool. *British Journal of Community Justice*, 4.
- Grove, W. M., & Meehl, P. E. (1996). Comparative efficiency of informal (subjective, impressionistic) and formal (mechanical, algorithmic) prediction procedures: The clinical–statistical controversy. *Psychology, Public Policy, and Law*, 2 (2), 293–323. <https://doi.org/10.1037/1076-8971.2.2.293>
- Hanson, R. (2009). The psychological assessment of risk for crime and violence. *Canadian Psychology / Psychologie canadienne*, 50 (3), 172–182. <https://doi.org/10.1037/a0015726>
- Lancaster, E., & Lumb, J. (2006). The assessment of risk in the national probation service of England and Wales. *Journal of Social Work*, 6 (3), 275–291. <https://doi.org/10.1177/1468017306071176>

- Looman, J., & Abracen, J. (2013). The risk need responsivity model of offender rehabilitation: Is there really a need for a paradigm shift? *International Journal of Behavioral Consultation and Therapy*, 8 (3-4), 30–36. <https://doi.org/10.1037/h0100980>
- McKay, C. (2020). Predicting risk in criminal procedure: actuarial tools, algorithms, AI and judicial decision-making. *Current Issues in Criminal Justice*, 32 (1), 22–39. <https://doi.org/10.1080/10345329.2019.1658694>
- Farayola, M. M., Tal, I., Connolly, R., Saber, T., & Bendeche, M. (2023). Ethics and Trustworthiness of AI for Predicting the Risk of Recidivism: A Systematic Literature Review. *Information*, 14 (8), 426. <https://doi.org/10.3390/info14080426>
- Ward, T., Mann, R. E., & Gannon, T. A. (2007). The good lives model of offender rehabilitation: Clinical implications. *Aggression and Violent Behavior*, 12 (1), 87–107. <https://doi.org/10.1016/j.avb.2006.03.004>

Информация об авторах

Антон Сергеевич Душкин – начальник кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат психологических наук, доцент.

Елена Сергеевна Федотова – начальник центра по подготовке специалистов психологов и проведению социологических исследований Костанайской академии МВД Республики Казахстан имени Шракбека Кабылбаева.

About the authors:

Anton S. Dushkin – Head of the Department of Pedagogy and Psychology of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Cand. Sci. (Psychol.), Docent.

Elena S. Fedotova – Head of the center for Training Psychologists and conducting Sociological Research of the Kostanay Academy of the Internal Affairs Ministry of the Republic of Kazakhstan named after Shrakbek Kabylybayev.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Authors' contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article. The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 02.04.2024; одобрена после рецензирования 14.04.2024; Опубликована 28.04.2024

Submitted April 02, 2024; Approved after reviewing April 14, 2024; Accepted April 28, 2024

УДК 159.99

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-1-62-74

Программа профилактики криминальной мотивации несовершеннолетних правонарушителей

Юлия Алексеевна МалюшинаКурганский государственный университет
(Курган, Россия)

puma-juliya@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5352-5981

Аннотация

Введение. В настоящее время актуальной становится проблема возникновения криминальной мотивации как сложного интегративного феномена, который включает иерархию мотивов, побуждающих к совершению преступлений различных категорий. Современное общество трансформируется, и поэтому в связи с цифровизацией общества, появляются и могут модернизироваться различные виды преступлений несовершеннолетних. Все эти преступления оказывают пагубное влияние на общее социальное благополучие граждан. Предметно изучена современная преступность несовершеннолетних и криминальная мотивация как психолого-криминологический феномен. Проанализирован криминогенный потенциал современных несовершеннолетних преступников, их психологические характеристики. **Методы.** Для решения поставленных задач использовался комплекс методов: теоретический анализ, эмпирические: психодиагностические методы для сбора эмпирических данных – «Ценностные ориентации» М. Рокича; «Профиль чувств в отношениях» Л. Куликова; «Диагностика мотивационной структуры личности» В. Э. Мильмана; «Субъективная оценка межличностных отношений» С. В. Духновского; «Опросник межличностных отношений» В. Шутца в адаптации А. А. Рукавишникова; «Индикатор копинг-стратегий» Д. Амирхана; «Индекс жизненного стиля» Плутчика – Келлермана – Контети, Проективная методика «ТАТ (Тематический Апперцептивный Тест)», «Метод мотивационной индукции» Ж. Нюттена, авторская методика «Доминирующий криминальный мотив». Теоретически обоснована и эмпирически подтверждена четырехкомпонентная структура криминальной мотивации. Эмпирически доказано, что криминальная мотивация состоит из четырех компонентов (когнитивный, индивидуально-личностный, эмоциональный, поведенческий). Определена специфика психологического содержания криминальной мотивации несовершеннолетних правонарушителей в зависимости от состава преступления (Малюшина, 2023а; Малюшина, 2023b). Для предупреждения возникновения преступлений необходимо разрабатывать новые психокоррекционные программы с несовершеннолетними правонарушителями с целью предотвращения рецидивов преступлений. В проблемном поле рассматриваются различные аспекты криминального поведения несовершеннолетних. Разработана и эмпирически подтверждена эффективность программы психологической коррекции криминальной мотивации средствами социально-психологического тренинга. **Результаты.** Область применения результатов. Материалы исследования могут быть использованы в профессиональной деятельности следователей, инспекторов по делам несовершеннолетних, в социально-реабилитационных центрах при работе с несовершеннолетними правонарушителями. Результаты исследования могут быть использованы в консультативных и просветительских целях, для проведения мониторинга состояния преступности несовершеннолетних с целью выявления тенденций к проявлению криминального поведения несовершеннолетних правонарушителей.

Ключевые слова

коррекция, криминальная мотивация, мониторинг, несовершеннолетние правонарушители, преступление, профилактика, рецидив

Для цитирования: Малюшина, Ю. А. (2024). Программа профилактики криминальной мотивации несовершеннолетних правонарушителей. *Российский девиантологический журнал*, 4 (1), 62–74. doi: 10.35750/2713-0622-2024-1-62-74.

Original paper

Programme for preventing criminal motivation among juvenile delinquents

Yulia A. Malyushina

Kurgan State University

(Kurgan, Russia)

puma-juliya@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5352-5981**Abstract**

Introduction. At the present day, the issue of the emergence of criminal motivation as a complex integrative phenomenon, involving a hierarchy of motives driving to committing crimes of various categories, is actual. Modern society is transforming, and therefore, due to the digitalisation of society, various types of juvenile offences appear and can be modernised. All these crimes have a harmful effect on the overall social well-being of the citizens. Modern juvenile delinquency and criminal motivation as a psychological and criminological phenomenon is studied subjectively. The criminogenic potential of modern juvenile delinquents, their psychological characteristics are analysed. Methods. Different methods were used: theoretical analysis, empirical: psychodiagnostic methods for collecting empirical data - "Value orientations" by M. Rokich; "Profile of feelings in relationships" by L. Kulikov; "Diagnosis of motivational structure of personality" by V. E. Milman; "Subjective assessment of interpersonal relationships" by S. V. Dukhnovsky; "Questionnaire of interpersonal relationships" by V. Schutz in the adaptation of A. A. Rukavishnikov; "Coping strategies indicator" by D. Amirkhan; "Life style index" by Plutchik - Kellerman - Kontetev, Projective technique "TAT (Thematic Apperception Test)", "Method of Motivational Induction" by J. Nyttén, author's technique "Dominant Criminal Motive". The four-component structure of criminal motivation is theoretically substantiated and empirically confirmed. The author empirically proved that criminal motivation consists of four components (cognitive, individual-personal, emotional, behavioural). The specificity of the psychological content of criminal motivation of juvenile delinquents depending on the corpus delicti was determined (Malyushina, 2023a; Malyushina, 2023b). In order to prevent the emergence of crimes, it is necessary to develop new psycho-correctional programmes with juvenile delinquents. Various aspects of juvenile criminal behaviour are considered in the problem field. The effectiveness of the programme of psychological correction of criminal motivation by means of socio-psychological training was developed and empirically confirmed. Results. The materials of the research can be used in the professional activities of investigators, juvenile inspectors, in social rehabilitation centres when working with juvenile delinquents. The results of the research can be used for advisory and educational purposes, for monitoring the state of juvenile delinquency in order to identify tendencies to the manifestation of criminal behaviour of juvenile delinquents.

Keywords

correction, criminal motivation, monitoring, juvenile delinquents, crime, prevention, recidivism

For citation: Malyushina, Yu. A. (2024). Programme for preventing criminal motivation among juvenile delinquents. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (1), 62–74. doi: 10.35750/2713-0622-2024-1-62-74.

Введение

В настоящее время существуют разные концептуальные подходы к трактовке криминальной мотивации. Одни исследователи демонстрируют наличие напряженных потребностей, появление у несовершеннолетних определенного желания испытать «острые» ощущения.

Другие интерпретируют понятие криминальной мотивации как совокупность мотивов динамичного образования, которое побуждает личность к преступной деятельности.

Т. Д. Марцинковская, Н. А. Андреева (Голубева), С. В. Преображенская отмечают, что «цифровая повседневность проявляется и в исчезновении барьера между реальным и виртуальным пространствами, а также в тождестве между эмоциональным включением, погружением в сетевое пространство и пространство кинофильмов и сериалов. Мотивационные и возрастные факторы, которые влияют на выбор социальных сетей и мессенджеров» (Марцинковская, Андреева (Голубева), Преображенская, 2023).

Таким образом, любая социальная сеть может восприниматься большинством пользователей как персональная страница с ее уникальным и бережно хранимым контентом: статусами, видео, фотографиями и текстами. Стоит отметить, что виртуальное пространство современной молодежи является отражением их картины мира (Марцинковская, 2022). Так, например, в криминальном мире могут появляться такие виды киберпреступлений, как скулшутинг, кибермошенничество, а также могут развиваться криминальные субкультуры (Малюшина, Шатилович, Федорова, 2021).

С психологической точки зрения понятие «мотив» связано с раскрытием его сущностных свойств, а в уголовном праве – с правовой оценкой действий лица, которое совершило преступление.

Необходимо отметить, что появление новых современных форм преступлений требует разработки моделей профилактики противоправного поведения подростков, причем необходимо обращать внимание и на виртуальные преступления. Эффективность предупреждения преступлений несовершеннолетних может быть достигнута только на основе комплексного подхода, а также объединения усилий субъектов профилактики на всех уровнях. Необходимо сочетать меры общего и индивидуального предупреждения.

Разработана программа психологической коррекции и профилактики криминальной мотивации несовершеннолетних правонарушителей.

Правоохранительными органами должна быть пересмотрена система мероприятий, которые проводятся с молодежью. Необходимо разъяснять опасность преступного поведения, уголовную ответственность за преступления, виды и размеры наказаний за них, а также личные последствия для несовершеннолетнего и перспективу на будущее.

В проблемном поле рассматриваются различные аспекты криминального поведения несовершеннолетних. Стоит также отметить, что криминальная мотивация несовершеннолетних правонарушителей как интегральное образование личности исследована недостаточно. Так, например, мало изучен вопрос коррекции и профилактики криминальной мотивации.

Материалы и методы исследования

Для решения поставленных задач использовался комплекс методов: теоретические (анализ литературных источников, реферирование, обобщение); эмпирические: психодиагностические методы для сбора эмпирических данных – «Ценностные ориентации» М. Рокича;

«Профиль чувств в отношениях» Л. Куликова; «Диагностика мотивационной структуры личности» В. Э. Мильмана; «Субъективная оценка межличностных отношений» С. В. Духновского; «Опросник межличностных отношений» В. Шутца в адаптации А. А. Рукавишниковой; «Индикатор копинг-стратегий» Д. Амирхана; «Индекс жизненного стиля» Плутчика – Келлермана – Контети, Проективная методика «ТАТ (Тематический Апперцептивный Тест)», «Метод мотивационной индукции» Ж. Нюттена, авторская методика «Доминирующий криминальный мотив». Применялись математико-статистический (корреляционный, факторный, кластерный) анализ, а также контент-анализ уголовных дел.

В целом весь банк методик применялся для валидации авторского опросника. Методики рассчитаны на подростково-юношеский возраст (14–17 лет) (Малюшина, 2023a; Малюшина, 2023b).

Результаты

Существуют разные концептуальные подходы к трактовке криминальной мотивации. Одни исследователи демонстрируют наличие напряженных потребностей, появление у несовершеннолетних определенного желания испытать «острые» ощущения. Другие интерпретируют понятие криминальной мотивации как совокупность мотивов динамичного образования, которое побуждает личность к преступной деятельности.

С психологической точки зрения понятие «мотив» связано с раскрытием его сущностных свойств, а в уголовном праве – с правовой оценкой действий лица, которое совершило преступление.

Выделение типов правонарушителей, появление новых современных форм преступлений требуют разработки моделей профилактики противоправного поведения подростков.

Эффективность предупреждения преступлений несовершеннолетних может быть достигнута только на основе комплексного подхода, а также объединения усилий субъектов профилактики на всех уровнях. Необходимо сочетать меры общего и индивидуального предупреждения.

Разработана программа психологической коррекции и профилактики криминальной мотивации несовершеннолетних правонарушителей.

Построение структуры криминальной мотивации может основываться на следующих научных идеях. В. Г. Асеев (Асеев, 2008), Л. И. Божович, Б. И. Додонов, С. Л. Рубинштейн рассматривали мотивацию как определенную иерархическую систему с психологическими составляющими по иерархии всей структуры. П. В. Симонов отмечает, что о появлении потребности начинают сигнализировать эмоции.

Д. А. Леонтьев писал, что структурами мотивации выступают смыслообразующие ценности (Леонтьев, 2004). Многие поведенческие реакции, нерациональные психологические защиты также играют важную роль в формировании негативного опыта идентификации. У несовершеннолетних возникают антиценности, на их развитие влияют деструктивные личностные смыслы. Эти личностные смыслы могут изменяться, трансформироваться и в дальнейшем привести к возникновению криминальных мотивов. Необходимо предупреждать или купировать возникновение криминальных мотивов.

Необходимо разработать программы психологической коррекции и профилактики.

Н. В. Богданович, В. В. Делибалт выделяют следующие комплексные программы профилактики девиантного поведения несовершеннолетних.

В основном они «сводят это к информированию и беседам. Однако в официальном (юридическом) определении профилактика – это система мероприятий в контексте предупреждения отклоняющегося поведения и преступности. Но все-таки должны быть ориентиры, которые

хотя бы позволят связать эти мероприятия в систему. Сложность психопрофилактической деятельности психолога заключается в ее противоречивости, работа должна проводиться с так называемой группой риска» (Богданович, Делибалт, 2020).

Отметим также, что разрабатываются программы профилактики, направленные на работу с отдельным несовершеннолетним или с отдельной семьей. Они реализуют системное изменение ситуации, поведения ребенка, то есть ведётся работа по социальной карте несовершеннолетнего (Богданович, Делибалт, 2020, с. 10).

Исследователи А. П. Вяткин, Т. А. Терехова, Л. В. Санина говорят о необходимости изучения личности подростков, а также о способах и методах, направленных на изменение системы ценностей, важности проблем волевой саморегуляции, самооценки (Вяткин и др., 2016, с. 498).

С. А. Красненкова, И. И. Маркова считают, что «формирование жизненных планов, предполагающее социальное самоопределение, характерная черта старшего подросткового возраста. Именно в этот возрастной период происходит становление мировоззрения, определение жизненных целей, планов, смысла существования личности в социуме и ее места в нем. При этом жизненные планы десоциализированных, социально дезадаптированных несовершеннолетних и их социализированных, социально адаптированных сверстников часто идентичны» (Красненкова, Маркова, 2018, с. 113).

Основной задачей профилактической работы с подростками, по мнению Е. Б. Кирилловой, является предотвращение криминального поведения в виде воздействия на его систему различных внутренних побуждений.

Очень важно обучить несовершеннолетних говорить «нет» и противостоять воздействию со стороны, а этого можно добиться, обучая вырабатывать свою собственную и независимую линию поведения (Кириллова, 2020).

У. Г. Чавыкина, М. С. Симонян рекомендует применять личностно-ориентированный подход при разработке программ профилактики безнадзорности несовершеннолетних (Чавыкина, Симонян, 2019).

Е. Г. Дозорцева и Д. В. Кирюхина, рассуждая о взаимодействии подростков в интернет-пространстве, констатируют, что у многих из них возникает виртуальное сознание (Дозорцева, Кирюхина, 2020).

М. Б. Гуд основным фактором педагогической коррекции правового сознания у несовершеннолетних считает воспитание в семье. У таких детей развивается правовая интолерантность, что впоследствии может привести к совершению проступков и преступлений (Гуд, 2017, с. 3).

Деформированное правовое сознание родителей также может исказить знания и представления ребенка о правовом обществе. Р. Р. Муслумов отмечает, что «правовое самосознание как важнейшая сторона правосознания предполагает выделение субъектом самого себя в качестве носителя определенной активной позиции по отношению к праву, к правовым отношениям. Правовое самосознание личности мы рассматриваем как процесс и одновременно как результат выработки ею относительно устойчивой осознанной системы представлений о самой себе в правовом пространстве, осознание себя субъектом права, своей роли, целей, интересов, ценностных ориентаций, идеалов и мотивов правового поведения» (Муслумов, 2019).

Многие зарубежные исследователи считают, что необходимо учитывать близость и расстояние в семейных отношениях, транзакции между участниками и их семьями, а также обучать их социальным навыкам.

Проблема разработки профилактики и коррекции криминального поведения несовершеннолетних является актуальной задачей во всем мире. Учитывая отечественный и мировой опыт исследователей, обобщив методы и приемы профилактической работы, необходимо раз-

работать программу профилактики и коррекции мотивации криминального поведения несовершеннолетних.

Целью исследования было выявление особенностей структуры криминальной мотивации несовершеннолетних правонарушителей, совершивших различные по составу преступления, а также разработка и апробация программы коррекции и профилактики криминальной мотивации несовершеннолетних правонарушителей.

Методы

Для достижения цели исследования мы применяли следующие методы.

Теоретические (анализ литературных источников, реферирование, обобщение); эмпирические: психодиагностические методы для сбора эмпирических данных – «Ценностные ориентации» М. Рокича; «Профиль чувств в отношениях» Л. Куликова; «Диагностика мотивационной структуры личности» В. Э. Мильмана; «Субъективная оценка межличностных отношений» С. В. Духновского; «Опросник межличностных отношений» В. Шутца в адаптации А. А. Рукавишниковой; «Индикатор копинг-стратегий» Д. Амирхана; «Индекс жизненного стиля» Плутчика – Келлермана – Контети, Проективную методику «ТАТ (Тематический Апперцептивный Тест)», «Метод мотивационной индукции» Ж. Нюттена, авторскую методику «Доминирующий криминальный мотив». Для качественной обработки эмпирических данных и получения достоверных результатов применялись математико-статистические методы (метод ранговой корреляции, t-критерий Стьюдента, t-критерий Вилкоксона).

Выборка исследования составила 540 человек, из которых 210 девочек – 38,9 % и 330 мальчиков – 61,1%. Возраст: 14–17 лет. Были отобраны несовершеннолетние, которые подозревались в совершении преступлений, различных по составу (согласно классификации Ю. А. Антояна).

Результаты

Для разработки программы психологической коррекции и профилактики мы провели психодиагностическое исследование по вышеперечисленным методикам, затем провели факторный анализ и выявили корреляционные связи психологических компонентов структуры криминальной мотивации несовершеннолетних.

Факторизация данных проводилась по 97 переменным. Были выделены четыре фактора структуры криминальной мотивации несовершеннолетних правонарушителей.

1-й фактор – индивидуально-личностный. Он представлен 26 параметрами (25,92 % дисперсии). Доминируют такие параметры, как потребность в материальных благах ($F = 0,98$), мнение ($F = 0,86$), жизнеобеспечение ($F = 0,80$) и другие.

2-й фактор – поведенческий. Он представлен 18 параметрами (19,72 % дисперсии). Доминируют такие параметры, как игровой мотив ($F = 0,88$), социальный статус ($F = 0,81$), поиск ($F = 0,77$), непримиримость ($F = 0,74$), отчужденность ($F = 0,71$), напряженность ($F = 0,54$), конфликтность ($F = 0,54$), регрессия ($F = 0,53$) и другие.

3-й фактор – когнитивный. Он представлен 10 параметрами (8,45 % дисперсии). Доминируют такие параметры, как аморальный мотив ($F = 0,75$), долг ($F = 0,63$), рациональность ($F = 0,62$) и другие.

4-й фактор – эмоциональный – представлен 7 параметрами (6,11 % дисперсии).

На рис. 1. представлена структура криминальной мотивации несовершеннолетних правонарушителей.

Далее нами была разработана программа психологической коррекции и профилактики криминальной мотивации несовершеннолетних правонарушителей, имеющая целью проведе-

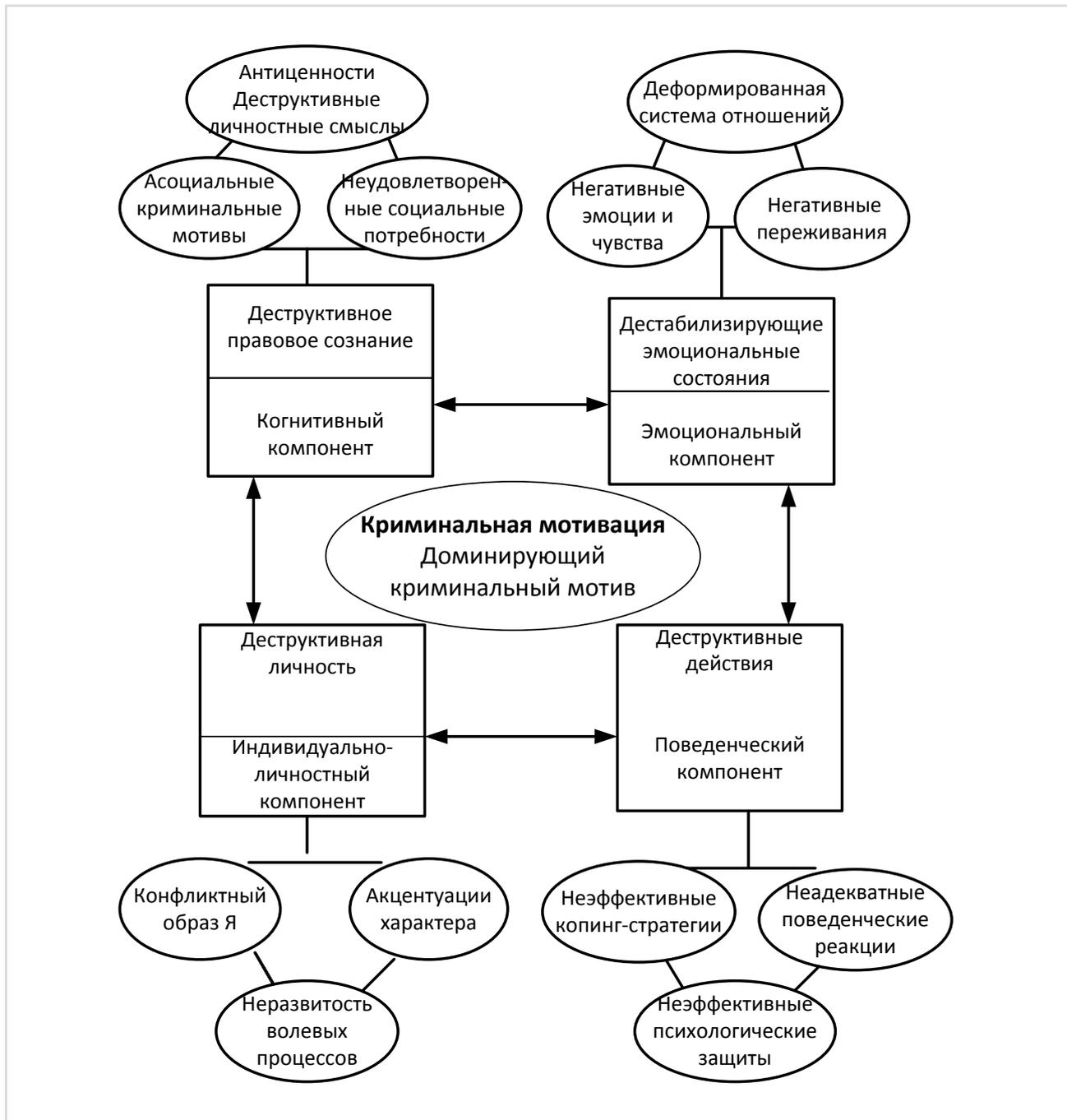

Рис. 1. Структура криминальной мотивации несовершеннолетних правонарушителей

Fig. 1. Structure of criminal motivation of juvenile delinquents

ние упражнений, направленных на изменение наполняемости психологического содержимого криминальной мотивации. Программа включает:

– психологическое воздействие на когнитивный компонент, то есть формирование адекватных ценностей, жизненных смыслов, а также на постановку целей жизни, на формирование правосознания;

- психологическое воздействие на индивидуально-личностный компонент, то есть объяснение адекватных материальных потребностей, коррекция и купирование криминальных мотивов;
- психологическое воздействие на поведенческий компонент, то есть купирование напряженности, отчужденности, конфликтности, а также агрессивности, развитие оптимальных межличностных отношений, коррекция деструктивных копинг-стратегий, механизмов психологической защиты (отрицания, вытеснения, проекции, идентификации, рационализации, замещения, отчуждения);
- психологическое воздействие на эмоциональный компонент, то есть коррекция дестабилизирующих эмоций и чувств.

Следует отметить, что программа направлена на развитие адекватного отношения подростка к самому себе и к ближайшему окружению, а также на формирование положительного образа мира, адекватных межличностных отношений и снижение конфликтов с окружающими.

В программу включены беседы, дискуссии, ролевые игры, психотехнические упражнения, релаксационные упражнения, просмотры фильмов, арт-терапевтические техники, такие как сказкотерапия, например, «Сказка о волшебных зеркалах» (И. В. Вачков), танцевальная терапия «Тайны Шахерезады» (модифицированная версия автора), «Африканский танец», видеосон, рисование обиды, например, упражнение «Кувшинчик обид», коллаж «Мечты в рисунках» и многие другие.

В конце тренинга нами были проведены рефлексия и индивидуальные интервью с участниками с целью выявления их общего впечатления.

Программа профилактики и коррекции криминальной мотивации несовершеннолетних правонарушителей состоит из нескольких этапов.

1. Психодиагностический этап для определения психологического содержания компонентов криминальной мотивации несовершеннолетних правонарушителей.
2. Психокоррекционный этап для формирования новых моделей поведения с учетом индивидуально-психологических особенностей несовершеннолетних.
3. Психолого-консультативный этап для разработки и проведения индивидуального или группового психолого-педагогического сопровождения несовершеннолетних правонарушителей.

Приведем пример программы психологической коррекции «Квартет».

1. Когнитивный модуль. Упражнения данного модуля способствуют осознанию несовершеннолетними сущности криминального поведения, его отрицательных последствий, и развитию у них правосознания. Такие упражнения, как «Когнитивные воздействия», «Качества, которые мы ценим», «Что такое правосознание?», «Откровение человека в Железной маске», «Сказка о волшебных зеркалах».

2. Эмоциональный модуль. Цель: научиться анализировать и корректировать эмоциональные чувства, ощущения, расслабляться. Упражнения позволят также расширить представление подростков о психологической природе обиды, зависти, управлять негативными эмоциями и переживаниями.

3. Индивидуально-личностный модуль. Цель: объяснить и научить правонарушителей способам и методам осуществления своей мечты правомерным способом, постановке реальных, значимых целей и путей их достижения на ближайшее время и на перспективу.

4. Поведенческий модуль. Цель: научить анализировать свои отрицательные качества личности, делать определенные выводы о своем поведении, наметить перспективы исправления. Актуализировать отношение несовершеннолетних правонарушителей к проблеме агрессивного поведения и распознавание направленности агрессивных импульсов, переоценку системы ценностей, изменение отношения к сценам насилия.

Обсуждение

Для подтверждения эффективности разработанной нами программы психологической коррекции «Квартет» мы провели формирующий эксперимент. Эффективность проверялась методом сравнения результатов до и после проведения программы при помощи t-критерия Вилкоксона.

Нами были сопоставлены результаты двух измерений, которые проводились до и после проведения психокоррекционной программы в форме тренинга «Квартет». В табл. 1 представлены изменения, которые произошли по следующим показателям.

Таблица 1. Результаты проведения психокоррекционной программы «Квартет»

Table 1. Results of the psychocorrection programme “Quartet”

Переменная	Констатирующий этап	Формирующий этап	Т-критерий Вилкоксона Уровень значимости Критические значения		
			$T_{\text{эмп}}$	$T_{\text{кр}}$	Зона значимости влево
Аморальный мотив	7,51	4,64	$T_{\text{эмп}} = 312$ при $p \leq 0,01$	$T_{\text{кр}} = 371$ при $p \leq 0,05$	$T_{\text{эмп}} < T_{\text{кр}}$ ($p \leq 0,01$)
Счастье других людей	7,8	4,33	$T_{\text{эмп}} = 296$ при $p \leq 0,01$	$T_{\text{кр}} = 353$ при $p \leq 0,05$	$T_{\text{эмп}} < T_{\text{кр}}$ ($p \leq 0,01$)
Честность	7,2	4,6	$T_{\text{эмп}} = 312$ при $p \leq 0,01$	$T_{\text{кр}} = 371$ при $p \leq 0,05$	$T_{\text{эмп}} < T_{\text{кр}}$ ($p \leq 0,01$)
Не выраженное поведение в области включения	2,95	5,51	$T_{\text{эмп}} = 312$ при $p \leq 0,01$	$T_{\text{кр}} = 371$ при $p \leq 0,05$	$T_{\text{эмп}} < T_{\text{кр}}$ ($p \leq 0,01$)
Мотивация общения	16,5	19,3	$T_{\text{эмп}} = 312$ при $p \leq 0,01$	$T_{\text{кр}} = 371$ при $p \leq 0,05$	$T_{\text{эмп}} < T_{\text{кр}}$ ($p \leq 0,01$)
Не выраженное поведение в области контроля	3,0	5,67	$T_{\text{эмп}} = 312$ при $p \leq 0,01$	$T_{\text{кр}} = 371$ при $p \leq 0,05$	$T_{\text{эмп}} < T_{\text{кр}}$ ($p \leq 0,01$)
Отчужденность	61,39	42,4	$T_{\text{эмп}} = 328$ при $p \leq 0,01$	$T_{\text{кр}} = 389$ при $p \leq 0,05$	$T_{\text{эмп}} < T_{\text{кр}}$ ($p \leq 0,01$)
Гедонические чувства	56,35	52,7	$T_{\text{эмп}} = 312$ при $p \leq 0,01$	$T_{\text{кр}} = 371$ при $p \leq 0,05$	$T_{\text{эмп}} < T_{\text{кр}}$ ($p \leq 0,01$)
Астенические чувства	48,4	43,1	$T_{\text{эмп}} = 328$ при $p \leq 0,01$	$T_{\text{кр}} = 389$ при $p \leq 0,05$	$T_{\text{эмп}} < T_{\text{кр}}$ ($p \leq 0,01$)
Меланхолические чувства	39,27	37,5	$T_{\text{эмп}} = 120$ при $p \leq 0,01$	$T_{\text{кр}} = 152$ при $p \leq 0,05$	$T_{\text{эмп}} < T_{\text{кр}}$ ($p \leq 0,01$)
Эмоциональный мотив	6,9	4,44	$T_{\text{эмп}} = 328$ при $p \leq 0,01$	$T_{\text{кр}} = 389$ при $p \leq 0,05$	$T_{\text{эмп}} < T_{\text{кр}}$ ($p \leq 0,01$)
Напряженность в отношениях	44,04	42,0	$T_{\text{эмп}} = 151$ при при $p \leq 0,01$	$T_{\text{кр}} = 187$ при $p \leq 0,05$	$T_{\text{эмп}} < T_{\text{кр}}$ ($p \leq 0,01$)
Конфликтность в отношениях	46,82	42,11	$T_{\text{эмп}} = 266$ при $p \leq 0,01$	$T_{\text{кр}} = 319$ при $p \leq 0,05$	$T_{\text{эмп}} < T_{\text{кр}}$ ($p \leq 0,01$)
Игровой мотив	6,51	3,84	$T_{\text{эмп}} = 252$ при $p \leq 0,01$	$T_{\text{кр}} = 302$ при $p \leq 0,05$	$T_{\text{эмп}} < T_{\text{кр}}$ ($p \leq 0,01$)

После проведенного тренинга у несовершеннолетних появилась тенденция к изменению системы ценностей, значительно снизились показатели криминальных мотивов. Подростки стали анализировать свои действия, расставлять жизненные приоритеты, контролировать поступки и желания, научились общаться, проявлять активность в социуме.

Выявлены изменения по параметрам «отчужденность», «гедонические чувства», «астенические чувства» и «меланхолические чувства». После тренинговых занятий многие из них начали анализировать свое поведение и свои жизненные установки. Выявлены низкие значения по параметру «агрессивность». После проведенного тренинга у несовершеннолетних развиваются навыки самоконтроля, уверенного поведения.

Выявлены более низкие значения по параметрам «напряженность», «конфликтность» и «игровой мотив». Достоверных различий в контрольной группе не обнаружено.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод и подвести итоги.

1. Существуют разные концептуальные подходы к трактовке криминальной мотивации. Одни исследователи демонстрируют наличие напряженных потребностей, появление у несовершеннолетних определенного желания испытать «острые» ощущения. Другие интерпретируют понятие криминальной мотивации как совокупность мотивов динамичного образования, которое побуждает личность к преступной деятельности.

2. Научные представления о криминальной мотивации несовершеннолетнего правонарушителя носят разрозненный характер. Выделены когнитивный, эмоциональный, индивидуально-личностный и поведенческий компоненты. Ведущую роль в формировании личности имеют доминирующие криминальные мотивы.

3. Появление новых современных форм преступлений требует разработки моделей профилактики противоправного поведения подростков, в том числе и в интернет-пространстве.

4. Эффективность предупреждения преступлений несовершеннолетних может быть достигнута только на основе комплексного подхода, а также объединения усилий субъектов профилактики на всех уровнях. Необходимо постоянное сочетание мер общего и индивидуального предупреждения. Апробация программы психологической коррекции в виде тренинга «Квартет» подтвердила свою эффективность, были выявлены достоверные различия.

5. Для проведения профилактической работы по снижению рецидивной преступности среди несовершеннолетних необходимо выделить ведущие мишени профилактики противоправного поведения и риска повторения противоправных деяний: обращение к их личности, формирование жизненной перспективы на основе способности к краткосрочному и долгосрочному планированию своих действий, осознанию причинно-следственных связей и ответственности за свои решения, устранение криминальных мотивов в процессе тренинговой работы, беседы с правонарушителями, проведение психодиагностических процедур с использованием опросников и методик и т. д.

Перспективы

Дальнейшее исследование криминальной мотивации может быть продолжено анализом нормативно-правовой документации профилактики криминального поведения несовершеннолетних, а также в половозрастном аспекте, разработкой проективной методики, способствующей определению криминальных мотивов в структуре криминальной мотивации.

Список литературы

- Асеев, В. Г. (2008). Структурные особенности ценностно-мотивационной системы личности. *Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика*, 14 (4), 53–58.
- Богданович, Н. В., Делибалт, В. В. (2020). Профилактика девиантного поведения детей и подростков как направление деятельности психолога в образовательных учреждениях. *Психология и право*, 10 (2), 1–14.
- Вяткин, А. П., Невструева, Т. Х., Терехова, Т. А., Санина, Л. В. (2016). Методы психокоррекции личности несовершеннолетних в системе раннего предупреждения их преступного поведения. *Всероссийский криминологический журнал*, 10 (3), 487–498. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2016.10\(3\).487-498](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2016.10(3).487-498)
- Гуд, М. Б. (2017). Воспитание в семье как фактор педагогической коррекции правового сознания у несовершеннолетних условно осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции. *Психология и право*, 7 (4), 1–9.
- Дозорцева, Е. Г., Кирюхина, Д. В. (2020). Кибербуллинг и склонность к девиантному поведению у подростков. *Прикладная юридическая психология*, 1 (50), 80–87.
- Кириллова, Е. Б. (2020). *Личностные психологические детерминанты предрасположенности подростков к девиантному поведению*: дис. ... канд. психол. наук. Москва.
- Красненкова, С. А., Маркова, И. И. (2018). Социально-психологические особенности жизненных перспектив делинквентных подростков. *Вестник института: преступление, наказание, исправление*, 1 (41), 111–117.
- Леонтьев, Д. А. (2004). Общее представление о мотивации поведения человека. *Психология в вузе*, 1, 51–65.
- Малюшина, Ю. А. (2023а). *Психологическая коррекция и профилактика криминальной мотивации несовершеннолетних правонарушителей*: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Екатеринбург.
- Малюшина, Ю. А. (2023б). *Психологическая коррекция и профилактика криминальной мотивации несовершеннолетних правонарушителей*: дис. ... канд. психол. наук. Екатеринбург.
- Малюшина, Ю. А., Шатилович, С. Н., Федорова, О. Б. (2021). Изучение психологического механизма насильственных преступлений как один из аспектов профилактики скулшутинга. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки*, 3, 86–97. <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2021-3-86-97>
- Марцинковская, Т. Д. (2022). Психология подростка в ответ на вызовы современности: сплав традиций и инноваций. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 3 (15), 187–197. <https://doi.org/10.24412/2073-0861-2022-3-187-197>
- Марцинковская, Т. Д., Андреева (Голубева), Н. А., Преображенская, С. В. (2023). Информационная идентичность и восприятие информации как новая цифровая повседневность. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, 13 (3), 347–361. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.304>
- Муслумов, Р. Р. (2019). Проблемы формирования правового самосознания личности. *Перспективы науки и образования*, 6 (42), 44–54. <https://doi.org/10.32744/pse.2019.6.4>
- Чавыкина, У. Г., Симонян, М. С. (2019). Применение личностно-ориентированного подхода при организации взаимодействия социально-культурных учреждений в профилактике безнадзорности несовершеннолетних. *Мир науки, культуры, образования*, 1 (74), 250–252.

References

- Aseev, V. G. (2008). Strukturnye osobennosti cennostno-motivacionnoj sistemy lichnosti. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psihologiya. Social'naya rabota. Yuvenologiya. Sociokinetika*, 14 (4), 53–58.
- Bogdanovich, N. V., Delibalt, V. V. (2020). Profilaktika deviantnogo povedeniya detej i podrostkov kak napravlenie deyatel'nosti psihologa v obrazovatel'nyh uchrezhdeniyah. *Psihologiya i pravo*, 10 (2), 1–14.
- Vyatkin, A. P., Nevstrueva, T. H., Terekhova, T. A., Sanina, L. V. (2016). Metody psihokorrekcii lichnosti nesovershennoletnih v sisteme rannego preduprezhdeniya ih prestupnogo povedeniya. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*, 10 (3), 487–498. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2016.10\(3\).487-498](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2016.10(3).487-498)
- Gud, M. B. (2017). Vospitanie v sem'e kak faktor pedagogicheskoy korrekcii pravovogo soznaniya u nesovershennoletnih uslovno osuzhdennyh, sostoyashchih na uchete v ugolovno-ispolnitel'noj inspekcii. *Psihologiya i pravo*, 7 (4), 1–9.
- Dozorceva, E. G., Kiryuhina, D. V. (2020). Kiberbulling i sklonnost' k deviantnomu povedeniyu u podrostkov. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya*, 1 (50), 80–87.
- Kirillova, E. B. (2020). *Lichnostnye psihologicheskie determinanty predraspolzhenosti podrostkov k deviantnomu povedeniyu*: dis. ... kand. psihol. nauk. Moscow.
- Krasnenkova, S. A., Markova, I. I. (2018). Social'no-psihologicheskie osobennosti zhiznennyh perspektiv delinkventnyh podrostkov. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*, 1 (41), 111–117.
- Leont'ev, D. A. (2004). Obshchee predstavlenie o motivacii povedeniya cheloveka. *Psihologiya v vuze*, 1, 51–65.
- Malyushina, Yu. A. (2023a). *Psihologicheskaya korrekciya i profilaktika kriminal'noj motivacii nesovershennoletnih pravonarushitelej*: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. Ekaterinburg.
- Malyushina, Yu. A. (2023b). *Psihologicheskaya korrekciya i profilaktika kriminal'noj motivacii nesovershennoletnih pravonarushitelej*: dis. ... kand. psihol. nauk. Ekaterinburg.
- Malyushina, Yu. A., Shatilovich, S. N., Fedorova, O. B. (2021). Izuchenie psihologicheskogo mekhanizma nasil'stvennyh prestuplenij kak odin iz aspektov profilaktiki skulshutinga. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psihologicheskie nauki*, 3, 86–97. <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2021-3-86-97>
- Marcinkovskaya, T. D. (2022). Psihologiya podrostka v otvet na vyzovy sovremennosti: splav tradicij i innovacij. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psihologiya*, 3 (15), 187–197. <https://doi.org/10.24412/2073-0861-2022-3-187-197>
- Marcinkovskaya, T. D., Andreeva (Golubeva), N. A., Preobrazhenskaya, S. V. (2023). Informacionnaya identichnost' i vospriyatie informacii kak novaya cifrovaya povsednevnost'. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psihologiya*, 13 (3), 347–361. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.304>
- Muslumov, R. R. (2019). Problemy formirovaniya pravovogo samosoznaniya lichnosti. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*, 6 (42), 44–54. <https://doi.org/10.32744/pse.2019.6.4>
- Chavykina, U. G., Simonyan, M. S. (2019). Primenenie lichnostno-orientirovannogo podhoda pri organizacii vzaimodejstviya social'no-kul'turnyh uchrezhdenij v profilaktike beznadzornosti nesovershennoletnih. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 1 (74), 250–252.

Информация об авторе:

Юлия Алексеевна Малюшина – доцент кафедры педагогики и методики обучения гуманитарным дисциплинам Курганского государственного университета, внештатный лектор лекторской группы УМВД России по Курганской области, кандидат психологических наук.

About the author:

Yulia A. Malyushina – Associate Professor of the Department of Pedagogy and Methods of Teaching Humanities of Kurgan State University, Freelance lecturer of the lecture group of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Kurgan region, Cand. Sci. (Psy.)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 11.03.2024; **Одобрена после рецензирования** 29.03.2024;
Опубликована 28.04.2024

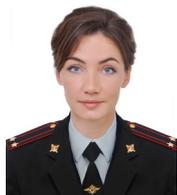
Submitted March 11, 2024; **Approved after reviewing** March 29, 2024; **Accepted** April 28, 2024

УДК 159.99

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-1-75-84

Компьютерная игромания несовершеннолетних как психологическая проблема

Людмила Николаевна Никитина

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

(Симферополь, Россия)

flm2014@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6645-9258

Аннотация

Введение. Сегодня информационно-коммуникационные технологии максимально упрощают жизнедеятельность и трудовые будни человечества. Это коснулось и подрастающего поколения, которое получило новые увлекательные средства проведения досуга в виде компьютерных игр различных жанров. Чрезмерное увлечение и полное погружение в виртуальный игровой мир может способствовать формированию аддиктивного поведения. В последнее время эта проблема становится популярной и актуализируется в контексте профилактики зависимого поведения молодежи, роста таких проявлений, как скулшутинг, кибербуллинг, суицидальное поведение и др. В связи с этим возникает необходимость в проведении исследований рассматриваемой проблемы с целью дальнейшего построения эффективной профилактической деятельности. **Цель** исследования состояла в комплексном рассмотрении основных признаков, причин и условий формирования компьютерной игромании у несовершеннолетних. **Методология, методы и методики.** Исследование было основано на современных научно-методических и социально-психологических методиках исследования компьютерной аддикции несовершеннолетних. В работе были использованы методы восхождения от абстрактного к конкретному, компаративистики и аксиологической интерпретации. **Результаты** проведенного исследования свидетельствуют об актуальности данной темы в свете стремительно развивающихся информационных технологий. Проведен анализ социальных и психологических особенностей формирования компьютерной игромании несовершеннолетних, определены причины данного вида аддикции. **Научная новизна** статьи заключается в анализе исследований в рамках изучения аддиктивного поведения, в результате чего выявлены основные причины формирования компьютерной игромании у несовершеннолетних. **Практическая значимость.** Результаты работы могут восполнить существующий пробел в изучении указанной темы и стать подспорьем в дальнейшей разработке комплексных исследований с целью недопущения формирования аддиктивного поведения у несовершеннолетних. Например, важными и перспективными направлениями в рамках данной темы являются: исследование возрастных и гендерных особенностей психологической зависимости от компьютерных игр; изучение диагностики компьютерной игромании несовершеннолетних; подбор эффективных психотерапевтических техник и методик в работе с игроманами.

Ключевые слова

компьютерные технологии, игромания, несовершеннолетние, подростки, сознание, причины аддикции, психологические особенности, возрастные кризисы

Для цитирования: Никитина, Л. Н. (2024). Компьютерная игромания несовершеннолетних как психологическая проблема. *Российский девиантологический журнал*, 4 (1), 75–84. doi: 10.35750/2713-0622-2024-1-75-84.

Computer game addiction in minors as a psychological problem

Lyudmila N. Nikitina

Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

(Simferopol, Russia)

flm2014@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6645-9258

Abstract

Introduction. Today, information and communication technologies maximize the simplification of life and work of mankind. This also affected the younger generation which received new and exciting means of amusing leisure in the form of computer games of various genres. Excessive passion and total immersion in the virtual game world can result in the formation of addictive behavior. Recently, this problem has become popular and is relevant in the context of preventing the addictive behavior in young people, the growth of such manifestations as school shooting, cyberbullying, suicidal behavior, etc. In this regard, there is a need to conduct research on the problem under consideration in order to further build effective preventive activities. **The purpose** of the study was to comprehensively examine the main signs, causes and conditions for the formation of minors' computer game addiction. **Methodology, methods and techniques.** The study was based on modern scientific, methodological and socio-psychological methods for studying minors' computer addiction. The methods of rising from the abstract to the concrete, comparative studies and axiological interpretation were applied in the study. **The results** of the study indicate the relevance of this topic in the light of rapidly developing information technologies. The analysis of the social and psychological features of the formation of computer game addiction in minors was carried out, and the causes of this type of addiction were specified. **The scientific novelty** of the article lies in the analysis of research within the study of addictive behavior, as a result of which the main reasons for the formation of computer game addiction in minors were identified. **Practical significance.** The results of the work can fill the existing gap in the study of this topic and become an aid in the further development of comprehensive research in order to prevent the formation of addictive behavior in minors. For example, important and promising areas within this topic are: the study of age and gender characteristics of psychological dependence on computer games; the study of diagnostics of minors' computer game addiction; selection of effective psychotherapeutic techniques and methods for dealing with game addicts.

Keywords

computer technologies, game addiction, minors, adolescents, consciousness, causes of addiction, psychological characteristics, age crises

For citation: Nikitina, L. N. (2024). Computer game addiction in minors as a psychological problem. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (1), 75–84. doi: 10.35750/2713-0622-2024-1-75-84.

Введение

XXI век сопровождается резким и быстрым ростом информационных технологий. Если в середине-конце 90-х годов главными занятиями несовершеннолетних были просмотр телепередач и прослушивание музыки, то в настоящее время основным увлечением являются различные формы взаимодействия с компьютерными технологиями (Indrakanti et al., 2022). Большинство подростков, рассказывая о своих интересах, активно упоминают интернет и компьютер, предпочитая их живому общению с друзьями, занятиям спортом и активному времяпрепровождению.

Одним из наиболее распространенных и устойчивых факторов, оказывающих, зачастую деструктивное влияние на незрелую психику подростка, являются компьютерные игры. Навязчивое и продолжительное увлечение компьютерными играми ведет к формированию зависимости от цифровых развлечений. Такой вид аддикции распространен и развивается намного быстрее из-за наличия интерактивного взаимодействия с объектом зависимости. Для игромании характерно продолжительное и возобновляющееся дезадаптивное поведение, которое нозологически можно классифицировать как расстройство контроля над импульсами и в то же время как синдром зависимости (Рыбакова, 2019). По мнению ученых, для появления устойчивых признаков аддиктивного поведения в среднем требуется около 6–12 месяцев активного использования компьютера (Griffiths, Davies, & Chappell, 2004).

Обзор литературы

Специальные эмпирические исследования были проведены в различных направлениях изучения темы: психологические особенности и детерминацию формирования данного вида аддикции в своих работах описывали А. Ю. Акопов, И. В. Бурлаков, М. Гриффитс, А. В. Гришина, Ю. М. Евстигнеева, А. Ю. Егоров, А. В. Котляров, О. В. Литвиненко, А. Г. Макалатия, В. Л. Малыгин, М. Орзак, Ю. В. Серебренникова, С. В. Фадеева, Л. И. Шакирова, С. А. Шапкин, М. А. Шаталина, А. Ф. Шайдулина, К. Янг; меры и средства профилактики зависимого от компьютерных игр поведения рассматривали Т. Ю. Больбот, В. Н. Друзин, С. К. Рыженко, Л. Н. Юрьева.

Исходя из того, что необходимым элементом диагностики компьютерной игромании несовершеннолетних является определение причин (внутренних психологических факторов) и социальных условий (внешних стимулов), приходим к выводу о возрастающей актуальности глубокого и всестороннего рассмотрения психологических детерминант формирования данного вида аддикции.

Методология, методы и методики

Методологическую основу исследования составили принципы, подходы и методы, обеспечившие формирование категориального каркаса статьи. Были востребованы исторический, системный и аналитический, антропологический и интервальный подходы. Методы восхождения от абстрактного к конкретному, компаративистики, и аксиологической интерпретации дали возможность комплексного анализа исследуемой темы. В ходе исследования были задействованы такие приемы, как анализ и синтез, абстрагирование и обобщение, что способствовало систематизации наработанного опыта.

Результаты

Причины формирования зависимости от компьютерных игр у несовершеннолетних разнообразны и очень индивидуальны, начиная от влияния самого близкого социального окружения и заканчивая детскими глубокими психологическими травмами.

Анализ проведенных исследований показал, что несовершеннолетние компьютерные игроки характеризуются фрустрированностью, которая выражается в повышенном уровне агрессивности; тревожность и эмоциональная незрелость ведут к невозможности проявлять и принимать свои негативные эмоции; подавленные и вытесненные отрицательные чувства (гнев, стыд, вина и др.) компенсируются за счет компьютерных игр в виртуальном пространстве, поскольку не находят возможности экологичного выхода этих чувств в реальности.

При этом компьютерные игры также могут быть средством эмоциональной разрядки и снятия стресса, удовлетворения неосознаваемых потребностей и желаний, поднимают самооценку и способствуют самоутверждению (Колотилова, 2009).

Прослеживается диалектическая взаимосвязь компьютерных игр с элементами насилия и агрессивности как личностной характеристики несовершеннолетнего. Компьютерные игры с элементами насилия могут актуализировать уже имеющиеся агрессивные тенденции и способствовать выходу накопленных негативных эмоций в рамках самой игры. В то же время именно компьютерные игры с агрессивными сюжетами могут стать предпосылкой проявления различных форм девиантного поведения, реализуемого в социуме.

Обсуждение результатов исследования

Азарт является ключевым чувством любой игровой деятельности. Его главной чертой выступает повышенный эмоциональный фон. Это можно объяснить изученным и отработанным методом вовлечения в игры – так называемым принципом «ящика Скиннера» (Береговой, 2020). Традиционно формирование игровой зависимости, по мнению ученых, происходит в четыре стадии: 1) стадия легкой увлеченности, 2) стадия увлеченности, 3) стадия зависимости, 4) стадия привязанности (Янг, 2000). У человека на первоначальном этапе возникает желание получить положительные эмоции, а далее, на более глубоких стадиях зависимости, действия аддикта подчиняются его эмоциональному фону. В этом случае азарт превращается в аффективное состояние – глубокую и длительную эмоцию, характеризующуюся снижением рационального контроля (Евстегнеева, 2003; Егоров, 2005). Сила азарта соответствует степени регрессии личности в виде ухода в иллюзорное прошлое от реальных действий, где нет ограничивающих правил или обязательных законов, существует волшебное разрешение проблем и быстрое получение удовольствия. Именно поэтому несовершеннолетние, чрезмерно увлекающиеся компьютерными играми, не могут остановиться и завершить игровой сеанс.

Психологи и психиатры игровую зависимость сравнивают с зависимостью от алкогольных и наркотических веществ (Солдаткин, 2010). Возникающий эмоциональный подъем в ходе компьютерной игры провоцирует резкий скачок гормонов: адреналина (стимулирует мобилизацию внутренних ресурсов), эндорфина (отвечает за удовольствие и эйфорию), дофамина (повышает энтузиазм и стимулирует функционирование познавательной сферы) и кортизола (гормон стресса).

В качестве механизмов возникновения компьютерной игровой аддикции выступают «уход от реальности», «принятие роли», «благотворное влияние видеоигры», «опыт потока», «самоутверждение в виртуальной реальности» (Хох и др., 2021).

Компьютерные игры сами по себе в ограниченном количестве могут быть полезными. Они учат выстраивать выигрышные стратегии и предугадывать возможные результаты той или иной инициативы, помогают развивать память, воображение, логику и внимание, учат взаимодействовать в команде, вырабатывают навыки адаптации и способность ориентироваться в быстро меняющихся обстоятельствах. Игры – отличный способ выплеснуть негативные эмоции, отвлечься от рутины, снять стресс безопасным образом как для себя, так и для окружающих. Кроме того, игровые методы и практики можно использовать в обучении и воспитании, что является важной частью образовательного пространства (Иванова, Иванов, 2022).

Ученые считают, что поглощенность виртуальным миром таит в себе следующие опасности: формирование склонности к агрессивности и жестокости у играющего; подмена взаимодействия с близкими людьми, сверстниками, окружающим миром «общением» с компьютером; стремление проводить время, бездумно развлекаясь; желание достигать поставленных целей без усилий; снижение уровня силы воли и терпения (Урсу, 2012).

Независимо от вида компьютерных игр большинство из них обладают общей характеристикой – возможность сохранить игру на том или ином этапе, чтобы в случае неудачи можно было начать сначала и вернуться к исходному варианту. Такая «волшебная палочка», естествен-

но, практически отсутствует в подобных активных играх в реальном мире: нет возможности остановить время, «перемотать его назад» или сохранить событие игры в первоначальном варианте. Такие неограниченные возможности, а также отождествление пользователя с главным героем, особенно в играх с управлением от первого лица, придает компьютерным виртуальным играм большую привлекательность в отличие от интерактивных игр в реальности.

Изменения происходят и в эмоционально-волевой сфере игроков, когда возникают противоречивые чувства (радость–гнев, интерес–страх), а также резкие перепады настроения. Такая нестабильность и неспособность справиться с нарастающей тревогой усиливает желание компенсировать те эмоции, которые находятся в дефиците в реальной жизни. Не исключены и патологические проявления в форме психопатии, и тогда виртуальная реальность играет роль защиты от опасностей внешнего мира, помогает справиться со страхом и тревожностью, ощутить свою значимость и создать кратковременное состояние благополучия.

У мальчиков-подростков наблюдается снижение общего уровня эмоционального интеллекта, способности к управлению эмоциями и контролю экспрессии, понимания своих эмоций (Трухан, Рыжковский, 2019).

Действительно, в компьютерной игре несовершеннолетние не просто наблюдают за происходящими событиями, они могут активно «виртуально» в них участвовать. Например, в играх пользователь может без каких-либо ограничений проявлять свою «темную сторону». В аналитической психологии в это понятие вкладывается набор тех негативных качеств человека, которыми он обладает, но не признает своими собственными. Такая темная, теневая часть личности формируется с самого детства в ходе воспитания и под влиянием общественности в попытке соответствовать нормам общества и опасаясь быть отвергнутым. Вытесненные черты характера никуда не исчезают, а дремлют в подсознании, дожидаясь благоприятных условий для своего проявления. Более того, эта бессознательная, заблокированная и игнорируемая часть индивидуальности хоть и вытеснена из сознания, но все же управляет поведением человека через его неосознаваемые желания, потребности и модели взаимодействия с другими людьми.

Компьютерная игра с элементами насилия как раз и служит тем внешним стимулом, который запускает механизм созревающего внутриличностного конфликта и способствует реализации вытесненных желаний и побуждений. Виртуальная агрессия зачастую является компенсацией запрета и невозможности адекватного проявления отрицательных эмоций в естественном окружении по каким-либо причинам. Такая мнимая поддержка своего внешнего «положительного» образа может еще больше усиливать напор внутренних «негативных» чувств, мыслей и желаний (Бурлаков, 2000). А компьютерная игра при этом может выполнять роль своеобразной «дверцы» между двумя мирами, между «хорошим» и «плохим», между «тенью» и «светом». И тогда принцип «быть, а не казаться» подвергается искажению, с еще большей силой вытесняя естественные нереализованные желания и потребности, маскируя их под социально приемлемые образцы поведения. О такой категории несовершеннолетних родные, близкие и педагоги могут говорить: «тихий», «спокойный», «добрый», «мухи не обидит», но это описание только внешнего облика. Подавленная же агрессия свой выход может находить в компьютерных играх агрессивного содержания. И здесь мы имеем, с одной стороны, положительный аспект, заключающийся в том, что «заблокированные» агрессивные тенденции все-таки имеют «безопасную» площадку для реализации в форме компьютерных игр. Но с другой стороны, как свидетельствуют проведенные исследования, контент с элементами насилия подкрепляет агрессивность самого пользователя. Такое воздействие объясняется праймингом (эффект предшествования, фиксированная установка), когда происходит активация специфических воспоминаний в памяти и при просмотре сцен насилия могут пробуждаться соответ-

ствующие мысли и идеи, актуализируя конкретные эмоции и даже специфические тенденции поведения. Эти процессы проявляются автоматически и неподконтрольны когнитивной или эмоциональной сферам.

Вопрос только о слепом подражании и копировании несовершеннолетними увиденных сцен насилия некоторыми учеными ставится под сомнение (Гюггенбуль, 2021). Но при этом внимание акцентируется на том, что уже имеющиеся агрессивные тенденции способствуют поиску всевозможных вариантов для осуществления насильственных замыслов и «подвигов». В этом случае компьютерная игра способствует отождествлению несовершеннолетнего с компьютерным персонажем в силу своего стремления найти роль, позволяющую ему выразить скрытые агрессивные тенденции вовне (Гюггенбуль, 2021, с. 59).

Соответственно, неразвитые навыки саморегуляции и самоконтроля, неумение справляться с жизненными трудностями, неустойчивая нервная система могут привести к ужасающим последствиям, как в ситуации с подростком из Челябинской области, в отношении которого возбуждено уголовное дело. Пятнадцатилетний парень ножом тяжело ранил отца и убил мать из-за того, что родители запретили ему играть в онлайн-игру *World of Warcraft*. Об этом факте информировало областное управление Следственного комитета России на своем сайте.

Зарубежные исследования по данной теме также подтверждают, что посредством компьютерных игр несовершеннолетние могут усваивать модели агрессивного поведения компьютерных персонажей, получая при этом поощрение и вознаграждение со стороны других игроков (Ferguson, 2011). Действительно, большинство компьютерных игр имеют определенную систему поощрений и наказаний, что в свою очередь формирует побудительный импульс к продолжению игры и способствует состязательности и конкуренции между игроками.

Большой популярностью у несовершеннолетних пользуются сетевые онлайн-игры. Иногда погружение в виртуальную реальность может быть настолько сильным, что подростки забывают даже об удовлетворении естественных потребностей, что может привести не только к эмоциональному и физическому истощению, но и к летальному исходу. К сожалению, в истории известен и такой случай, когда невинное увлечение компьютерными играми привело к смерти: в 2005 году в Китае девочка умерла от переутомления в результате многодневной игры в *World of Warcraft*, готовясь к важному виртуальному поединку.

Зачастую родительский контроль и воспитание сводятся к установлению ограничений и запретов без учета внутренних потребностей, эмоционального состояния и переживаний самого ребенка. Это только усугубляет разрыв во взаимопонимании между родителями и детьми, усиливает возможные протестные реакции (особенно в сложно протекающем пубертате), способствует гиперболизированному переживанию отрицательных эмоций (страх, гнев, вина, стыд) и др. Особенно ярко это проявляется, когда родители, запрещая ребенку, сами активно увлекаются гаджетами, виртуальным общением или компьютерными играми. Случаи, когда родители не могут грамотно организовать досуг ребенка, или пускают его воспитание на самотек, не ограничивая пребывание за компьютером и не объясняя, как правильно планировать свободное время, также не единичны.

По мнению Е. С. Гришиной, главной причиной вовлеченности человека в мир компьютерной игры является его стремление к творчеству самостоятельного исследования при невозможности по разным причинам его реализовать в реальной жизни (Гришина, 2021).

Существует ряд основных внешних признаков такого зависимого поведения, по которым можно определить склонность или первые стадии уже формирующейся аддикции. Впервые такие критерии компьютерного зависимого поведения были исследованы К. Янг и М. Орзак. Несовершеннолетние, чрезмерно увлеченные компьютером, характеризуются отказом от других видов деятельности, а централизация всех интересов обращена к компьютеру. Игромены

невнимательны, рассеяны, тревожны, могут не откликаться на реакции собеседника, не замечать окружающих (Рыбалтович, 2012). Часто неконтролируемое времяпрепровождение за компьютером ведет к бессоннице, головным болям и хронической усталости. Ограничение родителями взаимодействия подростка с компьютером приводит к возникновению бурной реакции протеста, агрессии, негативизма, нервным срывам.

С. В. Фадеева в своих исследованиях указывает на такие характеристики компьютерных аддиктов, как тревожность, агрессивность, фрустрированность, эмоциональная незрелость (Фадеева, 2010).

С 1 января 2022 года в силу вступила 11-я версия Международной классификации болезней (МКБ-11), одобренная Всемирной ассамблеей здравоохранения. В раздел аддиктивных расстройств вошла зависимость от видеоигр с определением основных критериев, позволяющих специалисту диагностировать расстройство (Gaming Disorder). Среди них выделены следующие: человек не контролирует время, проведенное за игрой (сколько и когда играет); игроман не может остановиться, даже если осознает негативные последствия; человек жертвует прочими увлечениями и занятиями, чтобы продолжать играть. Соответственно, явные нарушения в личной, семейной, социальной и иных сферах жизни в результате чрезмерного увлечения компьютерными играми, которые можно было наблюдать в течение не менее одного года, дают основания врачам-специалистам ставить диагноз¹.

Согласно статистическим данным, до 60 % больных игроманией совершают правонарушения, до 13–40 % совершают попытки самоубийства, а 42–70 % больных отмечают суицидальные мысли. К этому необходимо добавить еще и высокий уровень коморбидных расстройств, таких как алкоголизм, наркомания, эндогенные заболевания, выраженная морально-этическая деградация (Береговой, 2020).

В средствах массовой информации освещаются примеры, когда несовершеннолетние компьютерные игроманы совершают разного рода противоправные деяния, вплоть до уголовно наказуемых, становятся жертвами онлайн-порнографии, онлайн-мошенничеств, онлайн-издевательств или насильственных преступлений в интернете. Но необходимо отметить, что интерес привлекают зачастую те случаи, которые вызывают большой общественный резонанс, при этом остальные, так называемые рядовые ситуации продолжают оставаться вне зоны внимания общественности. Так, к настоящему времени сведения о количестве и видах противоправных деяний, совершенных несовершеннолетними под влиянием компьютерных игр, не отражены в официальной государственной статистике. Данное обстоятельство является следствием того, что сам мотив совершения того или иного противоправного деяния на почве компьютерной игромании, в том числе проявление неосознаваемой агрессии, не наделен самостоятельным статусом в уголовно-правовом законодательстве (например, статусом квалифицирующего признака).

Выводы

Подводя итог, отметим, что компьютер для постоянного пользователя может стать неотъемлемым атрибутом повседневной жизни, заменяя при этом реальное общение со сверстниками и удовлетворяя потребность в познании окружающего мира, самоутверждении и самореализации. Компьютерные игры компенсируют дефицит эмоциональных и чувственных переживаний в окружающей несовершеннолетнего действительности. Соответственно, простой запрет использовать компьютер не решит проблему, а лишь приведет к утрате контакта

¹ Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем (МКБ). Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/spotlight/international-classification-of-diseases?ref=dtf.ru>

с несовершеннолетним, что грозит потерей контроля над миром переживаний и опыта ребенка, в то время как выявление глубинных причин компьютерной игромании и их минимизация за счет как внешнего воздействия, так и внутренних изменений позволит комплексно подойти к решению данного вопроса.

Технологизация мира сопровождается множеством соблазнов для молодых людей. Например, живой интерес сегодня вызывает новая малоизученная разновидность интернет-аддикции, связанная с искажением коммуникации в реальном мире – фэббинг, как ответ на тенденции развития современного мира, вхождение человека в киберпространство, что обуславливает вариативность представлений человека относительно себя и своего места в семье, социума в целом (Душкин, Баринаова, 2023).

Еще одной опасностью в интернет-пространстве может стать увлечение ставками в казино или в спортивных букмекерских конторах, реклама которых сопровождает практически любую компьютерную игру или времяпрепровождение в интернете. Кроме того, виртуальное игровое поле может стать новой сферой преступной деятельности злоумышленников: использовать несовершеннолетних игроков как объект пропагандистского влияния для распространения деструктивных экстремистских идей.

Результаты проводимых исследований показывают, что последствием игромании может стать потребление подростками психоактивных веществ (Rücker et al., 2015.) или развитие склонности к суицидальным мыслям, самоповреждениям и делинквентному поведению (Evren et al., 2014).

Все вышеперечисленное свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения поднятой в статье темы.

Список литературы

- Береговой, Е. А. (2020). Избавление от рабства компьютерной игромании. *Уральский медицинский журнал*, 12 (195), 171–179.
- Бурлаков, И. В. (2000). *Ното Gamer: Психология компьютерных игр*. Москва: Независимая фирма «Класс».
- Гутгенбюль, А. (2021). *Зловещее очарование насилия. Профилактика детской агрессивности и жестокости*. Москва: Институт общегуманитарных исследований.
- Гришина, Е. С. (2021). Игрок Достоевского и современная компьютерная игромания: поиск родства. *Научное обозрение*, 1, 41–45.
- Душкин, А. С., Баринаова, М. Г. (2023). Гендерные особенности проявления фэббинга у курсантов образовательных организаций высшего образования МВД России. *Российский девиантологический журнал*, 3 (1), 59–74. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2023-1-59-74>
- Евстегнеева, Ю. М. (2003). *Психологические особенности обращения к компьютерным играм в подростковом возрасте*: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Москва.
- Егоров, А. Ю. (2005). Особенности личности подростков с интернет-зависимостью. *Вопросы психологического здоровья детей и подростков*, 5 (2), 20–27.
- Иванова, С. В., Иванов, О. Б. (2022). Геймификация как новый значимый элемент современного образовательного пространства. *Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование*, 20 (3), 24–37.
- Колотилова, И. В. (2009). *Индивидуально-психологические характеристики подростков, увлеченных ролевыми компьютерными играми*: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Москва.
- Рыбакова, Л. Н. (2019). Медицинская реабилитация игромании: опыт Германии. *Вопросы наркологии*, 7 (178), 70–80.

- Рыбалтович, Д. Г. (2012). *Психологические особенности пользователей онлайн-игр с различной степенью игровой аддикции*: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Санкт-Петербург.
- Солдаткин, В. А. (2010). *Клинико-патогенетическое сравнительное исследование игровой и алкогольной зависимости*: автореф. дис. ... док. мед. наук. Москва.
- Трухан, Е. Л., Рыжковский, Н. С. (2019). Взаимосвязь эмоционального интеллекта и увлеченности компьютерными играми у подростков. *Вестник Омского университета. Серия: «Психология»*, 1, 4–11. <https://doi.org/10.25513/2410-6364.2019.1.4-11>
- Урсу, А. В. (2012). *Сверхценное увлечение компьютерными играми детей и подростков: распространенность и клинико-психопатологические проявления*: автореф. дис. ... канд. мед. наук. Москва.
- Фадеева, С. В. (2010). Компьютерная зависимость как фактор риска развития агрессивного поведения у подростков. *Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова*, 3, 250–257.
- Хох, И. Р., Халфина, Р. Р., Тимербулатов, И. Ф., Хабибуллина, И. Р. (2021). Психологические особенности проявления с игровой компьютерной аддикцией (кибераддикцией) в зависимости от гендера. *Вестник психофизиологии*, 4, 104–109. <https://doi.org/10.34985/b7488-7658-1473-c>
- Янг, К. С. (2000). Диагноз – интернет-зависимость. *Мир Интернет*, 2, 26–27.
- Evren, C., Dalbudak, E., Evren, B., & Demirci A.C. (2014). High risk of Inter-net addiction and its relationship with lifetime substance use, psychological and behavioral problems among 10(th) grade adolescents. *Psychiatr Danub*, 26 (4), 330–339.
- Ferguson, C. J. (2011). Video games and youth violence: A prospective analysis in adolescents. *Journal of Youth and Adolescence*, 40 (4), 377–391. <https://doi.org/10.1007/s10964-010-9610-x>
- Griffiths, M. D., Davies, M. N. O., & Chappell, D. (2004). Online computer gaming: A comparison of adolescent and adult gamers. *Journal of Adolescence*, 27 (1), 87–96. <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2003.10.007>
- Indrakanti, A., Chutake, M., Prouty, S., Sundaranatha, V., & Koverkathu, V. (2022). *Gadget Addiction*. URL: <https://scet.berkeley.edu/reports/gadget-addiction/> (дата обращения 13.02.2024).
- Rücker, J., Akre, C., Berchtold, A., & Suris, J. C. (2015). Problematic Internet use is associated with substance use in young adolescents. *Acta Paediatr.* 104 (5), 504–507.

References

- Beregovoj, E. A. (2020). Izbavlenie ot rabstva komp'yuternoj igromanii. *Ural'skij medicinskij zhurnal*, 12 (195), 171–179.
- Burlakov, I. V. (2000). *Homo Gamer: Psihologiya komp'yuternyh igr*. Moscow: Nezavisimaya firma «Klass».
- Guggenbyul', A. (2021). *Zloveshchee ocharovanie nasiliya. Profilaktika detskoj agressivnosti i zhestokosti*. Moscow: Institut obshchegumanitarnyh issledovaniy.
- Grishina, E. S. (2021). Igrok Dostoevskogo i sovremennaya komp'yuternaya igromaniya: poisk rodstva. *Nauchnoe obozrenie*, 1, 41–45.
- Dushkin, A. S., Barinova, M. G. (2023). Gendernye osobennosti proyavleniya fabbinga u kursantov obrazovatel'nyh organizacij vysshego obrazovaniya MVD Rossii. *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal*, 3 (1), 59–74. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2023-1-59-74>
- Evstegneeva, Yu. M. (2003). *Psihologicheskie osobennosti obrashcheniya k komp'yuternym igram v podrostkovom vozraste*: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. Moskva.
- Egorov, A. Yu. (2005). Osobennosti lichnosti podrostkov s internet-zavisimost'yu. *Voprosy psihologicheskogo zdorov'ya detej i podrostkov*, 5 (2), 20–27.
- Ivanova, S. V., Ivanov, O. B. (2022). Gejmifikaciya kak novyj znachimyj element sovremennogo obrazovatel'nogo prostranstva. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20: Pedagogicheskoe obrazovanie*, 20 (3), 24–37.

- Kolotilova, I. V. (2009). *Individual'no-psihologicheskie harakteristiki podrostkov, uvlechennyh rolevymi komp'yuternymi igrami*: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. Moscow.
- Rybakova, L. N. (2019). Medicinskaya reabilitaciya igromanii: opyt Germanii. *Voprosy narkologii*, 7 (178), 70–80.
- Rybaltoich, D. G. (2012). *Psihologicheskie osobennosti pol'zovatelej onlajn-igr s razlichnoj stepen'yu igrovoj addikcii*: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. Saint Petersburg.
- Soldatkin, V. A. (2010). *Kliniko-patogeneticheskoe sravnitel'noe issledovanie igrovoj i alkogol'noj zavisimosti*: avtoref. dis. ... dok. med. nauk. Moscow.
- Truhan, E. L., Ryzhkovskij, N. S. (2019). Vzaimosvyaz' emocional'nogo intellekta i uvlechennosti komp'yuternymi igrami u podrostkov. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: «Psihologiya»*, 1, 4–11. <https://doi.org/10.25513/2410-6364.2019.1.4-11>
- Ursu, A. V. (2012). *Sverhcnnoe uvlechenie komp'yuternymi igrami detej i podrostkov: rasprostranennost' i kliniko-psihopatologicheskie proyavleniya*: avtoref. dis. ... kand. med. nauk. Moscow.
- Fadeeva, S. V. (2010). Komp'yuternaya zavisimost' kak faktor riska razvitiya agressivnogo povedeniya u podrostkov. *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova*, 3, 250–257.
- Hoh, I. R., Halfina, R. R., Timerbulatov, I. F., Habibullina, I. R. (2021). Psihologicheskie osobennosti proyavleniya s igrovoj komp'yuternoj addikciej (kiberaddikciej) v zavisimosti ot gendera. *Vestnik psihofiziologii*, 4, 104–109. <https://doi.org/10.34985/b7488-7658-1473-c>
- Yang, K. S. (2000). Diagnost – internet-zavisimost'. *Mir Internet*, 2, 26–27.
- Evren, C., Dalbudak, E., Evren, B., & Demirci A.C. (2014). High risk of Inter-net addiction and its relationship with lifetime substance use, psychological and behavioral problems among 10(th) grade adolescents. *Psychiatr Danub*, 26 (4), 330–339.
- Ferguson, C. J. (2011). Video games and youth violence: A prospective analysis in adolescents. *Journal of Youth and Adolescence*, 40 (4), 377–391. <https://doi.org/10.1007/s10964-010-9610-x>
- Griffiths, M. D., Davies, M. N. O., & Chappell, D. (2004). Online computer gaming: A comparison of adolescent and adult gamers. *Journal of Adolescence*, 27 (1), 87–96. <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2003.10.007>
- Indrakanti, A., Chutake, M., Prouty, S., Sundaranatha, V., & Koverkathu, V. (2022). *Gadget Addiction*. URL: <https://scet.berkeley.edu/reports/gadget-addiction/> (дата обращения 13.02.2024).
- Rücker, J., Akre, C., Berchtold, A., & Suris, J. C. (2015). Problematic Internet use is associated with substance use in young adolescents. *Acta Paediatr.* 104 (5), 504–507.

Информация об авторе:

Людмила Николаевна Никитина – начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат психологических наук, доцент.

About the author:

Lyudmila N. Nikitina – Head of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines of the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, and. Sci. (Psy.), Associate Professor.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 22.02.2024; Одобрена после рецензирования 13.03.2024; Опубликовано 28.04.2024

Submitted February 22, 2024; Approved after reviewing March 13, 2024; Accepted April 28, 2024

УДК 159.9

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-1-85-92

Recidivists rehabilitation through interpersonal interaction

Bayarbaatar Puntsagsuren

Center for the Study of the Execution of Judicial Decisions of the Research Institute of the University of Internal Affairs of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia)

bayarbaatar405@gmail.com

ORCID: 0009-0006-2214-0057

Abstract

Introduction. The issues of re-socialization of individuals serving criminal punishment in Mongolian correctional institutions are discussed. The area of the research is the problem of reducing the number of repeat offenses due to interpersonal problems as well as interaction and communication skills of individuals being under criminal punishment. The subject of the study is to prove the importance of interpersonal interaction skills in counteracting recidivism. The statistics of repeated crimes in the Republic of Mongolia are described and social and psychological problems of this category of individuals are analyzed. Theoretical approaches to prevent recidivism are examined. The author states the necessity of empirical analysis of socio-psychological causes, including interpersonal interaction leading to recidivism. **The method of research** was sociological survey, and the technique is a questionnaire to study the skills of interpersonal interaction. **Results.** Interpersonal skills of 1.416 recidivists confined in open and closed regime prisons under the General Executive Agency of Court Decision were assessed by a special test, and the assessment results were analyzed using SPSS 26 software. Skills study revealed socio-psychological factors influencing repeated criminal behavior and offer practical recommendations to reduce the risk of recidivism. **Conclusion.** The findings of the study proves the need to conduct socio-psychological work with inmates to develop their interpersonal communication skills.

Keywords

inmate, preparation for release from prison, social work in prisons, inmate rehabilitation, rehabilitation and training

For citation: Puntsagsuren, B. (2024). Recidivists rehabilitation through interpersonal interaction. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (1), 85–92. doi: 10.35750/2713-0622-2024-1-85-92.

Реабилитация рецидивистов посредством формирования навыков межличностного взаимодействия

Баярбаатар Пунцагсурэн

Центр исследования исполнения судебных решений

Научно-исследовательского института Университета внутренних дел Монголии

(Улан-Батор, Монголия)

bayarbaatar405@gmail.com

ORCID: 0009-0006-2214-0057

Аннотация

Введение. Обсуждаются вопросы ресоциализации лиц, отбывающих уголовное наказание, связанное с лишением свободы, в исправительных учреждениях Монголии. Областью исследования выступает проблематика снижения количества повторных преступлений, связанная с межличностными проблемами и навыками взаимодействия и коммуникации лиц, подвергнутых уголовному наказанию. Предметом исследования является обоснование значения навыков межличностного взаимодействия в противодействии рецидивной преступности. Описывается статистика рецидивных преступлений в Республике Монголия, рассматриваются социальные и психологические проблемы данной категории лиц. Исследуются теоретические подходы к предупреждению рецидивной преступности. Делается вывод о необходимости эмпирического анализа социально-психологических причин, в том числе межличностного взаимодействия, побуждающих к рецидивным преступлениям. **Методом исследования** выступает социологический опрос, а методикой является анкета изучения навыков межличностного взаимодействия. **Результаты исследования.** Изучены межличностные навыки 1416 заключенных-рецидивистов, содержащихся в тюрьмах открытого и закрытого режимов при Главном исполнительном агентстве судебных решений Монголии. Навыки были оценены с помощью специального теста, а результаты оценки проанализированы с помощью статистической программы SPSS 26. Изучение навыков позволило выявить социально-психологические факторы, повлиявшие на повторное преступное поведение, сделать практические выводы и дать некоторые рекомендации по снижению риска рецидива. **Выводы** исследования обосновывают необходимость проведения с осужденными социально-психологической работы, нацеленной на формирование у них навыков межличностной коммуникации.

Ключевые слова

заключенный, подготовка к освобождению из тюрьмы, социальная работа в тюрьмах, реабилитация заключенного, реабилитация и обучение

Для цитирования: Пунцагсурэн, Б. (2024). Реабилитация рецидивистов посредством формирования навыков межличностного взаимодействия. *Российский девиантологический журнал*, 4 (1), 85–92. doi: 10.35750/2713-0622-2024-1-85-92.

Throughout our lives we engage in antisocial behavior in some way. A child crying to get what he wants by throwing a tantrum is an example of a unique behavior. Any children have sufficient aggressive and self-interest to gain success (Myagmar, 2016, p. 41).

Ironically, this behavior is not always well preserved in human memory, as approaching the transition to adulthood, we face with the absolute truth of living on equal terms with other people and society rather than our self-interest. However, for a small group of people, by continuing to commit anti-social

crimes repeatedly, they grow to be mature criminals or repeat offenders (Berghuis, 2018). Until now, humanity has been trembling in fear of the negative social phenomenon called crime, no less than natural disasters, and has made various attempts to protect human lives and materials properties from crimes (Munkh-Erdene, 2021, p. 38). At the same time, the attempt that is considered to be the most effective is to reintegrate a prisoner into society¹ within the framework of laws and legal acts.

In the history of imprisonment in Mongolia, multi-faceted measures have been implemented in the field of rehabilitation and education of criminals. After the People's Revolution, in August 1924, the third meeting of the People's Party of People's Republic of Mongolia tackled specific issues on improving the living conditions in prisons (Dashzeveg, 1976, pp. 37–39). Since this time, actions to integrate criminals back to social life began to be enforced in the terms such as, training prisoners, providing them with labour skills, correcting, rehabilitation and rehabilitation.

The main focus reflected in the concept of criminal liability² and sentencing policy within the framework of the currently effective legal regulation is aimed at preventing prisoners from re-offenses through punishment, rehabilitation and preparing them for release and to positively impact them (Altangerel, 2018, p. 130).

This concept was not created out of nothing. Many scholars and researchers had been studying and discussing about repeat offences (Fazel et al., 2023; Henriksen, Bengtsson, & Henriksen, 2024; Calderoni et al., 2024). Professor N. Jantsan defined that: "Recidivism or repeat offenses means that a person who had been convicted of a specific crime commits a new crime before the end of the conviction term". He stated that recidivism or re-offense is a clear manifestation of the behavior of a criminal, a reflection of persistent negative views and habits in one's consciousness, and it is a complex social and legal phenomenon (Jantsan, 2000, p. 149).

Doctor and professor N. Jantsan classified recidivism or reoffending as criminal law recidivism, criminological recidivism, and prison recidivism. However, prison recidivism is defined as serving two or more sentences in a prison. Criminological recidivism is defined as having committed two or more crimes and not having been convicted of any of them, while prison recidivism is defined as serving two or more sentences in a prison (Jantsan, 2000, p. 209).

Also, based on the number of times a offender has been convicted, the offender is classified as one time offender and repeat offender. One time offender is the one who committed a crime and convicted again after being convicted once before, while a multiple repeat offender is convicted three or more times by the court. It considered that the pattern of antisocial behavior of a repeat offender is quite persistent.

According to the 2022 survey of the Statistics and Analysis Department of the Penitentiary Service, the number of people who committed crimes and were convicted is increasing, and the number of people who commit repeat offense after being released from prison is not decreasing (Altangerel & Bayarbaatar, 2022, p. 112). The repeat offenders cover 52.6 percent of the total prisoners, of which 1,011 cases or 22.5 percent were 2nd time offenders, 548 or 13 percent were 3rd time offenders, and 805 or 17.9 percent were 4th or more than 10th time offenders. This statistics show that the repeat offense rate dominates the overall imprisonment number, which means that there is a demand to analyze this issue thoroughly.

Compared to a person who has committed crime once, a repeat offender deeply developed anti-social behavior; is self-centered; does not have a socially beneficial mission, and his or her personal

¹ Article 195.5 of the Mongolian Law on Enforcement of Court Decision defines "A prisoner is a convict who is serving a prison sentence".

² Article 5 of the Criminal Law 5.1-1 "The purpose of criminal liability is to restrain the person and legal entity who committed the crime, to restore the rights violated due to the crime, to compensate for the damage, to prevent the crime, and to rehabilitate the person who committed the crime".

interests and demand are fueled by negative attitudes and limited in scope; shows no respect towards legally protected values; and extremely irresponsible regarding his or her social commitments.

There is a consensus among the prison psychologists and social workers that many of these repeat offenders have weakly developed moral senses and communication skills, such as the ultimate life mission that is beneficial to society, resilience against obstacles and challenges, relentless perseverance and endurance.

It cannot be denied that as the criminal activities of repeat offenders continue to increase, their anti-social views and habits tend to strengthen, so the optimal legal regulation for the rehabilitation of prisoners who repeat crimes is one of the issues of today's society (Garritsen et al., 2024).

Rehabilitation and correctional education of prisoners is a complex issue that is implemented through intersection of law, psychology, pedagogy, and social work sciences (Berghuis, 2018). Therefore, more attention should be paid to reducing the negative effects of the criminal's behavior, cultivating a positive character in them, and shaping their mind into a law-abiding citizen using possibilities to use communication skills is a priority.

While the criminal imprisonment system plays a vital role in protecting society from crime, and that rehabilitation activities enable them to become a productive member of society. Based on this concept it is important to build a coalition unit that support the prison system.

The conventional nature of social work, which has been addressing a certain segment of society, such as a target groups or the groups at-risk group, needs to be broadened and changed. Scientific community concludes that as social work is a state and social service it should be accessible to all prisoners.

Since 2017, the concept of prisoner rehabilitation was first reflected in the legislative acts of Mongolia, and it was enacted to provide professional social work services aimed at supporting, empowering, and developing the prisoner's conscious participation in social relations, as well as the sense of law-abiding³.

However, when analyzing the results of prisoner rehabilitation works, not much progress has been made, and the fact that prisoners who have re-offended make up more than 50 percent of the total prison population is explained by the fact that when designing rehabilitation and specialized programs the individual behavior patterns and communication skills are not taken account or considered.

Recent study on repeat offenders showed that the majority of them are young people who are at the age of active learning about social relations, and aspiring to create material and spiritual wealth and achieve their goals.

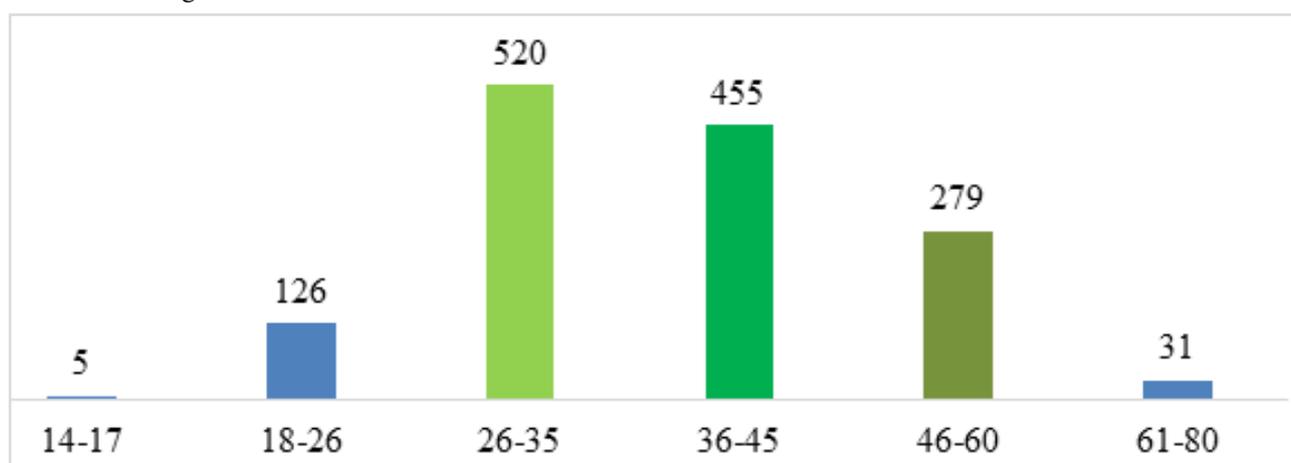

Fig. 1. Age structure of reoffenders

³ Articles 218 and 219 of the Law on Enforcement of Court Decision "rehabilitation work, form and organization of rehabilitation work".

Among the 1416 prisoners aged 14-80 who have reoffended, 61-81 years age group covers 2.2 percent, 14-17 years age group 0.4 percent or the least in percentage, and 26-35 years age group covers 36.7 percent or makes up the biggest population among the reoffenders. Further, above the age of 35, the intensity of reoffending rate decreases as age increases. It can be seen that biological age has the main effect on reoffending.

Criminologists have divided the age category of criminals into 3 stages based on age-related growth and development. It is divided as: childhood to adulthood, adolescence to and maturity, and old age. The study detected how age affects the behavior of starting to commit crime, reoffending and quitting crime (Zumberlham, 2022, p. 123).

The Law on the Execution of Court Decisions regulates that rehabilitation works for prisoners have to be organized in a different ways, taking into account the crime nature, personality and age features of prisoners, which was the first ever judicial framework the offers solutions to facilitate rehabilitation activities in more effective and differentiated ways.

According to the age classification of Mongolians and mental development theory by psychologist and psychoanalyst Erik Erikson (Ragelienė, 2016), the current age structure of the prisoners show that they reoffend during their prime years or at most important and decisive youth age, when they are supposed to work and engage in employment effectively.

Erik Erikson mentioned in his work that if a person is not properly guided at this prime age stage, he may develop a life-long attitude of cynicism, selfishness, and disrespect for others. In other words, they can grow up to be a chronic criminal who is inclined towards reoffending. During the research, the majority of the prisoners who reoffended expressed that they were psychologically unstable, weak, inconsistent, aggressive, had high alcohol consumption, had mental abnormalities in childhood, or had a domineering, neglectful, overly needy, indulgent, and overly caring upbringing in a family with a lack of love (Cauffman et al., 2023).

Thus, according to the results of the research, for the age group of 26-35-year-old reoffenders, rehabilitation activities should be aimed to improve communication skills, self-expression capabilities, team work and survival skill by combining the rehabilitation work with more creative and labor trainings. there is reason to believe that it is appropriate.

Rehabilitation work for relatively young people under the age of 26 should aim at ensuring their family stability, improving their livelihood competence, providing advices, preparing for change, influencing positively and supporting them.

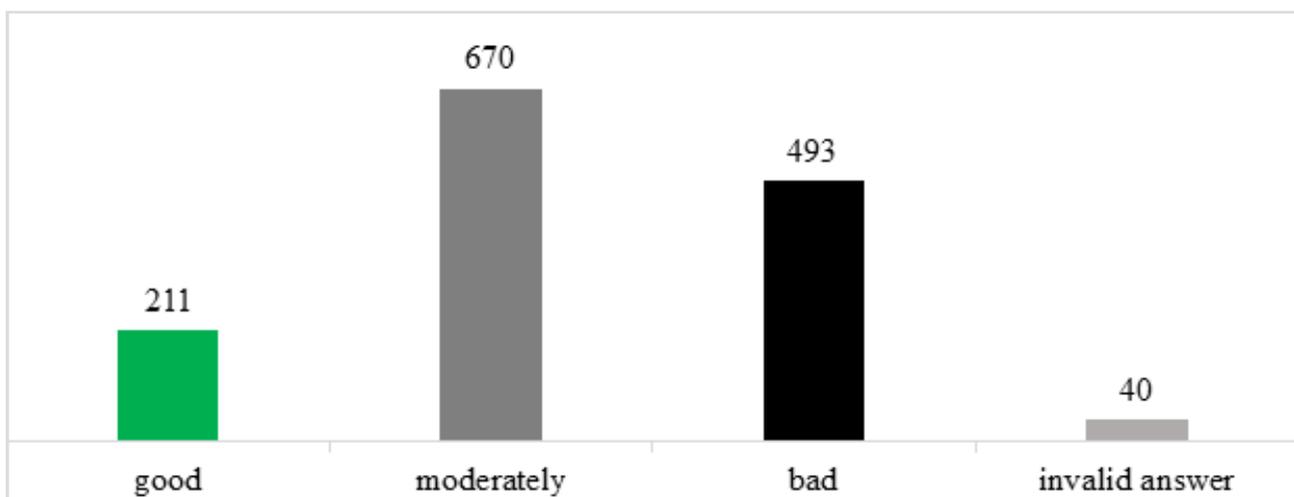

Fig 2. Level of communication skills of reoffenders

14.9 percent of the 1416 respondents or 211 had good communication and interpersonal skills, 47.3 percent or 670 need to pay attention on their communication skills, and 34.8 percent had poor communication skills, which shows that more than 80 percent of the respondents should concern about their interpersonal and communication skills.

Communication is a link between two or more parties to exchange information and influence each other, and is manifested through speech and actions.

Scientists conclude that 70-80 percent of success in a person's life depends on communication skills, and the abilities to manage oneself, live together with others, work in a community, and organize activities are directly related to human interpersonal skills. This shows prisoners' communication skills must be assessed before rehabilitation begins in order to ensure its effectiveness.

If the social worker or psychologist does not determine the communication skills of the prisoner, the prisoner will have more conflicts during communication with other people, his sense of life purpose and value will degrade or he will get used to prison, he will lose self-confidence or increase social fear, he will be indifferent to the thoughts and feelings of other people or their humane nature will decline, he will experience difficulty sharing feelings, or anxiety, which hinders rehabilitation activities.

It has a direct impact on a person's ability to become a good citizen of society, the effectiveness of prison sentences, and community support for rehabilitation activities.

According to the 2022 study of Mongolia's imprisonment system, it can be seen that the number of people who commit crimes and are convicted is increasing, and the number of reoffending by people who have been released from prison is not decreasing.

After analyzing these 1416 prisoners, 47.3 percent or 670 prisoners needed to pay attention to their communication skills, while 34.8 percent or 493 prisoners had poor communication skills, while 82.1 percent of tend to solve problems with their criminal habits and had a probability to commit crimes again.

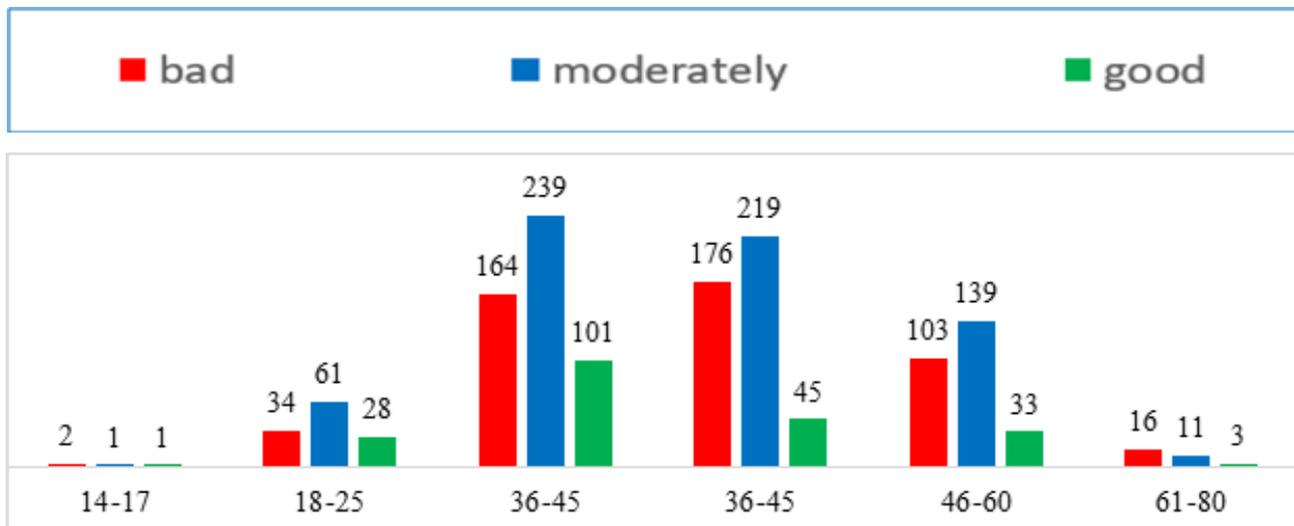

Fig 3. Indicators comparing prisoners' communication skills by age category

It was found that 50% of prisoners aged 14-17, 77.2% of age group 18-25, 79.5% of age group 36-45, 88% of of age group 46-60, and 90% of age group 61-80 had poor communication skills and needed more attention. As can be seen from the above indicators, as the age of the prisoner increases, the indicator that poor communication skills need attention increases. Because poor communication skills can be explained by years of living with recidivism as a lifestyle because someone didn't pay attention to fix it.

A detailed analysis of communication skills reveals that 78.6 percent have a poor ability to make themselves understood during communication, or tend to be awkward and confused, and 82.1 percent have poor listening skills and have lack of capacity to understand and analyze given information fully.

83.4 percent of the respondents have a low level of ability to express and accept opinions, which means that the prisoner has low self-confidence, optimism, and the ability to correctly solve the problems that arise, and 72.9 percent have a poor ability to cope with emotional reactions such as the four main emotions: happiness, fear, sadness, and anger.

Despite the fact that there are a fair amount of training and advocacy activities organized in the field of rehabilitation of prisoners and they reach a big number of prisoners, the rate of prisoners who commit crimes fail to decrease from 52.6 percent of the total number of prisoners. This is due to the lack of implementation of appropriate programs for communication skills (Orjiakor et al., 2017).

It's time to pay attention to the fact that social workers, psychologists, and non-governmental organization employees who organize rehabilitation services and training for prisoners are unprofessional and have no experience in providing professional services (Garritsen et al., 2024).

Therefore, within the scope of improving the quality and availability of training and rehabilitation services for prisoners, it is necessary to pay attention to the capacity building of social workers and psychologists to conduct research and analysis, to introduce programs and best practices designed for the personal development of experienced and qualified social workers into practical activities, to design rehabilitation level evaluation and scoring system to evaluate the prisoner's sociability, to decide whether to release the prisoner based on the results.

References

- Altangerel, B. (2018). *Exercising Prison Sentence*. Ulaanbaatar: University of Internal Affairs Mongolia.
- Altangerel, B., & Bayarbaatar, M. (2022). *Analysis on Rehabilitation Activities Carried Out in Prisons*. Ulaanbaatar: University of Internal Affairs Mongolia.
- Berghuis, M. (2018). Reentry Programs for Adult Male Offender Recidivism and Reintegration: A Systematic Review and Meta-Analysis. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 62 (14), 4655–4676. <https://doi.org/10.1177/0306624X18778448>
- Cauffman, E., Gillespie, M. L., Beardslee, J., Davis, F., Hernandez, M., & Williams, T. (2023). Adolescent Contact, Lasting Impact? Lessons Learned From Two Longitudinal Studies Spanning 20 Years of Developmental Science Research With Justice-System-Involved Youths. *Psychological Science in the Public Interest*, 24 (3), 133–161. <https://doi.org/10.1177/15291006231205173>
- Calderoni, F., Comunale, T., van der Geest, V., & Kleemans, E. R. (2024). Comparing the criminal careers of organized crime offenders in Italy and the Netherlands. *European Journal of Criminology*. <https://doi.org/10.1177/14773708241232980>
- Dashzeveg, B. (1976). *Pedagogical Aspect of Correctional Labour*. Ulaanbaatar: Court decision enforcement agency.
- Fazel, S., Burghart, M., Wolf, A., Whiting, D., & Yu, R. (2023). Effectiveness of Violence Prevention Interventions: Umbrella Review of Research in the General Population. *Trauma, Violence, & Abuse*, 25 (2), 1709–1718. <https://doi.org/10.1177/15248380231195880>
- Garritsen, K., Janković, M., Masthoff, E., Caluwé, E. D., & Bogaerts, S. (2024). The Role of Dynamic Risk and Protective Factors in Predicting Violent Recidivism: Intellectual Ability as a Possible Moderator? *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 68 (2-3), 207–234. <https://doi.org/10.1177/0306624X221079695>
- Henriksen, A. K., Bengtsson, T. T., & Henriksen, T. D. (2024). Crime Prevention, Support or Punishment? Introducing an Ambiguous System of Youth Justice in Denmark. *Youth Justice*. <https://doi.org/10.1177/14732254241239016>

- Jantsan, N. (2000). *Criminology*. Ulaanbaatar: Mongolian Police Academy.
- Mongolian Law on Enforcement of Court Decision defines*. (2017, 06.09.). Retrieved from: legalinfo.mn: <https://legalinfo.mn/mn/detail/12701>
- Munkh-Erdene, B. (2021). *Theory of Criminology Studies*. Ulaanbaatar.
- Myagmar, O. (2016). *Lectures on Human Development Psychologies*. Ulaanbaatar: Mongolian National University of Education.
- Orjiakor, C. T., Ugwu, D. I., Eze, J. E., Ugwu, L. I., Ibeagha, P. N., & Onu, D. U. (2017). Prolonged incarceration and prisoners' wellbeing: lived experiences of awaiting trial/pre-trial/remand prisoners in Nigeria. *International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-Being*, 12 (1). <https://doi.org/10.1080/17482631.2017.1395677>
- Ragelienė, T. (2016). Links of Adolescents Identity Development and Relationship with Peers: A Systematic Literature Review. *Journal of the Canadian Academy of Child and Adolescent Psychiatry = Journal de l'Académie canadienne de psychiatrie de l'enfant et de l'adolescent*, 25(2), 97–105.
- Zumberlham, D. (2022). *Theory of Criminology*. Ulaanbaatar.

About the author:

Bayarbaatar Puntsagsuren – Researcher and Doctorate student of the Center for the Study of the Execution of Judicial Decisions of the Research Institute of the University of Internal Affairs of Mongolia.

Информация об авторе:

Баярбаатар Пунцагсүрэн – научный сотрудник, аспирант Центра исследования исполнения судебных решений Научно-исследовательского института Университета внутренних дел Монголии.

The author declare no conflicts of interests.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Submitted March 12, 2024; **Approved after reviewing** March 29, 2024; **Accepted** April 28, 2024

Поступила в редакцию 12.03.2024; **Одобрена после рецензирования** 29.03.2024;
Опубликована 28.04.2024

Оригинальная статья

УДК 159.9.072

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-1-93-103

Использование приема «смена установки» при проведении специального психофизиологического исследования с применением полиграфа

Ирина Викторовна Усачева*

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

(Москва, Россия)

irina-u@yandex.ru

ORCID: 0009-0001-9740-484X

Игорь Александрович Паршутин

Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»

(Москва, Россия)

pari.76@mail.ru

ORCID: 0009-0004-6056-4446

Аннотация

Введение. В статье рассматриваются вопросы тактики проведения специального психофизиологического исследования с применением полиграфа при профессиональном психологическом отборе граждан, поступающих на службу в органы внутренних дел Российской Федерации. При использовании полиграфа в кадровой работе часто возникают ситуации, когда полиграфологу трудно принять решение о значимости выявленных реакций, так как они могут быть связаны не с наличием у обследуемого определенного фактора риска (девиантного поведения), препятствующего поступлению на службу в полицию, а с проявлением ситуативной тревожности, тяжело контролируемой кандидатом в ситуации, оцениваемой как стрессовая. Для решения данной проблемы и повышения достоверности результатов полиграфных проверок специалисты используют особую тактику «смены установки», которая позволяет сделать объективный вывод о значимости для обследуемого того или иного «фактора риска» с учетом его индивидуально-психологических особенностей. **Метод исследования.** Психофизиологический метод детекции лжи (полиграф) позволяет решить важные вопросы отбора в правоохранительные органы кандидатов на службу, у которых нет склонности к девиантному поведению, что в дальнейшем обеспечивает качество и эффективность профессиональной деятельности сотрудников полиции. **Результаты.** В рамках проведенного исследования показана возможность создания у обследуемого специальной установки, обеспечивающей возникновение реакции на ранее не значимый для него стимул, относящийся к какой-либо проверочной тематике. Выявлена эффективность тактики «смены установки», помогающей нейтрализовать «обвинительный уклон» полиграфной проверки при работе с обследуемыми тревожно-мнительного круга. Доказано, что использование тактики «смены установки» в процессе скрининговых проверок приводит к снижению ошибок первого рода («ложной тревоги») и обеспечивает достоверность результатов психофизиологического исследования с применением полиграфа.

* Автор стал жертвой террористического акта 22.03.2024 г. в «Крокус Сити Холле». Редакция и редакционная коллегия журнала выражает соболезнования родным и близким погибшей.

© Усачева И. В., Паршутин И. А., 2024

Ключевые слова

факторы риска, девиантное поведение, полиграф, достоверность полиграфных проверок, смена установки, психология служебной деятельности

Для цитирования: Усачева, И. В., Паршутин, И. А. (2024). Использование приема «смена установки» при проведении специального психофизиологического исследования с применением полиграфа. *Российский девиантологический журнал*, 4 (1), 93–103. doi: 10.35750/2713-0622-2024-1-93-103.

Original paper

The use of the “attitudechange” technique in conducting a special psychophysiological examination with application of polygraph

Irina V. Usacheva*

Moscow University of the MIA of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot
(Moscow, Russia)

irina-u@yandex.ru

ORCID: 0009-0001-9740-484X

Igor A. Parshutin

National Research Nuclear University MEPhI
(Moscow, Russia)

pari.76@mail.ru

ORCID: 0009-0004-6056-4446

Abstract

Introduction. The article considers the tactics issues of conducting special psychophysiological examination with application of polygraph during professional psychological selection of citizens entering the service in the internal affairs bodies of the Russian Federation. When using polygraph in personnel work, there are often situations when it is difficult for a polygraph examiner to make a decision about the significance of the reactions detected, as they may be associated not with the presence of a certain risk factor (deviant behavior) preventing the subject's entering the police service, but with the manifestation of situational anxiety, which is difficult for the candidate to control in the situation assessed as stressful. To solve this problem and increase the reliability of polygraph examination results, the specialists use “attitude change” technique that makes it possible to draw objective conclusion about the significance of a particular “risk factor” for the subject, taking into account his or her individual psychological characteristics. **Research Method.** Psychophysiological method of lie detection (polygraph) allows to solve important issues of candidates selection for service in law enforcement agencies who do not have a tendency to deviant behavior, which further ensures the quality and efficiency of professional activities of police officers. **Results.** Within the framework of the conducted research the possibility of creating special attitude in the subject, providing the emergence of reaction to a stimulus previously not significant for him/her, related to some test subject, was shown. The effectiveness of the “attitude change” technique use, which helps to neutralize the “accusatory bias” of the polygraph test when working with subjects of the anxious and suspicious circle, was revealed. It is proved that “attitude change” technique use in the process of screening checks leads to the reduction of errors of the first kind (“false alarm”) and provides reliability of the results of psychophysiological examination with application of polygraph.

* The author became a victim of a terrorist attack on March 22, 2024 at Crocus City Hall. Editorial team and the editorial board of the journal expresses condolences to the family and friends of the deceased.

Ключевые слова

risk factors, deviant behavior, polygraph, reliability of polygraph tests, attitude change, psychology of service activities

For citation: Usacheva, I. V., Parshutin, I. A. (2024). The use of the “attitudechange” technique in conducting a special psychophysiological examination with application of polygraph. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (1), 93–103. doi: 10.35750/2713-0622-2024-1-93-103.

Введение

Во всех развитых странах мира совершенствованию системы отбора, подготовки и дальнейшего «сопровождения» личного состава правоохранительных органов уделяется большое внимание. Общество всегда предъявляло высокие требования к профессиональным, интеллектуальным, морально-этическим и физическим качествам сотрудников органов охраны правопорядка (Дашко, Виноградов, Ульянина 2018). Актуальность работы обусловлена тем, что при проведении специального психофизиологического исследования (СФПИ) с использованием полиграфа, который в последние годы получает все большее применение как в оперативно-розыскной деятельности, так и в кадровой работе, появляется немало вопросов по поводу его эффективности (Пеленицын, Сошников, 2015). Особенно это касается тех случаев, когда возникает ложноположительная ошибка выводов исследования и у обследуемого признается наличие асоциального (девиантного) поведения в его индивидуальном опыте (биографии) в силу выраженности физиологических реакций, обусловленных фактором ситуативной тревожности. В связи с этим достоверность результатов СПФИ с применением полиграфа обеспечивается применением особой тактики «смены установки», которая позволяет сделать объективный вывод о значимости для обследуемого того или иного «фактора риска» с учетом его индивидуально-психологических особенностей.

Обзор литературы

До сих пор на проблеме применения полиграфа сосредоточено внимание многих деятелей отечественной и зарубежной науки. Вопрос касается не столько правовых или этических проблем использования данного технического средства, сколько его «популяризации». Многие противники применения данного метода используют этот аргумент, заявляя, что у полиграфа как у машины нет возможности определить истину или выявить ложь, так как он регистрирует физиологические показатели эмоциональной сферы личности. В связи с этим возникает вопрос «Возможно ли определить ложь? Или же полиграф определяет исключительно эмоции человека в ответ на тот или иной стимул?».

Сама по себе ложь относится исключительно к кругу морально-этических понятий, в то время как полиграф представляет собой «прибор, который призван зарегистрировать признаки эмоционального напряжения, обусловленные воспоминаниями об актуальных событиях» (Богаевский, Печенкова, 2016). Полиграф означает «многопишущий», что указывает на возможность записи информации, проходящей одновременно по нескольким каналам. По своей сути «полиграф — многоцелевой медико-биологический прибор, предназначенный для одновременной регистрации нескольких физиологических процессов, отражающих функционирование различных систем: внешнего дыхания, сердечно-сосудистой системы, нервной системы, поперечнополосатой мускулатуры, входящей в опорно-двигательную систему, и других» (Варламов, 1998).

Современное представление о полиграфе сводится к тому, что это «техническое (механическое, электронное или компьютеризованное) устройство, предназначенное для регистрации, наглядного отображения и, в отдельных случаях, анализа и оценки состояния путем измере-

ния одновременно нескольких физиологических показателей – дыхания, сердечно-сосудистой активности, потоотделения и некоторых других процессов, протекающих в организме человека» (Пеленицын, Сошников, 2015).

Таким образом, психофизиологическое состояние человека изменяется под воздействием различных причин (факторов), и эти внешние изменения психофизиологического состояния могут отслеживаться с помощью полиграфа. «Физиологическая реакция есть изменение, однако не каждое изменение есть реакция. То, что мы называем реакцией на стимул, на самом деле является всего лишь внешним отражением глубокого и сложного процесса изменения психофизиологического состояния организма под воздействием информации, содержащейся в этом стимуле, внешние признаки которого мы регистрируем с помощью полиграфа» (Пеленицын, Сошников, 2015).

Именно на основе эмоционального стресса, возникающего у лица, проявившего асоциальное поведение, и регистрируемых физиологических реакций в ходе проведения СПФИ построено применение полиграфа. Реакции, регистрируемые детектором лжи, будут тем выраженнее, чем, с одной стороны, выявляемая информация будет более значима для субъекта, а с другой стороны, чем больше будет попыток скрывать эту реакцию, что связано с формированием в центральной нервной системе застойных очагов возбуждения. Современные полиграфы позволяют точно установить зависимость органических функциональных изменений от эмоциональных состояний (Карпова, Кузнецов, 2012).

Термин «тактика» применительно к проведению полиграфных проверок используется для обозначения системы положений и рекомендаций по организации и определению оптимальной линии поведения некоего субъекта для достижения намеченной цели, как правило, в условиях выраженного или скрытого противоборства с другим субъектом¹.

Организационно-тактические особенности производства психофизиологического исследования решаются непосредственно при проведении собственно исследования, когда специалист или эксперт на основе специальных познаний самостоятельно решает поставленные перед ним вопросы. В этом случае применяемые специалистом (экспертом) тактические средства и приемы достижения результата, направленные на обеспечение должного качественного взаимодействия с обследуемым, формирование у него необходимой мотивации, преодоление явных или скрытых форм противодействия полиграфу и т. д., являются частью методики исследования с использованием полиграфа. Навык владения ими характеризует профессиональный уровень специалиста (эксперта) и во многом обеспечивает достоверность получаемых результатов. Поэтому вопросы тактики проведения собственно исследования относят к области специальных знаний и компетенции специалиста-полиграфолога.

Тесты при использовании тактики «смены установки» направлены на переключение внимания.

Этот прием, заключающийся в направленном перемещении стимулов между значимым и незначимым полями в области личностных смыслов сознания обследуемого, нацелен в первую очередь на нейтрализацию «обвинительного уклона» полиграфной проверки при работе с обследуемыми тревожно-мнительного типа.

Тактика «смены установки» хорошо себя зарекомендовала при проведении скрининговых проверок. Если в первых трех предъявлениях СПФИ у обследуемого наблюдается повышенная реакция на проверочный вопрос по какому-либо изучаемому «фактору риска» (теме обследования), то перед проведением четвертого и пятого предъявлений специалист-полиграфолог может использовать тактику «смены установки», которая позволяет снять сомнения в наличии у обследуемого «фактора риска». Для этого подбирается проверочный вопрос по теме

¹ Семенов, В. В., Иванов, Л. Н. (2008). *Правовые, тактические и методические аспекты использования полиграфа в уголовном судопроизводстве*: учебно-методическое пособие. Юрлитинформ.

СПФИ, на который в первых трех предъявлениях не было получено выраженных (значимых) реакций, и специально «накручивается» его значимость путем более подробного, детального и эмоционального его обсуждения перед началом регистрации физиологических показателей. Если после этого в четвертом предъявлении самая сильная реакция будет на проверочный вопрос по «накрученной» теме, можно сделать вывод, что тестируемый тревожный человек и среди тем обследования для него нет реально значимых. При этом реакция на проверочный вопрос по теме, которая вызвала сомнения/подозрения у полиграфолога, должна уменьшиться или вовсе исчезнуть. Если же реакция по этой теме все равно остается выше, чем на специально «накрученный» вопрос, то она признается значимой для тестируемого и с ним необходима дальнейшая работа².

Таким образом, при использовании тактики «смены установки» полиграфолог управляет вниманием, проверяя, как его переключение сохраняет или нивелирует выраженность реакции на проверочный вопрос.

Методология, методы и материалы исследования

Психофизиологическое исследование проводилось в соответствии с общепринятой схемой³:

- фоновая запись физиологических показателей обследуемого;
- стимуляционно-адаптирующий тест известного решения;
- многотемный скрининг по методике проверочных и нейтральных вопросов, направленный на выявление «факторов риска» (три предъявления до «смены установки», четвертое и пятое предъявления – после использования тактики «смены установки»);
- автоматический и экспертный анализ полученных данных обследования;
- сравнение результатов полиграфных проверок, проведенных с помощью исследуемых методик. Интерпретация полученных результатов. Формулировка основных выводов.

Скрининговые исследования включали вопросы по девяти «факторам риска». Каждый проверочный вопрос относился к одному «фактору риска». Контрольные и нейтральные вопросы местами не менялись. Проверочные вопросы менялись блоками.

Перед предъявлением скринингового теста подробно обсуждались все проверочные вопросы (Пв):

1. Участвовал ли обследуемый в незаконном обороте наркотических средств или психотропных веществ (Пв1).
2. Имел ли обследуемый противоправные контакты с лицами, имеющими неснятую или непогашенную судимость (Пв2).
3. Имел ли обследуемый отношение к незаконному обороту оружия (Пв3).
4. Участвовал ли обследуемый в деятельности запрещенных организаций, бандформирований (Пв4).
5. Совершал ли обследуемый уголовно наказуемые деяния (Пв5).
6. Скрыл или искажил обследуемый анкетные данные, сведения о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера (Пв6).
7. Поступает ли обследуемый на службу в интересах деятельности запрещенных общественных объединений, преступных и иных организаций (Пв7).
8. Играл ли испытуемый когда-либо в азартные игры на деньги (Пв8).
9. Злоупотреблял ли испытуемый служебным положением в личных целях (Пв9).

² Оглоблин, С. И., Молчанов, А. Ю. (2004). *Инструментальная «Детекция лжи» (проверка на полиграфе): академический курс*. Издательство «Нюанс».

³ Там же.

Цель исследования заключалась в изучении стратегии проведения психофизиологического исследования с применением полиграфа при выявлении «факторов риска» с использованием тактики «смены установки».

Исследование проводилось на базе Управления Росгвардии по Ростовской области с использованием полиграфа «Диана-07», в специально оборудованном для проведения ПФИ помещении, соответствующем требованиям и нормам.

В исследовании приняли участие десять кандидатов на службу. Однако анализу подверглись результаты четверых обследуемых, при работе с которыми была использована тактика «смены установки».

Порог значимой реакции был установлен на уровне 0,75. С каждым кандидатом был проведен многотемный скрининг. Если после трех предъявлений у испытуемого по какому-либо одному «фактору риска» порог значимости реакции составлял 0,75 и более, применялся прием «смены установки» – переключение внимания испытуемого на самый незначимый для него фактор во время четвертого и пятого предъявления.

Не всегда высокие показатели при автоматической обработке данных в трех предъявлениях являются первым признаком, или «звоночком», что человек обманывает. Это является своеобразным «колоколом» того, что человек сохраняет некое беспокойство. Данное беспокойство возможно диагностировать при помощи тактики «смены установки», то есть высокие значения реакций на проверочные вопросы (0,75 и более) могут не свидетельствовать о наличии «фактора риска», а быть связаны с тревогой человека, у которого сохраняется высокий фон тревоги. Человек, которому свойственны повышенная тревожность, озабоченность за свою репутацию, болезненная реакция на выдвигаемые обвинения, лучше всего сможет продемонстрировать и показать/доказать свою непричастность к «фактору риска» при помощи данной тактики.

Результаты исследования

Все результаты обследований испытуемых представлены в одной таблице, чтобы лучше увидеть положительный результат тактики «смены установки».

Таблица 1. Результаты проверочных вопросов на основе автоматической обработки в предъявлениях многотемного скрининга

Table 1. Results of test questions based on automatic processing in presentations of multi-topic screening

Группа обследуемых	Значимость Пв на основе автоматической обработки в предъявлениях многотемного скрининга				
	Пв	I – III предъявл.	IV предъявл.	V предъявл.	Σ = IV + V предъявл.
Обследуемый №1	Пв4	0,94*	0,38	0,38	0,58
	Пв6	0,81*	0,62	0,62	0,70
	Пв1	0,75*	0,81*	0,81*	0,98*
	Пв5 (смена установки)	0,3	0,81*	0,38	0,75*

Группа обследуемых	Значимость Пв на основе автоматической обработки в предъявлениях многолетнего скрининга				
	Пв	I – III предъявл.	IV предъявл.	V предъявл.	$\Sigma = IV + V$ предъявл.
Обследуемый №2	Пв6	0,98*	0,81*	0,62	0,94*
	Пв9	0,98*	0,62	0,19	0,70
	Пв5 (смена установки)	0,11	0,81*	0,81*	0,98*
Обследуемый №3	Пв1	0,81*	0,19	0,38	0,26
	Пв8 (смена установки)	0,02	0,62	0,38	0,75*
	Пв5 (смена установки)	0,02	0,19	0,19	0,14
Обследуемый №4	Пв5	0,76*	0,02	0,26	0,03
	Пв3	0,75*	0,61	0,02	0,13
	Пв2 (смена установки)	0,26	0,81*	0,43	0,77*

* уровень значимости реакции 0,75 и более

Обсуждение результатов исследования

Для обследуемого №1, выбирая из числа факторов риска вопрос, который оказался незначимым, была использована следующая формулировка тактики «смены установки»: *«Почти все нормально, Вы практически положительно прошли обследование. Только вот... Почему Вы скрываете информацию об уголовно наказуемых деяниях, совершенных Вами, и что связывает Вас с запрещенными организациями, в частности, Ваше участие в них?»*. Данный прием позволяет совершить перемещение смысла «незначимого» стимула (Пв5) в поле личностных смыслов сознания обследуемого.

Таким образом, обследуемый № 1 поместил новый стимул («накрученный» Пв5) в поле личностных смыслов, и этот стимул начал сопровождаться более выраженными реакциями. Однако проверочный стимул (вопрос), бывший ранее значимым, своей значимости не утратил и по-прежнему провоцировал выраженные физиологические реакции (Пв1). На основании этого можно сделать вывод о том, что данный «фактор риска» имеет «устойчивое положение» в биографии обследуемого № 1 – *участие в незаконном обороте наркотических средств или психотропных веществ*.

В отношении обследуемого № 2 перед четвертым и пятым предъявлениями была также использована тактика «смены установки». Внимание испытуемого было смещено на самый незначимый для него фактор (Пв5 – уголовно наказуемых деяний), переориентировав обследуемого с ложной тематики на то, что, предположительно, действительно важно для него.

Как видно из данных таблицы 1, проверочный стимул (Пв6), бывший ранее значимым, своей значимости не утратил и по-прежнему провоцировал выраженные физиологические реакции. При этом значимость стимула Пв9 (злоупотребление служебным положением) исчезла. На основании этого можно сделать вывод о том, что фактор *сокрытия или искажения анкетных данных, сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера* имеет «устойчивое положение» в биографии обследуемого № 2.

После трех предъявлений у обследуемого № 3 по фактору риска «Участие в незаконном обороте наркотических средств или психотропных веществ» (Пв1) значимость реакции составила более чем 0,75, а именно, 0,81. Самые незначительные факторы риска для обследуемого № 3 – «Совершение уголовно наказуемых деяний», значимость реакции для него – 0,2 (Пв5) и «Участие в азартных играх на деньги», значимость реакции – 0,11 (Пв8). В отношении «накрученного» вопроса Пв8 относительно участия в азартных играх на деньги значимость возросла с 0,02 до 0,75. При этом в отношении фактора участия в уголовно наказуемых деяниях реакция после эмоциональной «накрутки» не превысила порога значимости и составила 0,14. По-видимому, правило доминирующей темы обследования относится и к тактике «смены установок», при которой испытуемый из двух «нагруженных» факторов выбирает только один, имеющий доминирующую значимость (Алексеев и др., 2020). Что касается Пв1 («Участие в незаконном обороте наркотических средств или психотропных веществ»), полученные результаты обработки после 4-го и 5-го предъявлений показали снижение значимости данной темы.

Обследуемый № 4 после трех предъявлений обозначил два фактора риска с превышающим уровнем значимости – «Совершение уголовно наказуемых деяний» (Пв5) и «Отношение к незаконному обороту оружия» (Пв3). Самым незначимым фактором для него оказалось отношение с лицами из криминальной среды (Пв2), порог значимости реакции составил 0,26. Переключив (сместив) внимание испытуемого на самый незначимый для него фактор, было выявлено сглаживание реакций по двум проверяемым темам.

Анализ полиграмм осуществлялся также с использованием универсальной трехбалльной оценки. В полученных результатах двух систем обсчета расхождений выявлено не было.

Безусловно, выявленные у трех испытуемых после применения тактики смены установки факторы риска были детально изучены при помощи однотемного скрининга с вопросами управляемой лжи.

Выводы

В ходе исследования выяснилось, что прием тактики «смены установки» на примере скрининговой проверки может применяться для определения адекватности выраженного реагирования обследуемого на те или иные вопросы (отсев «ложноположительных» реакций) и облегчается наличием сравнительно большого числа проверочных стимулов, не находящихся (после первых предъявлений теста) в личностно значимом поле в сознании обследуемого.

В рамках исследования было показано, что не всегда высокие показатели при автоматической обработке данных в трех предъявлениях являются первым признаком, или «звоночком» того, что человек обманывает. Это является своеобразным «колоколом» того, что человек сохраняет некое беспокойство. И это беспокойство определяется при помощи тактики «смены установки».

В ходе исследования была предпринята попытка определенным образом структурировать процесс СПФИ и выработать определенный алгоритм его проведения с учетом психологических особенностей испытуемых.

Результаты проведенного нами исследования позволяют утверждать, что учет психологических особенностей испытуемого при организации и проведении скрининговой проверки с применением полиграфа повышает ее эффективность. Следует отметить, что данное утверждение справедливо не только по отношению к скрининговым проверкам, но и для других видов полиграфных проверок. Знание психологических особенностей «тревожного» обследуемого дает возможность спрогнозировать его поведение в тех или иных ситуациях, смоделировать поведение при решении практических задач. Полученные результаты исследования способствуют значительной оптимизации процедуры опроса с применением полиграфа. Это

также позволяет специалисту сократить собственные энергетические и временные затраты на определение характерологических особенностей обследуемого, сконцентрировав внимание на других моментах и нюансах, возникающих в ходе полиграфной проверки, и избежать попыток запутать или ввести себя в заблуждение.

Список литературы

- Айдинов, В. С., Белых-Силаев, Д. В. (2018). Тактика проведения психофизиологической экспертизы с применением полиграфа в отношении лиц с акцентуациями характера. *Юридическая психология*, 1, 23–29.
- Алексеев, Л. Г., Жирнов, С. И., Калабин, А. Ю., Королев, Е. Ю., Линьков, С. В., Митрофанов, В. В. (2020). *Скрининг персонала для полиграфолога*. Москва: ИПЦ «Маска».
- Белых-Силаев, Д. В. (2016). Полиграф как регистратор невербальной информации в юридически релевантной ситуации (к вопросу о научной обоснованности психофизиологического метода детекции лжи). *Юридическая психология*, 3, 28–35.
- Богаевский, В. А., Печенкова, Е. А. (2016). Правовое регулирование специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа. *Вестник Московского университета МВД России*, 6, 187–189.
- Варламов, В. А. (1998). *Детектор лжи*. Краснодар: Советская Кубань.
- Вахнина, В. В. (2007). Особенности психологического обеспечения при принятии кадровых решений в органах внутренних дел с использованием полиграфного комплекса. В *Актуальные проблемы специальных психофизиологических исследований и перспективы их использования в борьбе с преступностью и подборе кадров*: материалы VIII международной научно-практической конференции. Краснодар: Кубанский государственный технологический университет.
- Гамза, В. А., Холодный, Ю. И. (2008). Нужен ли банку «Детектор лжи». В *Полиграф в России: 1993–2008 гг.: ретроспективный сборник статей* (стр. 137–151). Москва: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана.
- Горюнова, Л. Н., Степанова, Н. А., Третьяков, В. П., Чикер, В. А. (2015). Психологические и социальные аспекты применения полиграфа при отборе кандидатов на государственную службу. В А. А. Обознов, А. Л. Журавлев (ред.), *Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики*: сборник статей (труды Института психологии РАН, выпуск 7, стр. 116–130). Москва: Институт психологии РАН.
- Дашко, М. Н., Виноградов, М. В., Ульянина, О. А. (2018). Организационные и правовые аспекты проведения специального психофизиологического исследования с применением полиграфа с кандидатами на службу в органы внутренних дел. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 2 (73), 84–91. <https://doi.org/10.24411/1999-6241-2018-12014>
- Карпова, С. Ю., Кузнецов, М. Л. (2012). Специальные психофизиологические исследования с применением полиграфа (СПФИ) в ЦПД при проведении профессионального психологического отбора в органах внутренних дел. В *Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии*: материалы семнадцатой всероссийской научно-методической конференции (Иркутск, 01 марта 2012 года, стр. 331–337). Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России.
- Мягких, Н. И. (2004). *Профессиональный психологический отбор в органах внутренних дел Российской Федерации: Концепция, принципы, критерии, технологии*: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.

- Пеленицын, А. Б., Сошников, А. П. (2015). *Современные технологии применения полиграфа: подробное руководство для полиграфологов-практиков: в 4 ч., Ч. 1.* Москва: Центр прикладной психофизиологии.
- Decicco, D. A. (2000). Police officer candidate assessment and selection. *FBI Law Enforcement Bulletin*, 69 (12).
- Krapohl, D. J., Stern, B. A., & Bronkema, Ya. (2013). Numerical Evaluation and Wise Decisions. *Polygraph*, 32 (1), 57–69.
- Dwyer, W. O., Prien, E. P., & Bernard, J. L. (1990). Psychological screening of law enforcement officers: A case for job relatedness. *Journal of Police Science and Administration*, 17 (3), 176–182.
- Gordon, N. (2011). Meta-Analytic Survey of Criterion Accuracy of Validated Polygraph Techniques. Report prepared for the American Polygraph Association Board of Directors (2010-2011). *Polygraph*, 40 (4), 193–205.
- Matte, J. A. (1996). *Forensic Psychophysiology Using the Polygraph*. New York: J.A.M. Publications.
- Saxe, L., & Ben-Shakhar, G. (1999). Admissibility of polygraph tests: The application of scientific standards post-Daubert. *Psychology, Public Policy, and Law*, 5 (1), 203–223. <https://doi.org/10.1037/1076-8971.5.1.203>

References

- Ajdinov, V. S., Belyh-Silaev, D. V. (2018). Taktika provedeniya psihofiziologicheskoy ekspertizy s primeneniem poligrafa v otnoshenii lic s akcentuatsiyami haraktera. *Yuridicheskaya psihologiya*, 1, 23–29.
- Alekseev, L. G., Zhirnov, S. I., Kalabin, A. Yu., Korolev, E. Yu., Lin'kov, S. V., Mitrofanov, V. V. (2020). *Skrining personala dlya poligrafologa*. Moscow: IPC «Maska».
- Belyh-Silaev, D. V. (2016). Poligraf kak registrator neverbal'noj informacii v yuridicheski relevantnoj situacii (k voprosu o nauchnoj obosnovannosti psihofiziologicheskogo metoda detekcii lzhi). *Yuridicheskaya psihologiya*, 3, 28–35.
- Bogaevskij, V. A., Pechenkova, E. A. (2026). Pravovoe regulirovanie special'nyh psihofiziologicheskikh issledovanij s primeneniem poligrafa. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 6, 187–189.
- Varlamov, V. A. (1998). *Detektor lzhi*. Krasnodar: Sovetskaya Kuban'.
- Vahnina, V. V. (2007). Osobennosti psihologicheskogo obespecheniya pri prinyatii kadrovyyh reshenij v organah vnutrennih del s ispol'zovaniem poligrafnoho kompleksa. V *Aktual'nye problemy special'nyh psihofiziologicheskikh issledovanij i perspektivy ih ispol'zovaniya v bor'be s prestupnost'yu i podbore kadrov: materialy VIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Krasnodar: Kubanskij gosudarstvennyj tekhnologicheskij universitet.
- Gamza, V. A., Holodnyj, Yu. I. (2008). Nuzhen li banku «Detektor lzhi». V *Poligraf v Rossii: 1993–2008 gg.: retrospektivnyj sbornik statej* (str. 137–151). Moscow: Izd-vo MGTU im. N. E. Baumana.
- Goryunova, L. N., Stepanova, N. A., Tret'yakov, V. P., Chiker, V. A. (2015). Psihologicheskie i social'nye aspekty primeneniya poligrafa pri otbore kandidatov na gosudarstvennyuyu sluzhbu. V A. A. Oboznov, A. L. Zhuravlev (red.), *Aktual'nye problemy psihologii truda, inzhenernoj psihologii i ergonomiki: sbornik statej* (trudy Instituta psihologii RAN, vypusk 7, str. 116–130). Moscow: Institut psihologii RAN.
- Dashko, M. N., Vinogradov, M. V., Ul'yanina, O. A. (2018). Organizacionnye i pravovye aspekty provedeniya special'nogo psihofiziologicheskogo issledovaniya s primeneniem poligrafa s kandidatami na sluzhbu v organy vnutrennih del. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah*, 2 (73), 84–91. <https://doi.org/10.24411/1999-6241-2018-12014>
- Karpova, S. Yu., Kuznecov, M. L. (2012). Special'nye psihofiziologicheskie issledovaniya s primeneniem poligrafa (SPFI) v CPD pri provedenii professional'nogo psihologicheskogo otbora v organah vnutrennih del. V *Podgotovka kadrov dlya silovyh struktur: sovremennyye napravleniya i obrazovatel'nye tekhnologii: materialy semnadcatoy vsrossijskoy nauchno-metodicheskoy*

- konferencii (Irkutsk, 01 marta 2012 goda, str. 331–337). Irkutsk: Vostochno-Sibirskij institut MVD Rossii.
- Myagkih, N. I. (2004). *Professional'nyj psihologicheskij otbor v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii: Konceptsiya, principy, kriterii, tekhnologii*: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Pelenicyn, A. B., Soshnikov, A. P. (2015). *Sovremennye tekhnologii primeneniya poligrafa: podrobnoe rukovodstvo dlya poligrafologov-praktikov: v 4 ch., CH. 1*. Moscow: Centr prikladnoj psihofiziologii.
- Decicco, D. A. (2000). Police officer candidate assessment and selection. *FBI Law Enforcement Bulletin*, 69 (12).
- Krapohl, D. J., Stern, B. A., & Bronkema, Ya. (2013). Numerical Evaluation and Wise Decisions. *Polygraph*, 32 (1), 57–69.
- Dwyer, W. O., Prien, E. P., & Bernard, J. L. (1990). Psychological screening of law enforcement officers: A case for job relatedness. *Journal of Police Science and Administration*, 17 (3), 176–182.
- Gordon, N. (2011). Meta-Analytic Survey of Criterion Accuracy of Validated Polygraph Techniques. Report prepared for the American Polygraph Association Board of Directors (2010-2011). *Polygraph*, 40 (4), 193–205.
- Matte, J. A. (1996). *Forensic Psychophysiology Using the Polygraph*. New York: J.A.M. Publications.
- Saxe, L., & Ben-Shakhar, G. (1999). Admissibility of polygraph tests: The application of scientific standards post-Daubert. *Psychology, Public Policy, and Law*, 5 (1), 203–223. <https://doi.org/10.1037/1076-8971.5.1.203>

Информация об авторах

Ирина Викторовна Усачева – старший преподаватель кафедры психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат психологических наук.

Игорь Александрович Паршутин – доцент кафедры психологии, социологии и антропологии Института фундаментальных проблем социо-гуманитарных наук Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», кандидат психологических наук, доцент.

About the authors:

Irina V. Usacheva – Senior Lecturer at the Department of Psychology, educational and scientific complex of psychology of service activities, Moscow University of the MIA of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot, Cand. Sci. (Psy.)

Igor A. Parshutin – Associate Professor at the Department of Psychology, Sociology and Anthropology, Institute of Fundamental Problems of Social Sciences and Humanities, Cand. Sci. (Psy.), Docent.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Authors' contribution

All authors made an equal contribution to the development of the research, the processing of its results and the writing an article. The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 06.03.2024; Одобрена после рецензирования 29.03.2024; Опубликовано 28.04.2024

Submitted March 06, 2024; Approved after reviewing March 29, 2024; Accepted April 28, 2024

УДК 159.9

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-1-104-116

Ценностно-смысловые предикторы успешности профессиональной деятельности сотрудников и военнослужащих Росгвардии

Алексей Анатольевич Утюганов

Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

utyuganovaa@rosgvard.ru

ORCID: 0000-0001-9641-7174

Лариса Валерьевна Фролова

Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

frolova@mail.ru

Аннотация

Введение. В статье анализируются особенности профессиональной деятельности сотрудников и военнослужащих Росгвардии, обосновывается ее ценностно-смысловое содержание. В этом контексте аргументируется значение ценностно-смысловых компонентов в структуре наиболее значимых профессиональных качеств сотрудников и военнослужащих силовых структур, определяющих эффективность их служебно-боевой деятельности. Акцентируется внимание на патриотическом воспитании как особом мировоззрении, представляющем собой глубоко осмысленное, конструктивное и позитивное отношение к традиционным ценностям, нормам, взглядам, идеалам, к истории и культуре своего этноса, народа, государства, а также на его непосредственном влиянии на формирование и развитие профессионально значимых компетенций и установок у представителей правоохранительных органов. Затрагиваются некоторые аспекты адаптации. **Методы исследования.** Основу исследования составили общенаучные методы. Широко применялся метод системного анализа различных сторон служебной деятельности представителей Росгвардии. Предметом отдельного анализа стала социально-психологическая и психолого-педагогическая диагностика преобладающих у них ценностно-смысловых ориентаций. **Результаты.** На основании проведенного исследования резюмируется, что осознание, внутреннее принятие и реализованность профессиональных ценностей являются предикторами профессиональной успешности сотрудников и военнослужащих Росгвардии и могут рассматриваться в качестве психологических критериев профессионального отбора.

Ключевые слова

военнослужащие и сотрудники Росгвардии, профессионально-важные качества, профессиональная успешность, ценностно-смысловые ориентации, духовность

Для цитирования: Утюганов, А. А., Фролова, Л. В. (2024). Ценностно-смысловые предикторы успешности профессиональной деятельности сотрудников и военнослужащих Росгвардии. *Российский девиантологический журнал*, 4 (1), 104–116. doi: 10.35750/2713-0622-2024-1-104-116.

Original paper

Axiological predictors of the success of professional activities of employees and officers of the Russian Federal Guard Service

Alexey A. Utyuganov

Saint Petersburg Military Order of Zhukov Institute
of the National Guard Troops of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)
utyuganovaa@rosgvard.ru

ORCID: 0000-0001-9641-7174**Larisa V. Frolova**

Saint Petersburg Military Order of Zhukov Institute
of the National Guard Troops of the Russian Federation, (Saint Petersburg, Russia)
frolova@mail.ru

Abstract

Introduction. The article deals with the analysis of the peculiarities of the professional activity of employees and officers of the Russian Federal Guard Service and substantiates its axiological content. In this context the importance of axiological components in the structure of the most significant professional qualities of employees and officers of power structures, which determine the effectiveness of their service and combat activity, is argued. The article focuses on patriotic education as a special worldview, which is a deeply meaningful, constructive and positive attitude to traditional values, norms, views, ideals, history and culture of the ethnic group, nation, state, as well as on its direct influence on the formation and development of professionally significant competences and attitudes in representatives of law enforcement agencies. Some aspects of adaptation are touched upon. **Research methods.** The research was based on general scientific methods. The method of systematic analysis of various aspects of service activities of the Russian Federal Guard Service representatives was widely used. The subject of a separate analysis was socio-psychological and psychological and pedagogical diagnostics of their dominant value-sense orientations. **Results.** The authors summarise that awareness, internal acceptance and realisation of professional values are predictors of professional success of employees and officers of the Russian Federal Guard Service and can be considered as psychological criteria of professional selection.

Keywords

employees and officers of the Russian Federal Guard Service, professionally important qualities, professional success, axiological orientations, spirituality

For citation: Utyuganov, A. A., Frolova, L. V. (2024). Axiological predictors of the success of professional activities of employees and officers of the Russian Federal Guard Service. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (1), 104–116. doi: 10.35750/2713-0622-2024-1-104-116.

Введение

Вопросам формирования устойчивых ценностно-смысловых ориентаций у сотрудников и военнослужащих со стороны отечественных психологов и педагогов, руководителей силовых структур, общественности традиционно уделяется большое внимание. При этом заметен рост числа публикаций, непосредственно связанных с данной проблематикой, который обозначился в научной и публицистической литературе, в средствах массовой информации, в социальных сетях после начала специальной военной операции (Утюганов, Бакин, 2022, с. 104; Родин, Марьясис, 2023, с. 301). Граждане страны сплотились вокруг президента и правительства, силовых структур, усилили поддержку соотечественников из новых регионов

Российской Федерации. Однако смертельная борьба за великую и неделимую Россию происходит не только на внешних рубежах. Враг ведет активную подрывную деятельность внутри страны. Речь идет об идеологических диверсиях, терактах, сборе разведанных, саботаже, коррупции, содействии националистическим движениям. Противостоят им сотрудники и военнослужащие силовых структур. Ситуация складывается таким образом, что от степени духовности, нравственности и патриотизма военнослужащих и сотрудников, решивших посвятить свою жизнь защите правопорядка, прав и свобод граждан Российской Федерации, зависит наше будущее, наш суверенитет. Об этом, в частности, неоднократно заявлял в своих выступлениях глава государства Владимир Владимирович Путин¹.

Известный российский ученый-правовед и педагог, профессор В. П. Сальников писал, что в широком смысле правоохранительная деятельность является порождением общественного сознания, в узком – она является обязательным атрибутом правовой жизни общества и государства, следствием развития и взаимодействия субъектов права. В то же время сущность правоохранительной деятельности определяется как социально-биологической природой самого человека, так и законами социальной реальности, в которой он существует. Автор считает, что правоохранительную деятельность нередко отождествляют с усилиями государства по обеспечению и охране тех конкретных прав и свобод граждан, которые оформлены и закреплены в действующем законодательстве (Гуцериев и др., 2000, с. 33, с. 38–44).

Спектр функциональных обязанностей сотрудников и военнослужащих Росгвардии весьма широк и специфичен. Характерным признаком их деятельности является ее социальная направленность. Кроме того, эта деятельность жестко регламентирована соответствующими нормативными правовыми актами. Сотрудники и военнослужащие должны обладать глубокими познаниями в юриспруденции, психологии, педагогике, а также профессиональными умениями и навыками в служебной-боевой деятельности. При этом чрезвычайно важно наличие у данной категории лиц когнитивных способностей. Но и это еще не все, так как сотрудникам и военнослужащим необходимы аналитический склад мышления и потребность в интеллектуальном росте, в самосовершенствовании (Цветков, Хрусталева, 2023, с. 302–305; Усачева, 2023, с. 311–312; Тюлина, 2022, с. 57).

Существенная роль в процессе профессионального становления сотрудников силовых структур отводится укреплению моральных качеств, формированию патриотического настроения (Утюганов, 2021, с. 94–111; Косинский, Черноусов, 2022, с. 152–156). Целесообразно уточнить, что нравственные установки, этические принципы, культурные традиции, особенности воспитания – все это является мировоззренческим базисом правоохранителей. Именно он определяет эффективность функционирования «центра принятия решений». В свою очередь, иерархия ценностей влияет на состояние мотивационной сферы личности, управляет всей системой поведенческой активности человека, позволяет в нужном (конструктивном) ключе рассматривать и решать оперативные, нормативно-оценочные, коммуникативные и т.д. задачи (Сухоруков, 2022, с. 70–72; Жук, Сальников, 2023, с. 164; Котенева, Этриванова, 2022, с. 28–29; Кубышко и др., 2022, с. 67–68).

Анализ соответствующих литературных источников, а также собственный педагогический опыт свидетельствуют о том, что в ведомственных вузах МВД России в последние годы уделяется самое пристальное внимание аксиологической (и, соответственно, деонтологической) проблематике. Более того, можно констатировать, что сегодня духовное, нравственное, эсте-

¹ Заседание коллегии ФСБ России (2023, 28 февраля). *Kremlin.ru* URL.: <http://kremlin.ru/events/president/news/70597> (дата обращения 01 сентября 2023); Обращение президента РФ Владимира Путина. Самим определять свою судьбу (2022). *Российская газета*, 213 (8861).

тическое воспитание курсантов по своей значимости стоит в одном ряду со специальными дисциплинами (Маслодудова, 2021, с. 74–78; Печерский, 2023, с. 55–57; Душкин, Юренкова, 2022, с. 494–495).

Однако, несмотря на значительную проработанность теоретико-методологических вопросов, касающихся формирования профессионализма сотрудников правоохранительных органов, сохраняется потребность в решении кадрово-управленческих задач (в первую очередь связанных с повышением качества профессионального отбора, психолого-педагогической и этической диагностики кандидатов, поступающих на службу).

И, наконец, переходя к основной части нашего исследования, важно уточнить, что решение обозначенной проблемы требует соблюдения принципов системного анализа различных сторон служебной деятельности. Не менее значимую роль играет и приверженность авторов статьи идеям классиков отечественной психологии – К. А. Абульхановой-Славской, Б. Г. Ананьева, А. Н. Леонтьева и других, в частности, ориентация на концепцию о человеческой деятельности, как основу общего психического, этического и профессионального развития.

Результаты

По мнению ряда авторов, наличие структурированного морального сознания, являющегося частью гуманистического, у курсантов старших курсов и недавних выпускников ведомственных вузов свидетельствует о сформированности интернализированной системы ценностей (которая проявляется на мировоззренческом уровне). Именно эта система выступает интегральным предиктором успешности учебной и профессиональной деятельности молодых людей, активно стремящихся к личностному и карьерному росту (Терехова и др., 2022, с. 111–112; Мантуров, 2022, с. 14–15; Каннунников, Савич, 2023, с. 80–82).

Представляется, что в данном случае речь идет не только о наличии системы ценностно-смысловых ориентаций личности как таковой, но и ее содержательном, качественном наполнении, а точнее – о жизненно-важных приоритетах правоохранителей, к которым относятся этические принципы (установки), соответствующие задачам и направленности их деятельности. Интересно отметить, что ранее нами были выделены и изучены ценности, являющиеся профессионально значимыми для офицеров национальной гвардии: патриотизм и преданность Отечеству; обеспечение безопасности государства и общества; защита прав и свобод граждан; соблюдение норм права и законности; верность присяге и воинскому долгу; воинское товарищество и готовность к взаимопомощи; ответственность за жизнь подчиненных; толерантность к этнокультурным различиям (Утюганов, Фролова, 2022). Кроме того, в результате проведенного исследования удалось подтвердить тезис о том, что глубокое осознание военнослужащими данных «ценностей-целей» является важнейшим шагом на пути построения ими собственной (устойчивой и конструктивной) системы ценностно-смысловых ориентаций. Ни о каком профессионализме не может быть и речи, если человек не достиг нравственно-эстетической зрелости. Чувство долга, голос совести («веление сердца»), любовь к Родине, культура поведения являются стержневыми характеристиками «идеальной модели» личности сотрудника правоохранительных органов.

Таким образом, наиболее значимый психологический настрой сотрудников правоохранительных органов должен проявляться в их активном стремлении к участию в духовной жизни нашей страны, сопричастности к ее культуре, чаяниям и надеждам сограждан. Люди, призванные охранять закон, должны чувствовать личную ответственность за судьбу своего народа, своих близких. В осознании этой ответственности лежит понимание того, что служебная деятельность – это не только служебный долг, но и одна из основ стремления к передаче жизненного опыта, моральных принципов, навыков и умений коллегам, ученикам, собственным детям

и т.д. Данные устремления обязательно подкрепляются положительными эмоциями – человек получает радость от того, что приносит пользу окружающим и оставляет свой след в истории (Бакин, 2022, с. 105–106; Канунников, 2021, с. 27–28; Рожков, Юренкова, 2022, с. 229–230).

Сущность личности раскрывается в ее поступках, которые продиктованы мотивами, обусловленными ценностным отношением человека к действительности, сугубо прагматическими потребностями, когнитивными свойствами и опытом познания окружающей действительности. При этом важно помнить, что сознательно усвоенные в раннем возрасте этические установки могут распространяться и на глубинный уровень психического автоматизма. В результате, находясь в экстремальной ситуации, человек совершает яркий, благородный поступок и т.д., а возможно, даже подвергает свою собственную жизнь опасности – причем все это делается как бы спонтанно, но на самом деле альтруизм (в широком понимании) базируется на мощном нравственном фундаменте, созданном благодаря воспитанию (Стрельникова, Гончарова, 2023, с. 27–28; Буслаева, Власова, 2023, с. 2–4; Пухарева, Рудин, 2023, с. 49–50).

Внутренняя убежденность в необходимости творить добро (отстаивая интересы своей страны, своего народа, общечеловеческие ценности), а также способность ощущать четкую грань между сущим и должным позволяют человеку пройти сквозь горнило самых страшных испытаний, сохранить верность высшим идеалам.

Особое место в народной памяти занимают люди, отдавшие свои жизни ради великой цели – защиты нашей Родины, они – часть нашего генетического кода. Когда речь заходит о беспримерном мужестве и самопожертвовании, на ум сразу же приходят защитники Брестской крепости, блокадного Ленинграда и Сталинграда, герои Донецка и Луганска, военнослужащие Росгвардии и Российской армии, развенчавшие миф о всемогуществе натовского оружия.

Ценностно-целевые установки сотрудников влияют на их адаптацию к условиям службы. Дело в том, что основы успеха и профессионального долголетия будущих правоохранителей закладываются на первоначальных этапах обучения, хотя, безусловно, решение подобной задачи в значительной мере зависит от самой личности. Поддержание оптимального морально-психологического уровня, физического и психического здоровья человека – все это включено в профессиональную подготовку, в результате которой у человека формируются выносливость, приспособляемость организма (в широком смысле), сбалансированность процессов центральной нервной системы, овладение приемами психосоматической регуляции (аутотренинга), значительно повышаются интеллектуальные возможности. В современной литературе выделяют: 1) социальную адаптацию, отражающую способность личности интегрироваться в общество, выстраивать конструктивные отношения, взаимодействовать с окружающими; 2) профессиональную адаптацию, «предопределяющую» особенности вхождения человека в профессию, в коллектив и т.д.; 3) медико-биологическую адаптацию, которая расценивается специалистами как врожденное свойство биологических систем организма приспосабливаться к принципиально новым условиям (Чихачев, 2013, с. 269–272).

Многочисленные исследования российских ученых демонстрируют, что устойчивая система ценностных ориентаций позволяет сотрудникам силовых ведомств успешно адаптироваться к требованиям профессии, активно овладевать специфическими навыками и усваивать этические нормы поведения, необходимые для выполнения профессиональных функций. Адаптация (социальная, профессиональная и т.д.) приводит к изменению стереотипов поведения, «выравниванию» некоторых ценностных ориентаций. Она обеспечивает «вживание» в коллектив, приобщение к содержанию служебной деятельности, непосредственным обязанностям, условиям службы, характеру взаимоотношений и к сложившимся в данном подразделении традициям (Киселев, 2023, с. 34; Дорфман и др., 2020, с. 351; Константинов, Дьяков, 2015, с. 482–483).

Профессии, непосредственно связанные с правоохранительной деятельностью относятся к числу опасных, поскольку они характеризуются наличием двух типов условий, с высокой степенью вероятности вызывающих различные формы психической дезадаптации. Первый тип обусловлен ежедневным, напряженным функционированием сотрудников (нахождением в тревожной и крайне опасной обстановке); второй тип связан с наличием часто повторяющихся экстремальных ситуаций, инцидентов, при которых сотрудник сталкивается с человеческими жертвами, страданиями, материальными потерями, с реальной опасностью для своей жизни и здоровья. Как показывает практика, опасность может заключаться не только в самой ситуации, но и в неспособности человека мобилизоваться, принять единственно верное решение. Разумеется, каждый подобный случай является предметом тщательного анализа. И, как показывают материалы служебных расследований, в основе чрезвычайных происшествий с личным составом (а фактически, допущенных во время выполнения сотрудниками служебных и боевых задач ошибок) лежат слабая подготовленность (а порой откровенная некомпетентность), низкие моральные и волевые качества. Но нередко фиксируется и такое явление, как дезадаптация в виде стойкой невротической симптоматики или синдрома эмоционального выгорания (Гладких, 2022, с. 82–83; Иванов и др., 2020, с. 440–444).

Мы умышленно не рассматриваем профессиональную деформацию, так как подобный феномен заслуживает отдельного, более углубленного изучения с упором на достижения современной девиантологии и клинической психологии (особенно, если речь идет об «измененных», безнравственных и психопатизированных субъектах, аддиктивных личностях и т.д.). Остановимся лишь на весьма полезных наблюдениях, сделанных петербургским криминологом И. Л. Третьяковым, который констатирует, что у успешных, хорошо адаптированных сотрудников правоохранительных органов преобладают интернальный локус контроля и конструктивное целеполагание, жизнеутверждающие стратегии, стремление к сотрудничеству, оптимистичные планы на будущее, в то время как у лиц с признаками профессиональной деформации (в основном это были кандидаты на увольнение, имеющие более трех взысканий за последние 12 месяцев) все складывалось «с точностью до наоборот». Проблемные сотрудники не только отрицательно характеризовались своими непосредственными начальниками, но и подвергались остракизму со стороны коллег. У данной категории лиц (отнесенных штатными психологами к так называемой группе риска) особенно отчетливо проявлялись деструктивные установки, «саморазрушающие» стереотипы поведения, примитивные потребности. Имела место особая мировоззренческая система, состоящая из асоциальных и откровенно криминогенных «ценностей-клише». Четко прослеживалось отсутствие таких жизненных приоритетов, как стремление к самопознанию, самоорганизации, активному саморазвитию. Был выражен экстернальный локус контроля (то есть участники эксперимента с признаками профессиональной деформации во всех своих неудачах обвиняли исключительно окружающих). Кроме того, психологам удалось зафиксировать высокую агрессивность и аффективную неустойчивость респондентов (с преобладанием негативных эмоций, пониженного фона настроения). Каждый третий проблемный сотрудник страдал интернет-зависимостью (преимущественно это проявлялось в неконтролируемом стремлении к участию в азартных играх). Более 60 % сообщили, что обязательным атрибутом их досуга и отдыха является алкоголь, служащий средством преодоления отчуждения, скуки, коммуникативных барьеров. Респонденты употребляли крепкие спиртные напитки чаще трех раз в неделю, а каждый четвертый проблемный сотрудник – ежедневно. Интервьюированные отличались склонностью к лживости и фантазированию, в разговоре они стремились приписывать себе мифические достижения, демонстрируя незрелость, эгоизм, черты истеричности, безответственности и некритичности. Признаки выгорания были выявлены у каждого четвертого проблемного сотрудников (Tretuyakov, 2022, с. 218–220).

Сказанное профессором И. Л. Третьяковым позволяет сделать вывод, что эмоциональное выгорание несет в себе угрозу жизни, здоровью и профессиональной культуре сотрудников силовых структур. Опустошение психики сопровождается фрустрационными переживаниями и обострением накопившихся противоречий. Хронические психотравмирующие стресс-факторы на протяжении длительного времени существенным образом искажают видение субъектом реального положения дел. Восприятие социально-психологической ситуации на данный момент (как и осознание ближайшего будущего) становится поверхностным, фрагментарным, не вполне адекватным. В то же время стойкие, адаптивные стратегии копинг-поведения являются результатом глубоко мотивированных эмоционально-волевых усилий сотрудников, которым присущ интернальный локус-контроля. Поведенческий стиль успешных сотрудников характеризуется когнитивным подходом к преодолению трудностей, межличностных противоречий, использованием тактических приемов в виде сотрудничества, взаимодействия, разумного компромисса.

При всём разнообразии психотравмирующих реакций в этиологии и патогенезе следующих за ними невротических расстройств имеются общие черты. Как показывает практика, в возникновении эмоционального срыва большую, а иногда и решающую роль играют чрезмерно интенсивные (уровень интенсивности строго индивидуален), продолжительные по времени воздействия. Это означает, что изучение принципов профилактики стрессорных повреждений центральной нервной системы (ЦНС) составляет обязательный этап в решении ключевой проблемы современной психологии профессиональной деятельности (а также психогигиены и психосоматической медицины в целом) – проблемы повышения резистентности здорового организма и предупреждения выгорания. Именно психолог должен помочь каждому конкретному сотруднику правоохранительных органов осознать, что любой организм обладает эффективными механизмами, обеспечивающими совершенную адаптацию к стрессорным воздействиям (главное – следовать рекомендациям специалистов, верить в свои собственные силы, правильно их распределять, не противоречить здравому смыслу, не выходить за рамки дозволенного). Адаптационная реакция может быть: кратковременной (скоротечной), долговременной и пролонгированной. В первом случае ответ ЦНС «происходит» на пределе психофизиологических возможностей, и ответ этот – «несовершенен». То есть ответ может проявляться в виде паники, ступора, бегства или напротив – агрессии, но агрессии спонтанной, хаотичной, которая свидетельствует о слабости, неподготовленности человека к действиям раздражителя. Вторая и третья реакции формируются постепенно, условно говоря, в процессе накопления конструктивной информации, тренировок, изменений организма (в виде обретения новых качеств). В результате психологи наблюдают полноценную адаптацию, обеспечивающую высочайшую эффективность в тяжелейших условиях. Сложная, устойчивая и долговременная адаптация значительно расширяет свободу поведения за счет возникновения и постоянного обновления в головном мозге развивающихся ассоциативных связей и их гибкой реализации в обычной жизни.

Несомненный практический интерес представляет социально-психологическая и психолого-педагогическая диагностика ценностно-смысловых ориентаций сотрудников правоохранительных органов. Объективная оценка моральных качеств и наиболее характерных особенностей смысловой сферы обследуемых достигается за счет использования надежного, апробированного инструментария. Кроме того, диагностика предполагает анализ биографических данных, результатов ранее проведенных обследований, служебной характеристики. Основной акцент делается на раскрытии мотивационной направленности личности, ее интересах, планах на будущее. Устанавливается степень развитости когнитивных функций. Подробно описывается состояние мыслительной и эмоционально-волевой сферы. Выстраивается

вероятный прогноз дальнейшей служебной деятельности сотрудника, даются соответствующие рекомендации. По нашим наблюдениям, целесообразно использовать «батарею» психологических тестов, однако подбирать инструментарий следует продуманно, деликатно, не перегружая обследуемых.

Приближаясь к заключительной части исследования, имеет смысл затронуть и философский аспект проблемы. Дело в том, что «ценность» является одной из важнейших понятийных универсалий философских дискурсов. С учетом глобальных изменений, происходящих в мире, широкомасштабного внедрения в повседневную жизнь современных технологий, всеобщей цифровизации и информатизации (Кузнецов, 2023, с. 15) мы вынуждены реагировать на многочисленные внешние и внутренние угрозы. Требуется не только политическое, но и философское осмысление реалий современности. К сожалению, в российском обществе продолжают функционировать симулякры, сложившиеся в 1990-х – начале 2000-х гг., манипулятивные образцы западной псевдодемократии, разного рода иностранные агенты, занимающиеся производством фейков и распространением клеветнических измышлений о ходе специальной военной операции, о руководстве страны.

Ученым еще предстоит разработать концепцию культуры и универсальной коммуникации современного российского общества, Русского мира в целом, многополярного конгломерата стран Евразии, Африки и Латинской Америки. Тем не менее, несмотря на определенный прогресс (мы имеем в виду качественные подвижки на идеологическом фронте), в интеллектуальном пространстве остается еще немало белых пятен. Трудности коренятся в двуединой природе философского сознания, которое (условно говоря) имеет два полюса или две точки притяжения. Первая точка, или лучше сказать, область – это сам человек, а вторая – окружающая его социальная реальность во всем своем многообразии, противоречивая и изменчивая. Важно, чтобы философы смогли сохранить равнозначность мира и человека, причем равнозначность, которая будет проявляться в их взаимозависимости. Должен быть сформулирован и обоснован особый тип рациональности, базирующийся на духовности и нравственности (иными словами, что безнравственно – то иррационально, деструктивно и губительно). Кроме того, хотелось бы озадачить философов (особенно тех, кто специализируется на актуальных проблемах развития аксиологии в информационном обществе) заняться детальной проработкой вопросов, касающихся специфики философских знаний в сфере правоохранительной деятельности.

Заключение

Таким образом, глубоко осознанная личностью система ценностно-смысловых установок (в т. ч. духовных, нравственных ориентиров) является важнейшим интегрирующим началом во всей иерархической структуре ПВК сотрудников правоохранительных органов. Именно такая мировоззренческая конструкция обеспечивает смысловое единство позитивных жизненных устремлений человека и целей его профессиональной деятельности, определяет мотивационную готовность к саморазвитию и, наконец, итоговую эффективность. В связи с этим высокий уровень культуры, правосознания, этического воспитания, патриотической настрой и т.д. могут рассматриваться в качестве предикторов профессиональной успешности сотрудников правоохранительных органов и, соответственно, учитываться в рамках профессионально-психологического отбора, при аттестации на вышестоящую должность.

Наличие экстремальных, психотравмирующих факторов является сопутствующим, а в ряде случаев неотъемлемым условием правоохранительной деятельности, что обуславливает важность формирования психологической и психофизиологической устойчивости (за счет роста качественного адаптационного потенциала и усиления активности внутренних резервов)

у курсантов ведомственных вузов МВД России и молодых офицеров, сотрудников силовых структур. Поведенческие паттерны, свойственные данной категории лиц и продиктованные ценностно-смысловыми установками, следует рассматривать и как профессионально важные качества сотрудников правоохранительных органов, и как глубоко личностные детерминанты эффективности, которые способны нейтрализовать возможные проявления дезадаптации, дезинтеграции, профессиональной деформации и профессионального выгорания.

Список литературы

- Бакин, А. А. (2022). Социально-психологические и субкультурные аспекты агрессивного поведения военнослужащих: вопросы профилактики действий насильственного характера. *Юридическая наука: история и современность*, 4, 104–111.
- Буслаева, Е. Л., Власова, Н. В. (2023). Особенности мотивации и самоконтроля курсантов вузов МВД России на разных этапах обучения. *Психология и право*, 13 (2), 2–13. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130201>
- Гладких, И. Г. (2022). Структура и содержание профессионально значимых качеств сотрудников правоохранительных органов. *Гуманитарные исследования. Педагогика и психология*, 12, 80–88.
- Гуцериев, Х. С., Сальников, В. П., Степашин, С. В., Федоров, В. П., Худяк, А. И. (2000). *Человек и правоохранительная деятельность*: монография. Санкт-Петербург: Фонд «Университет».
- Дорфман, Л. Я., Дубровский, А. В., Цариев, Е. А., Курочкин, Е. А., Лядов, В. Н., Калугин, А. Ю. (2020). Адаптация и инновация в дуальной модели дисциплинированности (на материале курсантов военных институтов). *Вестник Удмуртского университета*, 30 (4), 351–361. <https://doi.org/10.35634/2412-9550-2020-30-4-351-361>
- Душкин, А. С., Юренкова, В. А. (2022). Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики (Обзор международной научно-практической конференции). *Российский девиантологический журнал*, 2 (4), 491–499. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-4-491-499>
- Жук, А. С., Сальников, В. П. (2023). Ценностный консенсус общества как основание суверенной правовой идеологии. *Юридическая наука: история и современность*, 2, 163–170.
- Иванов, М. С., Утюганов, А. А., Яницкий, М. С., Серый, А. В. (2020). Безопасность в системе ценностно-смысловых ориентаций офицеров Российской национальной гвардии: на примере курсантов – будущих офицеров. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*, 17 (3), 440–458. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-3-440-458>
- Канунников, Р. И. (2021). Роль ценностных ориентаций в формировании правосознания у сотрудников органов внутренних дел. *Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири*, 4, 25–41.
- Канунников, Р. И., Савич, И. И. (2023). Особенности формирования правовой культуры у сотрудников органов внутренних дел. *Образование и право*, 2, 80–83. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-2-80-83>
- Киселев, А. М. (2023). Об эксперименте по оптимизации процесса адаптации персонала. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*, 1-2 (76), 34–37. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2023-1-2-34-37>
- Константинов, В. В., Дьяков, В. В. (2015). Характеристики идентичности личности и процесс социально-психологической адаптации. *Теория и практика общественного развития*, 12, 482–486.

- Косинский, Т. В., Черноусов, А. А. (2022). Проблема патриотического воспитания молодежи в учебных заведениях МВД России. *Юридическая наука: история и современность*, 11, 152–156.
- Котенева, А. В., Этриванова, Т. С. (2022). Жизненные ценности и биопсихологический возраст сотрудников силовых структур. *Психология и право*, 12 (4), 28–41. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120403>
- Кубышко, В. Л., Крук, В. М., Гайдамашко, И. В., Вахнина, В. В., Федотов, А. Ю. (2022). Мотивация специалиста силовых структур как основная компонента профессионально-личностной надежности в сложных ситуациях. *Психология и право*, 12 (4), 66–82. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120406>
- Кузнецов, Д. Е. (2023). Элементы криминалистической характеристики современных способов получения и дачи взятки, связанные с расширением цифровой информационной среды. *Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири*, 3 (17), 14–26.
- Мантуров, О. С. (2022). К вопросу о значении философии права для профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел. *Философия права*, 1 (100), 13–17.
- Маслодудова, Н. В. (2021). Анализ мировоззренческих установок курсантов Сибирского юридического института МВД России. *Научный компонент*, 1 (9), 73–79.
- Печерский, Ю. И. (2023). Особенности формирования профессионального мировоззрения у курсантов ведомственного вуза Министерства внутренних дел Российской Федерации. *Гуманитарные исследования. Психология и педагогика*, 13, 53–62.
- Пухарева, Т. С., Рудин, А. В. (2023). Карьерные ориентации сотрудников правоохранительных органов. *Психология и право*, 13 (2), 49–57. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130204>
- Родин, В. Ф., Марьясис, И. Б. (2023). Некоторые особенности успешности служебной деятельности курсантов в образовательных организациях МВД России. *Вестник Московского университета МВД России*, 3, 300–303. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-300-303>
- Рожков, А. А., Юренкова, В. А. (2022). Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения - 2022). Обзор международной научно-практической конференции. *Российский девиантологический журнал*, 2 (2), 225–235. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-2-225-235>
- Стрельникова, Ю. Ю., Гончарова, Н. А. (2023). Психологические особенности профессиональной востребованности и мотивации сотрудников полиции. *Психология и право*, 13 (1), 27–39. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130102>
- Сухоруков, В. Н. (2022). О вечных ценностях и патриотизме. *Юридическая наука: история и современность*, 10, 69–77.
- Терехова, Т. А., Самойлик, Н. А., Серегина, О. С., Тавилова, Н. Н. (2022). Диагностика системы ценностных ориентаций студентов и курсантов образовательных организаций ФСИН России. *Психология и право*, 12 (2), 111–124. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120209>
- Тюлина, А. С. (2022). Особенности формирования профессионально-правовой культуры курсантов образовательных организаций МВД России. *Гуманитарные исследования. Педагогика и психология*, 12, 55–65.
- Усачева, И. В. (2023). Анализ системы мотивации труда сотрудников ОВД и пути ее повышения. *Вестник Московского университета МВД России*, 3, 311–316. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-311-316>
- Утюганов, А. А. (2021). *Система ценностно-смысловых ориентаций курсантов военных институтов войск национальной гвардии Российской Федерации*: монография. Новосибирск: Новосибирский военный институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации.

- Утюганов, А. А., Бакин, А. А. (2022). Социально-психологическая составляющая патриотического воспитания курсантов военных институтов Российской Федерации. *Юридическая наука: история и современность*, 6, 103–108.
- Утюганов, А. А., Фролова, Л. В. (2020). Терминальные и инструментальные ценности курсантов военного института (на примере Новосибирского военного института войск национальной гвардии Российской Федерации). *Мир науки. Педагогика и психология*, 1 (8), <https://mir-nauki.com/PDF/45PSMN120.pdf>
- Цветков, В. Л., Хрусталева, Т. А. (2023). Динамика профессиональной идентичности курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России в процессе адаптации к учебно-служебной деятельности. *Вестник Московского университета МВД России*, 2, 302–306. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-302-306>
- Чихачев, М. В. (2013). Психологическая адаптация в исследованиях военных психологов. *Сибирский педагогический журнал*, 3, 269–272.
- Tretyakov, I. L. (2022). Creative Solutions and Professional Culture of Prison Staff. In D. Bylieva, A. Nordmann (Eds.), *Technology, Innovation and Creativity in Digital Society: XXI Professional Culture of the Specialist of the Future* (Lecture Notes in Networks and Systems 345, pp. 203–223). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-89708-6_18

References

- Bakin, A. A. (2022). Social'no-psihologicheskie i subkul'turnye aspekty agressivnogo povedeniya voennosluzhashchih: voprosy profilaktiki dejstvij nasil'stvennogo haraktera. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 4, 104–111.
- Buslaeva, E. L., Vlasova, N. V. (2023). Osobennosti motivacii i samokontrolya kursantov vuzov MVD Rossii na raznyh etapah obucheniya. *Psihologiya i pravo*, 13 (2), 2–13. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130201>
- Gladkih, I. G. (2022). Struktura i sodержanie professional'no znachimyh kachestv sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov. *Gumanitarnye issledovaniya. Pedagogika i psihologiya*, 12, 80–88.
- Guceriev, H. S., Sal'nikov, V. P., Stepashin, S. V., Fedorov, V. P., Hudyak, A. I. (2000). *Chelovek i pravoohranitel'naya deyatel'nost'*: monografiya. Saint Petersburg: Fond «Universitet».
- Dorfman, L. Ya., Dubrovskij, A. V., Cariev, E. A., Kurochkin, E. A., Lyadov, V. N., Kalugin, A. Yu. (2020). Adaptaciya i innovaciya v dual'noj modeli disciplinirovannosti (na materiale kursantov voennyh institutov). *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, 30 (4), 351–361. <https://doi.org/10.35634/2412-9550-2020-30-4-351-361>
- Dushkin, A. S., Yurenkova, V. A. (2022). Pedagogika i psihologiya v deyatel'nosti sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov: integraciya teorii i praktiki (Obzor mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii). *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal*, 2 (4), 491–499. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-4-491-499>
- Zhuk, A. S., Sal'nikov, V. P. (2023). Cennostnyj konsensus obshchestva kak osnovanie suverennoj pravovoj ideologii. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2, 163–170.
- Ivanov, M. S., Utyuganov, A. A., Yanickij, M. S., Seryj, A. V. (2020). Bezopasnost' v sisteme cennostno-smyslovyh orientacij oficerov Rossijskoj nacional'noj gvardii: na primere kursantov – budushchih oficerov. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psihologiya i pedagogika*, 17 (3), 440–458. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-3-440-458>
- Kanunnikov, R. I. (2021). Rol' cennostnyh orientacij v formirovanii pravosoznaniya u sotrudnikov organov vnutrennih del. *Vestnik po pedagogike i psihologii Yuzhnoj Sibiri*, 4, 25–41.
- Kanunnikov, R. I., Savich, I. I. (2023). Osobennosti formirovaniya pravovoj kul'tury u sotrudnikov organov vnutrennih del. *Obrazovanie i pravo*, 2, 80–83. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-2-80-83>

- Kiselev, A. M. (2023). Ob eksperimente po optimizacii processa adaptacii personala. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk*, 1-2 (76), 34–37. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2023-1-2-34-37>
- Konstantinov, V. V., D'yakov, V. V. (2015). Harakteristiki identichnosti lichnosti i process social'no-psihologicheskoy adaptacii. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 12, 482–486.
- Kosinskij, T. V., Chernousov, A. A. (2022). Problema patrioticheskogo vospitaniya molodezhi v uchebnyh zavedeniyah MVD Rossii. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 11, 152–156.
- Koteneva, A. V., Etrivanova, T. S. (2022). Zhiznennye cennosti i biopsihologicheskij vozrast sotrudnikov silovyh struktur. *Psihologiya i pravo*, 12 (4), 28–41. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120403>
- Kubyshko, V. L., Kruk, V. M., Gajdamashko, I. V., Vahnina, V. V., Fedotov, A. Yu. (2022). Motivaciya specialista silovyh struktur kak osnovnaya komponenta professional'no-lichnostnoj nadezhnosti v slozhnyh situacijah. *Psihologiya i pravo*, 12 (4), 66–82. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120406>
- Kuznecov, D. E. (2023). Elementy kriminalisticheskoy harakteristiki sovremennyh sposobov polucheniya i dachi vzyatki, svyazannye s rasshireniem cifrovoj informacionnoj sredy. *Voennopravovye i gumanitarnye nauki Sibiri*, 3 (17), 14–26.
- Manturov, O. S. (2022). K voprosu o znachenii filosofii prava dlya professional'noj podgotovki sotrudnikov organov vnutrennih del. *Filosofiya prava*, 1 (100), 13–17.
- Maslodudova, N. V. (2021). Analiz mirovozzrencheskih ustanovok kursantov Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. *Nauchnyj komponent*, 1 (9), 73–79.
- Pecherskij, Yu. I. (2023). Osobennosti formirovaniya professional'nogo mirovozzreniya u kursantov vedomstvennogo vuza Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. Gumanitarnye issledovaniya. *Psihologiya i pedagogika*, 13, 53–62.
- Puhareva, T. S., Rudin, A. V. (2023). Kar'ernye orientacii sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov. *Psihologiya i pravo*, 13 (2), 49–57. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130204>
- Rodin, V. F., Mar'yasis, I. B. (2023). Nekotorye osobennosti uspešnosti sluzhebnoj deyatelnosti kursantov v obrazovatel'nyh organizacijah MVD Rossii. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 3, 300–303. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-300-303>
- Rozhkov, A. A., Yurenkova, V. A. (2022). Aktual'nye problemy psihologii pravoohranitel'noj deyatelnosti: koncepcii, podhody, tekhnologii (Vasil'evskie chteniya - 2022). Obzor mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal*, 2 (2), 225–235. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-2-225-235>
- Strel'nikova, Yu. Yu., Goncharova, N. A. (2023). Psihologicheskie osobennosti professional'noj vostrebovanosti i motivacii sotrudnikov policii. *Psihologiya i pravo*, 13 (1), 27–39. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130102>
- Suhorukov, V. N. (2022). O vechnyh cennostyah i patriotizme. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 10, 69–77.
- Terekhova, T. A., Samojlik, N. A., Seregina, O. S., Tavtilova, N. N. (2022). Diagnostika sistemy cennostnyh orientacij studentov i kursantov obrazovatel'nyh organizacij FSIN Rossii. *Psihologiya i pravo*, 12 (2), 111–124. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120209>
- Tyulina, A. S. (2022). Osobennosti formirovaniya professional'no-pravovoj kul'tury kursantov obrazovatel'nyh organizacij MVD Rossii. Gumanitarnye issledovaniya. *Pedagogika i psihologiya*, 12, 55–65.
- Usacheva, I. V. (2023). Analiz sistemy motivacii truda sotrudnikov OVD i puti ee povysheniya. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 3, 311–316. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-311-316>
- Utyuganov, A. A. (2021). *Sistema cennostno-smyslovyyh orientacij kursantov voennyh institutov vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii*: monografiya. Novosibirsk: Novosibirskij voennyj institut imeni generala armii I. K. Yakovleva vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii.

- Utyuganov, A. A., Bakin, A. A. (2022). Social'no-psihologicheskaya sostavlyayushchaya patrioticheskogo vospitaniya kursantov voennyh institutov Rossijskoj Federacii. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 6, 103–108.
- Utyuganov, A. A., Frolova, L. V. (2020). Terminal'nye i instrumental'nye cennosti kursantov voennogo instituta (na primere Novosibirskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii). *Mir nauki. Pedagogika i psihologiya*, 1 (8), <https://mir-nauki.com/PDF/45PSMN120.pdf>
- Cvetkov, V. L., Hrustaleva, T. A. (2023). Dinamika professional'noj identichnosti kursantov i slushatelej obrazovatel'nyh organizacij MVD Rossii v processe adaptacii k uchebno-sluzhebnoj deyatel'nosti. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2, 302–306. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-302-306>
- Chihachev, M. V. (2013). Psihologicheskaya adaptaciya v issledovaniyah voennyh psihologov. *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal*, 3, 269–272.
- Tretyakov, I. L. (2022). Creative Solutions and Professional Culture of Prison Staff. In D. Bylieva, A. Nordmann (Eds.), *Technology, Innovation and Creativity in Digital Society: XXI Professional Culture of the Specialist of the Future* (Lecture Notes in Networks and Systems 345, pp. 203–223). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-89708-6_18

Информация об авторе:

Алексей Анатольевич Утюганов – заместитель начальника Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации по научной работе – начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела, доктор психологических наук, доцент.

Лариса Валерьевна Фролова – доцент кафедры философских и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации.

About the authors:

Alexey A. Utyuganov – Deputy Head of the Saint Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Dr. Sci. (Psy.), Associate Professor.

Larisa V. Frolova – Associate Professor of the Department of Philosophical and Socio-Economic Disciplines Saint Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Authors' contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article. The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 02.04.2024; Одобрена после рецензирования 14.04.2024; Опубликована 28.04.2024

Submitted April 02, 2024; Approved after reviewing April 14, 2024; Accepted April 14, 2024

УДК 159.9

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-1-117-126

Возможности применения технологии айтрекинга в деятельности правоохранительных органов (на примере зарубежных стран)

Элина Константиновна Шелепина

Санкт-Петербургский университет МВД России

(Санкт-Петербург, Россия)

shelepinae@yandex.ru

ORCID: 0009-0002-9904-1517

Аннотация

Введение. В правоохранительных органах Российской Федерации при раскрытии и расследовании преступлений в рамках проведения психофизиологического исследования широко применяется полиграф. Однако в ряде зарубежных стран активно ведутся исследования по внедрению в практическую деятельность сотрудников правоохранительных органов новых психофизиологических технологий. Одной из таких технологий является айтрекер. В статье представлен опыт применения технологии айтрекинга в профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов – в целях раскрытия и расследования преступлений, а в частности – оценки достоверности сообщаемой информации, выявлении скрываемой информации, а также выявления информации о воспринимаемых ранее лицах и объектах на примере зарубежных стран. Данные положения определяют цель нашего исследования – обобщение и анализ зарубежного опыта применения технологии айтрекинга в деятельности правоохранительных органов. **Методы.** В ходе проведения исследования использовались общенаучные методы исследования, такие как анализ, синтез, индукция, дедукция и описание. **Результаты.** Определено современное состояние теоретико-методологических представлений об айтрекинге, а также областей его применения, методических и процедурных особенностей использования в деятельности правоохранительных органов зарубежных стран.

Ключевые слова

технология айтрекинг, сотрудники правоохранительных органов, глазодвигательная активность, психофизиологическое исследование, достоверность сообщаемой информации, скрываемая информация

Для цитирования: Шелепина, Э. К. (2024). Возможности применения технологии айтрекинга в деятельности правоохранительных органов (на примере зарубежных стран). *Российский девиантологический журнал*, 4 (1), 117–126. doi: 10.35750/2713-0622-2024-1-117-126.

The possibilities of using eye-tracking technology in the activities of law enforcement agencies (on the example of foreign countries)

Ellina K. Shelepina

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

(Saint Petersburg, Russia)

shelepinae@yandex.ru

ORCID: 0009-0002-9904-1517

Abstract

Introduction. The law enforcement agencies of the Russian Federation widely use a polygraph in solving and investigating crimes as part of psychophysiological research. However, a number of foreign countries are actively conducting research on implementing new psychophysiological technologies in the practical activities of law enforcement officers. One of such technologies is the eye-tracker. The article describes the experience of applying the technology of eye-tracking in the professional activities of law enforcement officers for solving and investigating crimes, in particular, for assessing the reliability of the reported information, revealing hidden information, as well as identifying information about previously perceived persons and objects on the example of foreign countries. These provisions determine the purpose of our research - the generalisation and analysis of foreign experience of applying the technology of eye-tracking in the activities of law enforcement agencies. **Methods.** General scientific research methods such as analysis, synthesis, induction, deduction and description were used in the research. **Results.** The current state of theoretical and methodological ideas about eye-tracking, as well as areas of its application, methodological and procedural features of its use in the activities of law enforcement agencies of foreign countries was determined.

Keywords

eye-tracking technology, law enforcement officers, oculomotor activity, psychophysiological research, reliability of reported information, hidden information

For citation: Shelepina, E. K. (2024). The possibilities of using eye-tracking technology in the activities of law enforcement agencies (on the example of foreign countries). *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (1), 117–126. doi: 10.35750/2713-0622-2024-1-117-126.

Введение

Совершенствование методов и методик раскрытия и расследования преступлений правоохранительными органами не теряет своей актуальности, которая в современных условиях, наоборот, лишь возрастает. Учитывая значительную роль в уголовном производстве показаний потерпевших, свидетелей и подозреваемых (обвиняемых), методы оценки достоверности сообщаемых сведений приобретают существенное значение.

В правоохранительных органах Российской Федерации в данных целях осуществляются специальные психофизиологические исследования данной категории лиц на полиграфе. Однако в ряде зарубежных стран ведутся активные исследования по внедрению в деятельность правоохранительных органов такой технологии, как айтрекинг. Технология айтрекинга пред-

ставляет собой «совокупность инструментов и процедур видеорегистрации взора человека»¹. Посредством изучения глазодвигательной активности человека делается вывод о его психоэмоциональных и психофизиологических реакциях на предъявляемые стимулы. Результаты кладутся в основу экспертных заключений о сокрытии информации, установлении осведомленности, наличии индивидуальных психологических особенностей, характеризующих предпосылки криминогенности.

Учитывая возрастающую критику специальных психофизиологических исследований, а также ограничения, характерные для данного метода, актуальным является изучение возможностей технологии айтрекинга в решении задач противодействия девиантному и криминальному поведению.

В рамках данной статьи представлены и обобщены сведения о применении айтрекинга как альтернативы специальному психофизиологическому исследованию.

Структура статьи соответствует ее цели и представляет собой последовательное изложение сведений, полученных зарубежными авторами, и их анализ. В завершение теоретической части осуществляется обобщение и формулируются теоретические, эмпирические и прикладные задачи, связанные с дальнейшим применением технологии айтрекинга.

Теоретические предпосылки применения айтрекинга в деятельности органов внутренних дел

Технология айтрекинга строится на основе анализа психофизиологических механизмов работы глаза человека и его окулоmotorных реакций в ходе чтения. Данной проблематике посвящены фундаментальные работы российских и советских ученых: В. А. Барабанщикова (Барабанщиков, 2016), В. Д. Глезера (Глезер, 1993), А. В. Жегалло, А. Л. Ярбуса (Ярбус, 1965), Э. В. Лихачевой, А. С. Огнева, О. Г. Венериной, И. А. Виноградовой (Огнев, Венерина, Виноградова, 2012). В них рассмотрены вопросы физиологии глаза, зрения и зрительного восприятия, описана методология применения окулометрии и айтрекинга в психологических исследованиях.

Применение айтрекинга для изучения достоверности сообщаемой информации в России активно осуществляется с конца 1990-х годов. Особенности движения глаз при ложных и правдивых ответах изучались в работах Г. Я. Меньшиковой, Е. Г. Луняковой, А. И. Ковалева, И. В. Евсевичевой (Меньшикова и др., 2016); движение глаз при оценке лица, передающего достоверную и недостоверную информацию, – А. В. Жегалло, Е. Г. Хозе (Жегалло, Хозе 2016); принятие истинных и ложных решений – в работе А. С. Баканова (Баканов, 2016); методы оценки достоверности сообщаемой информации – в работе А. А. Бессонова (Бессонов, Борлаков, Соколов, 2021); диагностика правды и лжи с применением технологии айтрекинга – в трудах Ю. В. Бессоновой, А. А. Обознова (Бессонова, Обознов, 2019); вопросы применения технологии айтрекинга в профессиональном отборе кадров на службу – в трудах О. В. Жбанковой, В. Б. Гусева (Жбанкова, Гусев, 2018); специфика детекции лжи обследуемых посредством айтрекера описана в экспериментальном исследовании Ю. Г. Павлова с соавторами (Pavlov et al., 2016).

При существенной проработке данных вопросов возможности технологии айтрекинга рассмотрены явно недостаточно для их практического применения в деятельности правоохранительных органов Российской Федерации. В частности, из пятидесяти публикаций в рецензируемых журналах, индексируемых наукометрической базой «Российского индекса научного цитирования», лишь одна работа раскрывает проблематику использования айтрекинга наряду

¹ Барабанщиков, В. А., Жегалло, А. В. (2014). *Айтрекинг: Методы регистрации движений глаз в психологических исследованиях и практике*: учебное пособие (стр. 57). Издательство Когито-Центр.

с другими методами аппаратной диагностики (Бессонов, Борлаков, Соколов, 2021). При этом предмет публикации относится к криминалистике, авторы не обращаются к психофизиологии зрения и психологии восприятия информации. Всё это свидетельствует о дефиците теоретической и эмпирической информации о целесообразности применения технологии айтрекинга в деятельности правоохранительных органов.

Объясняется это, с одной стороны, недостаточной распространённостью данного инструментария в научно-исследовательской практике и относительной сложностью его применения, требующего специальных познаний, с другой – в нормативных правовых ограничениях, налагаемых на участников уголовного производства в части сбора эмпирических данных и экспериментирования. Эти вопросы требуют предварительной организации опытно-экспериментальной работы, постановки гипотез и разработки процедуры их проверки.

Следует иметь в виду, что в правоохранительных органах зарубежных стран ведутся исследования и накоплен опыт применения технологии айтрекинга в области раскрытия и расследования преступлений.

В ряде публикаций утверждается, что технология айтрекинга используется как психофизиологический инструмент оценки достоверности информации. Для анализа состояния современных научных знаний об этой деятельности охарактеризуем обобщенные нами сведения из публикаций зарубежных исследователей, представив вначале сведения о теоретических основаниях применения айтрекинга, а затем информацию о конкретных процедурах их применения.

Отметим, что когнитивные концепции переживания преступником события преступления выступают наиболее распространенным теоретическим основанием применения айтрекинга в деятельности правоохранительных органов. Так, предложенная Дж. Ликкеном концепция когнитивного возбуждения («cognitive arousal theory») предполагает, что преступник сохраняет информацию о деталях и обстоятельствах своего деяния, и когда появляются стимулы, связанные с ним, психофизиологическое состояние подозреваемого изменяется (Lykken, 1974). Соответственно, чем сильнее стимул, тем существеннее эти изменения. Поскольку не причастный к преступлению обследуемый не распознает данные детали, это не вызывает у него каких-либо изменений.

Концепция когнитивной готовности к опасности, изложенная в работах Д. А. Кларка и А. Т. Бека с соавторами, предлагает иное теоретическое объяснение для использования айтрекинга. Ими установлено, что в ситуации угрозы люди быстрее распознают негативные стимулы и реагируют на них (Clark & Beck, 1954). Кроме того, к закономерностям восприятия ситуации опасности следует отнести чрезмерное внимание информации об угрозе, вне зависимости от того, отразилась ли она на них или ее удалось избежать (Foa & Kozak, 1986). Это приводит, во-первых, к запоминанию информации об опасности и ее быстрому воспроизведению, а во-вторых, к утомлению внимания в случае, если за пугающими стимулами приходится наблюдать длительное время.

Концепция когнитивной загрузки («cognitive load theory»), предложенная А. Враем с коллегами, предполагает, что страх разоблачения приводит к необходимости переработки большего количества информации, чем возможность говорить правду (Vrij et al., 2008). В ситуации восприятия стимулов это вызывает продолжительное фокусирование на определенных стимулах либо их «выпадение» из области внимания (расфокусировку зрачка). Кроме того, обработка большего объема информации приводит к увеличению когнитивной нагрузки, что в целом приводит к увеличению зрачка при восприятии информации, релевантной событию преступления (Walczyk et al., 2012).

Описание концепций позволяет заключить, что технология айтрекинга основывается на закономерностях восприятия информации и учитывает отношение обследуемого лица

к ситуации преступления. Данные явления взаимосвязаны, и можно заключить, что отсутствие переживаний по поводу совершенного преступления либо их недостаточный уровень не будет способствовать изменениям в когнитивной сфере, вызывая интенсификацию обработки информации о событии и следующее за ней утомление. Эта особенность снижает возможности айтрекера в распознавании скрываемой информации или выявлении признаков ее намеренного искажения обследуемыми. Несмотря на это, возможности технологии айтрекинга подвергаются валидации в многочисленных экспериментальных исследованиях. Однако в связи со сложностью проведения данных процедур, отсутствием разработанных стандартов и требований к их построению и наряду с этим требованием высокой точности измерений, методической проблемой выступает проведение процедуры измерения.

В целях обобщения имеющегося опыта рассмотрим методики наиболее релевантных исследований. Отметим, что общим способом их построения выступает эксперимент по предъявлению стимулов, имитирующих или прямо воспроизводящих ситуацию преступления. Однако набор измеряемых показателей различается. К примеру, Р. Д. Ваталингам с соавторами изучали возможности применения технологии айтрекинга при поиске и сборе вещественных доказательств на месте совершения преступления (Watalingam et al., 2017). В качестве параметров глазодвигательной активности использовались количество фиксации на областях интереса, общее время просмотра области интереса, количество возвратов к просмотру области интереса, а также учитывалось соотношение площади области интереса к общей площади. Было установлено, что существуют значительные различия в вышеуказанных параметрах между группами следователей с квалификацией «эксперт» по сравнению с группой «новичков» по критериям «продолжительность поиска» и «последовательность поиска доказательств на месте преступления».

К. Бюттнер подняла вопрос о возможности использования технологии айтрекинга как нового психофизиологического инструмента выявления скрываемой информации, а именно использования данной технологии для определения виновности подозреваемых лиц (Büttner, 2019). Исследование было нацелено на изучение различий в глазодвигательной активности у таких категорий лиц, как «виновные» и «невиновные» в совершении преступления, в том числе идентификации свидетелей из вышеуказанной категории. К. Бюттнер объединила проведение психофизиологического исследования с применением айтрекера с применением теста «Guilty Knowledge Test», который использовался как инструмент на выявление «знания вины». Исследованием было выявлено, что продолжительность фиксации на области интереса (синяя точка на пистолете) в группе лиц «виновные» существенно дольше, чем в группе лиц «невиновные», что подтверждает гипотезу исследования и свидетельствует о различиях в глазодвигательной активности лиц вышеуказанных категорий.

Исследование Д. Борза, Р. Иту, Р. Данеску было посвящено изучению особенностей глазодвигательной активности лиц, сообщающих ложные ответы (Borza, Itu, Danescu, 2018). В данном исследовании посредством применения технологии айтрекинга изучались такие характеристики глаз, как центры радужной оболочки, направление взора, интервалы моргания, частота морганий, количество саккад. Частоту морганий определяли как количество морганий в минуту. Был выявлен новый показатель обнаружения обмана – нормализованное отклонение частоты моргания. Точность выявления лживых ответов составила 96,15 %. Также в качестве определения признаков обмана изучалось направление взора – угол между центром глаза и обнаруженным центром радужной оболочки. Было установлено, что лицо, избегающее зрительного контакта, а также часто меняющее направление взора в процессе проведения допроса, дает ложные ответы (точность составила 91,47 %).

Э. Э. Миллен с коллегами изучали возможности применения технологии айтрекинга как психофизиологического инструмента выявления информации о распознавании лиц с точки зрения правда / ложь (Millen et al., 2017). В своем исследовании авторы изучали различия глазодвигательной активности у респондентов по трем категориям стимулов (по степени узнаваемости) – лица, которые респондент недавно изучил, известные личности, а также лица, с которыми респондент был знаком ранее. В качестве параметров глазодвигательной активности использовались время и продолжительность фиксации на областях интереса. Было установлено, что при изучении знакомых лиц количество и время фиксации меньше, чем при обработке незнакомых лиц.

Продолжением исследований в области изучения скрываемой информации выступила работа Э. Э. Миллен с коллегами, в которой авторы изучали особенности глазодвигательной активности у лиц, сообщающих правдивые и ложные ответы относительно их осведомленности о ранее воспринимаемых лицах, объектах, а также местах совершения преступлений (Millen, Nore, & Hillstrom, 2020). Наиболее значимыми результатами исследования являются различия в глазодвигательной активности у респондентов при узнавании лиц, ранее знакомых респондентам вне зависимости от сообщаемых ими правдивых или ложных ответов. Измерялись время и количество фиксации на заданных областях интереса (лицах).

Дж. Пет, Дж. Ким и М. Геймер разработали методику выявления скрываемой (ложной) информации посредством применения технологии айтрекинга (Peth, Kim, & Gamer, 2013). В качестве параметров глазодвигательной активности измерялись количество и время фиксации на областях интереса, а также моргания. В целях изучения связи глазодвигательной активности и дачи ложных ответов авторами в качестве эксперимента был симитирован процесс совершения преступления. Респонденты были разделены на две группы «виновные» и «невиновные». Были выявлены следующие различия – у группы респондентов «виновные» отмечено меньше фиксации глаз в областях, связанных с имитацией преступления, чем у группы «невинные», однако фиксации оказались значительно длиннее. Кроме того, было выявлено снижение частоты моргания.

Ш. Шведес и Д. Вентура исследовали взаимосвязь продолжительности фиксации с узнаванием предъявляемых стимулов – лиц с помощью технологии айтрекинга (Schweddes & Wentura, 2012). В ходе исследования было выявлено, что фиксация на скрытых лицах (известных, но не выбранных) была более продолжительной, чем фиксация на невыбранных неизвестных лицах.

Обобщая и оценивая опытно-экспериментальную работу по адаптации и валидации технологии айтрекинга для использования при выявлении намеренно скрываемой или искажаемой информации подозреваемыми (обвиняемыми), свидетелями или потерпевшими в ходе следственных действий, отметим ряд моментов.

Во-первых, в большинстве исследований показателями выступают как параметры глаза (диаметр зрачка, изменения диаметра, частота морганий), так и глазодвигательные реакции (области фиксации, длительность фиксации в определенной области, длина и скорость перемещений между областями). Совокупность данных показателей и их параметров составляет операционализированный комплекс индикаторов, необходимый для организации эксперимента с помощью айтрекера. При этом следует учитывать специфику информации, воспринимаемой обследуемым. Например, анализ мест происшествия (преступления) будет отличаться по характеру от восприятия материалов преступления (документов, фотографий, аудио-видео-материалов) (Злоказов, Ломтатидзе, Булатова, 2016).

Во-вторых, можно заключить, что исследования, посвященные криминальным ситуациям, обладают более существенными различиями в параметрах глазодвигательных реакций, нежели исследования представлений обследуемых. Это, на наш взгляд, объясняется объемом

информации, полученной в ситуации, воссоздающей или имитирующей криминальное происшествие. При этом, как нам представляется, данные ситуации не нуждаются в детализации всех обстоятельств преступления. Для исследования необходимы лишь те, которые составляют событие преступления и позволяют его квалифицировать.

В-третьих, несмотря на преобладание когнитивного подхода, в большинстве исследований учитываются эмоционально-сенситивные параметры глаза (диаметр зрачка, частота морганий). Поскольку данные свидетельствуют о воздействии эмоций на результат исследования, целесообразной видится оценка эмоциональных состояний обследуемых и их дифференциация от когнитивных процессов.

Заключение

Анализ зарубежных исследований показал возможность применения технологии айтрекинга в деятельности правоохранительных органов в целях обеспечения предварительного следствия (дознания). Вместе с тем перспективы применения данной технологии, как нам представляется, зависят от решения некоторых методологических и методических задач.

Методологической задачей является определение значения когнитивных и эмоциональных компонент, репрезентирующих реакции лиц, скрывающих либо намеренно искажающих информацию, и установление их соотношения.

Методической задачей выступает разработка процедуры обследования лиц, скрывающих либо намеренно искажающих информацию, отвечающей требованиям надежности (в части помехоустойчивости и воспроизводимости), а также дискриминативности (способности точно дифференцировать обследуемых) по критерию скрываемой (искажаемой) информации.

Подводя итоги, заключим, что решение намеченных задач будет способствовать активному внедрению технологии айтрекинга в деятельность правоохранительных органов Российской Федерации.

Список литературы

- Баканов, А. С. (2016). Модель принятия решений истинно/ложно на основе экспериментального исследования траектории взора. В В. А. Барабанщиков (отв. ред.), *Айтрекинг в психологической науке и практике: монография* (стр. 134–140). Москва: Издательство Когито-Центр.
- Барабанщиков, В. А. (отв. ред.) (2016). *Айтрекинг в психологической науке и практике: монография*. Москва: Издательство Когито-Центр.
- Бессонов, А. А., Борлаков, Ш. В., Соколов, А. Е. (2021). Перспективы развития методов оценки достоверности информации с учетом практики применения электроэнцефалографа, полиграфа и айтрекера. *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения*, 2 (32), 89–93.
- Бессонова, Ю. В., Обознов, А. А. (2019). Айтрекинг в диагностике правды-лжи. *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда*, 4 (1), 46–86.
- Глезер, В. Д. (1993). *Зрение и мышление*, 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург: Наука.
- Жбанкова, О. В., Гусев, В. Б. (2018). Применение айтрекинга в практике профессионального отбора кадров. *Экспериментальная психология*, 11 (1), 156–165. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2018110109>
- Жегалло, А. В., Хозе, Е. Г. (2016). Движение глаз при оценке лица, передающего достоверную и недостоверную информацию. В В. А. Барабанщиков (отв. ред.), *Айтрекинг*

в психологической науке и практике: монография (стр. 256–259). Москва: Издательство Когито-Центр.

- Злоказов, К. В., Ломтатидзе, О. В., Булатова, Э. В. (2016). Зрительные характеристики восприятия креолизованных текстов деструктивной направленности. *Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры*, 1 (147), 92–101.
- Меньшикова, Г. Я., Лунякова, Е. Г., Ковалев, А. И., Евсевичева, И. В. (2016). Особенности движения глаз при ложных и правдивых ответах. В В. А. Барабанщиков (отв. ред.), *Айтрекинг в психологической науке и практике: монография* (стр. 163–170). Москва: Издательство Когито-Центр.
- Огнев, А. С., Венерина, Щ. Г., Виноградова, И. А. (2012). Новые психодиагностические возможности трекинга глаз. *Вестник московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Педагогика и психология*, 3, 107–112.
- Шелепин, Ю. Е. (2017). *Введение в нейроиконику*. Санкт-Петербург: Троицкий мост.
- Ярбус, А. Л. (1965). *Роль движений глаз в процессе зрения*. Москва: Наука.
- Borza, D., Itu, R., & Danescu, R. (2018). In the Eye of the Deceiver: Analyzing Eye Movements as a Cue to Deception. *Journal of Imaging*, 4 (10), 120. <https://doi.org/10.3390/jimaging4100120>
- Büttner, C. (2019). *A new approach to solving crimes : Do the eyes of a suspect reveal if they are guilty of a crime?* URL: <https://purl.utwente.nl/essays/78211>
- Clark, D. A., & Beck, A. T. (1954). *Cognitive Therapy of Anxiety Disorders: Science and Practice*. New York, London: The Guilford Press.
- Foa, E. B., & Kozak, M. J. (1986). Emotional processing of fear: Exposure to corrective information. *Psychological Bulletin*, 99 (1), 20–35. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.99.1.20>
- Lykken, D. T. (1974). Psychology and the lie detector industry. *American Psychologist*, 29 (10), 725–739. <https://doi.org/10.1037/h0037441>
- Millen, A. E., Hope, L., Hillstrom, A. P., & Vrij, A. (2017). Tracking the truth: the effect of face familiarity on eye fixations during deception. *Quarterly journal of experimental psychology (2006)*, 70 (5), 930–943. <https://doi.org/10.1080/17470218.2016.1172093>
- Millen, A. E., Hope, L., & Hillstrom, A. P. (2020). Eye spy a liar: assessing the utility of eye fixations and confidence judgments for detecting concealed recognition of faces, scenes and objects. *Cogn. Research*, 5, 38. <https://doi.org/10.1186/s41235-020-00227-4>
- Pavlov, Yu. G., Zlokazov, K. V., Slesareva, O. D., & Pavlova, N. V. (2016). Eye-Tracking Based Technic For Detection Of Deception. *Perception*, 45.
- Peth, J., Suchotzki, K., & Gamer, M. (2016). Influence of countermeasures on the validity of the Concealed Information Test. *Psychophysiology*, 53 (9), 1429–1440. <https://doi.org/10.1111/psyp.12690>
- Schwedes, C., & Wentura, D. (2012). The revealing glance: eye gaze behavior to concealed information. *Memory & cognition*, 40 (4), 642–651. <https://doi.org/10.3758/s13421-011-0173-1>
- Vrij, A., Fisher, R., Mann, S., & Leal, S. (2008). A cognitive load approach to lie detection. *Journal of Investigative Psychology and Offender Profiling*, 5 (1–2), 39–43. <https://doi.org/10.1002/jip.82>
- Walczyk, J. J., Griffith, D. A., Yates, R., Visconte, S. R., Simoneaux, B., & Harris, L. L. (2012). LIE Detection by Inducing Cognitive Load: Eye Movements and Other Cues to the False Answers of “Witnesses” to Crimes. *Criminal Justice and Behavior*, 39 (7), 887–909. <https://doi.org/10.1177/0093854812437014>
- Watalingam, R. D., Richetelli, N., Pelz, J. B., & Speir, J. A. (2017). Eye tracking to evaluate evidence recognition in crime scene investigations. *Forensic science international*, 280, 64–80. <https://doi.org/10.1016/j.forsciint.2017.08.012>

References

- Bakanov, A. S. (2016). Model' prinyatiya reshenij istinno / lozhno na osnove eksperimental'nogo issledovaniya traektorii vzora. V V. A. Barabanshchikov (otv. red.), *Ajtreking v psihologicheskoy nauke i praktike: monografiya* (str. 134–140). Moscow: Izdatel'stvo Kogito-Centr.
- Barabanshchikov, V. A. (otv. red.) (2016). *Ajtreking v psihologicheskoy nauke i praktike: monografiya*. Moscow: Izdatel'stvo Kogito-Centr.
- Bessonov, A. A., Borlakov, SH. V., Sokolov, A. E. (2021). Perspektivy razvitiya metodov ocenki dostovernosti informacii s uchetom praktiki primeneniya elektroencefalografa, poligrafa i ajtrekera. *Rassledovanie prestuplenij: problemy i puti ih resheniya*, 2 (32), 89–93.
- Bessonova, Yu. V., Oboznov, A. A. (2019). Ajtreking v diagnostike pravdy-lzhi. Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. *Organizacionnaya psihologiya i psihologiya truda*, 4 (1), 46–86.
- Glezer, V. D. (1993). *Zrenie i myshlenie*, 2-e izd., ispr. i dop. Saint Petersburg: Nauka.
- Zhbankova, O. V., Gusev, V. B. (2018). Primenenie ajtrekinga v praktike professional'nogo otbora kadrov. *Eksperimental'naya psihologiya*, 11 (1), 156–165. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2018110109>
- Zhegallo, A. V., Hoze, E. G. (2016). Dvizhenie glaz pri ocenke lica, peredayushchego dostovernuyu i nedostovernuyu informaciyu. V V. A. Barabanshchikov (otv. red.), *Ajtreking v psihologicheskoy nauke i praktike: monografiya* (str. 256–259). Moscow: Izdatel'stvo Kogito-Centr.
- Zlokazov, K. V., Lomtadidze, O. V., Bulatova, E. V. (2016). Zritel'nye harakteristiki vospriyatiya kreolizovannykh tekstov destruktivnoj napravlenosti. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*, 1 (147), 92–101.
- Men'shikova, G. Ya., Lunyakova, E. G., Kovalev, A. I., Evsevicheva, I. V. (2016). Osobennosti dvizheniya glaz pri lozhnyh i pravdivykh otvetah. V V. A. Barabanshchikov (otv. red.), *Ajtreking v psihologicheskoy nauke i praktike: monografiya* (str. 163–170). Moscow: Izdatel'stvo Kogito-Centr.
- Ognev, A. S., Venerina, SHCH. G., Vinogradova, I. A. (2012). Novye psihodiagnosticheskie vozmozhnosti trekinga glaz. *Vestnik moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M. A. Sholohova. Pedagogika i psihologiya*, 3, 107–112.
- Shelepin, Yu. E. (2017). *Vvedenie v nejroikoniku*. Saint Petersburg: Troickij most.
- Yarbus, A. L. (1965). *Rol' dvizhenij glaz v processe zreniya*. Moscow: Nauka.
- Borza, D., Itu, R., & Danescu, R. (2018). In the Eye of the Deceiver: Analyzing Eye Movements as a Cue to Deception. *Journal of Imaging*, 4 (10), 120. <https://doi.org/10.3390/jimaging4100120>
- Büttner, C. (2019). *A new approach to solving crimes : Do the eyes of a suspect reveal if they are guilty of a crime?* URL: <https://purl.utwente.nl/essays/78211>
- Clark, D. A., & Beck, A. T. (1954). *Cognitive Therapy of Anxiety Disorders: Science and Practice*. New York, London: The Guilford Press.
- Foa, E. B., & Kozak, M. J. (1986). Emotional processing of fear: Exposure to corrective information. *Psychological Bulletin*, 99 (1), 20–35. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.99.1.20>
- Lykken, D. T. (1974). Psychology and the lie detector industry. *American Psychologist*, 29 (10), 725–739. <https://doi.org/10.1037/h0037441>
- Millen, A. E., Hope, L., Hillstrom, A. P., & Vrij, A. (2017). Tracking the truth: the effect of face familiarity on eye fixations during deception. *Quarterly journal of experimental psychology (2006)*, 70 (5), 930–943. <https://doi.org/10.1080/17470218.2016.1172093>
- Millen, A. E., Hope, L., & Hillstrom, A. P. (2020). Eye spy a liar: assessing the utility of eye fixations and confidence judgments for detecting concealed recognition of faces, scenes and objects. *Cogn. Research*, 5, 38. <https://doi.org/10.1186/s41235-020-00227-4>
- Pavlov, Yu. G., Zlokazov, K. V., Slesareva, O. D., & Pavlova, N. V. (2016). Eye-Tracking Based Technic For Detection Of Deception. *Perception*, 45.
- Peth, J., Suchotzki, K., & Gamer, M. (2016). Influence of countermeasures on the validity of the

Concealed Information Test. *Psychophysiology*, 53 (9), 1429-1440. <https://doi.org/10.1111/psyp.12690>

- Schwedes, C., & Wentura, D. (2012). The revealing glance: eye gaze behavior to concealed information. *Memory & cognition*, 40 (4), 642–651. <https://doi.org/10.3758/s13421-011-0173-1>
- Vrij, A., Fisher, R., Mann, S., & Leal, S. (2008). A cognitive load approach to lie detection. *Journal of Investigative Psychology and Offender Profiling*, 5 (1–2), 39–43. <https://doi.org/10.1002/jip.82>
- Walczyk, J. J., Griffith, D. A., Yates, R., Visconte, S. R., Simoneaux, B., & Harris, L. L. (2012). LIE Detection by Inducing Cognitive Load: Eye Movements and Other Cues to the False Answers of “Witnesses” to Crimes. *Criminal Justice and Behavior*, 39 (7), 887–909. <https://doi.org/10.1177/0093854812437014>
- Watalingam, R. D., Richetelli, N., Pelz, J. B., & Speir, J. A. (2017). Eye tracking to evaluate evidence recognition in crime scene investigations. *Forensic science international*, 280, 64–80. <https://doi.org/10.1016/j.forsciint.2017.08.012>

Информация об авторе:

Элина Константиновна Шелепина – адъюнкт Санкт-Петербургского университета МВД России.

About the author:

Ellina K. Shelepina – graduate of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 02.03.2024; Одобрена после рецензирования 29.03.2024;
Опубликована 28.04.2024

Submitted March 02, 2024; Approved after reviewing March 29, 2024; Accepted April 28, 2024

УДК 378

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-1-127-134

Воспитательная работа как средство предотвращения отклоняющегося поведения сотрудников органов внутренних дел

Олег Александрович Дизер

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина
(Белгород, Россия)
dizer77@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3231-4018

Елена Геннадьевна Беляева

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
belyaeva.belyaevaelena2016@yandex.ru

Аннотация

Введение. Статья ориентирована на изучение существующей ситуации в организации воспитательной работы с личным составом органов внутренних дел, установление проблемных вопросов и формулирование основных направлений по совершенствованию деятельности по недопущению девиантного поведения у сотрудников органов внутренних дел. Особое внимание в работе отводится патриотическому воспитанию сотрудников внутренних дел, поскольку в настоящее время вопросы преданности и верности Родине имеют первостепенное значение для формирования профессиональных качеств. Модернизация системы воспитательной работы, связанная с различными факторами, в том числе и стремительной цифровой трансформацией общественных отношений позволит в полном объеме обеспечить достижение стоящих перед органами внутренних дел целей и окажет весомую роль в предотвращении возможных негативных проявлений. **Методы исследования.** При проведении исследования использовались общенаучные методы, такие как анализ научной литературы, анализ нормативных правовых актов, сравнительно-сопоставительный анализ, обобщение теории и практики вопросов нарушения сотрудниками служебной дисциплины и законности. **Результаты** работы состоят в том, что авторами на основе полученных при изучении состояния воспитательной работы сведений, предложены меры по повышению качества и результативности деятельности, направленные на недопущение развития девиантного поведения у сотрудников органов внутренних дел.

Ключевые слова

воспитательная работа, патриотическое воспитание, сотрудник полиции, девиантное поведение

Для цитирования: Дизер, О. А., Беляева, Е. Г. (2024). Воспитательная работа как средство предотвращения отклоняющегося поведения сотрудников органов внутренних дел. *Российский девиантологический журнал*, 4 (1), 127–134. doi: 10.35750/2713-0622-2024-1-127-134.

Original paper

Educational work as a means of preventing deviant behavior of law enforcement officers

Oleg A. Dizer

Belgorod Law Institute I. D. Putilin Ministry of Internal Affairs of Russia
(Belgorod, Russia)

dizer77@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3231-4018

Elena G. Belyaeva

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)

belyaeva.belyaevaelena2016@yandex.ru

Abstract

Introduction. The article is aimed at examining the current situation in the organisation of educational work with the personnel of internal affairs bodies, identifying problematic issues and formulating the main directions for improving the activities to prevent deviant behaviour among employees of law enforcement agencies. Particular attention is paid to the patriotic education of law enforcers, since at present the issues of loyalty and fidelity to the Motherland are of primary importance for the formation of professional qualities. Modernisation of the system of educational work, associated with various factors, including the rapid digital transformation of social relations, will fully ensure the achievement of the objectives of the Ministry of Internal Affairs and will play a significant role in preventing possible negative manifestations. **Research methods.** General scientific methods such as: analysis of scientific literature, analysis of normative legal acts, comparative analysis, generalisation of theory and practice of issues of violation of official discipline and legality by employees were used in the research. **The results** of the research consist in the fact that the authors, based on the information received while studying the state of educational work, proposed measures to improve the quality and effectiveness of activities aimed at preventing the development of deviant behaviour in the staff of internal affairs bodies.

Keywords

educational work, patriotic education, police officer, deviant behavior

For citation: Dizer, O. A., Belyaeva, E. G. (2024). Educational work as a means of preventing deviant behavior of law enforcement officers. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (1), 127–134. doi: 10.35750/2713-0622-2024-1-127-134.

Введение

Отношение общества к полиции России является следствием многих аспектов – и состояния преступности в стране, и наличия резонансных происшествий, и ощущения безопасности на улицах, и показателей престижа ведомства, и, что не менее важно, – уровня профессионализма, культуры и подготовки каждого полицейского.

В связи с этим вопросам воспитательной работы как одному из средств предотвращения девиантного поведения сотрудников органов внутренних дел уделяется приоритетное внимание. Принципиально важно еще в период обучения в вузе сформировать личность сотрудника-патриота, отвечающего требованиям современного общества и способного на высоком интеллектуальном, профессиональном и личностном уровне выполнять стоящие перед ним задачи в любых условиях.

Неслучайно Президент Российской Федерации В. В. Путин на расширенном заседании коллегии МВД России подчеркнул, что «сегодня важно последовательно двигаться дальше, ещё более решительно и жёстко противодействовать преступности. Это требует от сотрудников органов внутренних дел постоянной готовности, умения быстро и чётко ориентироваться в нештатных ситуациях»¹.

Именно поэтому ключевая роль сегодня отводится ведомственным образовательным организациям. В основе выстраивания воспитательной политики каждого вуза должны лежать положения фундаментального государственного стратегического документа – Указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»².

Результаты

Патриотическое воспитание должно стать основой системы воспитания каждого вуза. Все сегменты образовательного процесса должны быть пронизаны общей миссией – формированием у личного состава патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности добросовестно и самоотверженно исполнять свой долг по защите прав граждан, интересов государства.

Внутренняя воспитательная система должна стать многоступенчатым организационным механизмом, запускающимся с момента начала работы с абитуриентом в рамках приемной кампании и продолжающимся в течение и после окончания обучения, особенно в период адаптации выпускника к оперативно-служебной деятельности на 1–3 годах службы.

Это необходимо потому, что к личности сотрудника органов внутренних дел, его нравственным качествам устанавливаются повышенные требования, что обусловлено характером выполняемых функций, необходимостью постоянного взаимодействия с населением, обязанностью обеспечивать защиту прав и свобод граждан. На законодательном уровне установлены особые требования к сотрудникам, проходящим службу в органах внутренних дел. Одновременно сотрудники полиции добровольно возлагают на себя обязанность соответствовать предъявляемым требованиям, добросовестно исполнять установленные обязанности и соблюдать запреты (Бучакова, Дизер, 2018).

Внимание необходимо сосредоточить также на профессионально-нравственном и правовом воспитании, исторической и информационно-пропагандистской работе, доведении и разъяснении личного составу государственной политики, негативной смысловой нагрузки содержания социальных сетей и методов информационной войны, проведению информационно-воспитательных и культурно-массовых мероприятий, посвященных памятным историческим датам и событиям.

Наряду со всесторонним патриотическим воспитанием курсантов и слушателей для формирования у них чувства мужества, стойкости, героизма большое значение имеет их воспитание на примерах легендарных профессионалов уголовного сыска и мужественных сотрудников полиции, Героев России, сотрудников, погибших при исполнении служебных обязанностей (Хрисанов, Полушкин, Устинов, 2017).

¹ Расширенное заседание коллегии МВД России (2022, 17 февраля). *Kremlin.ru*. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67795>

² Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (2022). КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/

Больше внимания необходимо уделять созданию условий для активной деятельности личного состава, его самореализации, максимального удовлетворения потребностей в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии.

Действенным профилактическим инструментом воспитательной деятельности являются институты кураторства, поручительства и наставничества.

Важны также вопросы формирования дисциплинированности, мотивации к здоровому образу жизни, занятиям спортом, наукой, антинаркотической, антитабачной, антиалкогольной пропаганды, профилактики коррупции, терроризма, экстремизма, ксенофобии, нацизма, противодействия развития межнациональных конфликтов, профилактики насилия на семейно-бытовой почве, культурного, духовного и эстетического воспитания, работа по укреплению семейных ценностей, популяризации института семьи.

Заметное профилактическое воздействие на личный состав и «стимулирование сотрудников к достойному исполнению своего служебного долга» (Горшенева, Буравлева, Ерчева, 2020) оказывает и справедливая поощрительная политика руководителей всех уровней.

Задачи предотвращения девиантного поведения напрямую связаны и с психологической подготовкой личного состава, степенью готовности противостоять стрессовым ситуациям, трудовым и психологическим нагрузкам и возникающим ситуациям провокационного характера.

Систематически возникающие ситуации социальных рисков, если они не были оперативно нейтрализованы, вводят сотрудников в состояние стресса³. Психологи утверждают, что при этом у каждого человека существует индивидуальный сценарий стрессового поведения, и, имея развитую психотехнику личной саморегуляции, можно регулировать уровень стресса, применяя в зависимости от конкретной ситуации определенные правила (Рыжова, 2016).

Таким образом, принципиальное значение для предотвращения девиантного поведения имеет индивидуализация работы с личным составом, выстраивание точечных воспитательно-педагогических воздействий, развитие практики закрепления психологов индивидуально за отдельными категориями сотрудников и обучающимися.

Выводы

Несмотря на сложившийся в системе МВД России положительный опыт организации воспитательной работы по предотвращению отклоняющегося поведения сотрудников органов внутренних дел, условия современного мира диктуют необходимость наращивания усилий по выработке наиболее эффективных и результативных методик, в том числе в сфере учебно-воспитательного комплекса. Необходимо целеустремленно осуществлять поиск инновационных путей развития, выработку уникальных решений, позволяющих на высоком уровне выполнять поставленные государственные и ведомственные задачи.

Формирование современного содержания воспитательной работы должно осуществляться на основе трансфера научных достижений, цифровых технологий, накопленного опыта, развития партнерских отношений с образовательными организациями (Бучакова, Дизер, 2015) и правоохранительными органами регионов.

Необходимо внедрять современные образовательные, информационные и цифровые технологии в воспитательный процесс, совершенствовать организационно-управленческие модели, реализовывать индивидуальные точечные воспитательные траектории, выстраивая в каждой образовательной организации современную воспитательную среду.

Прежде всего это технологии воспитательно-психологической направленности, создающие условия для полного включения и погружения обучающихся в необходимые компоненты вос-

³ Самоукина, Н. В. (2003). *Психология профессиональной деятельности: учебное пособие*. Питер.

питательной и психологической деятельности, ориентированные на профессиональную и психологическую готовность к работе в команде. К числу наиболее результативных можно отнести игровые технологии, технологии анализа ситуаций, иммерсивные технологии и другие.

Результативным будет и создание многоуровневых условий для развития курсантских инициатив, реализации личных проектов, и в целом для предоставления возможности положительного самоутверждения через многоплановые современные (в частности, воспитательные) траектории.

Внедрение в воспитательный процесс нестандартных подходов, новых методик и психолого-педагогических технологий позволит сфокусировать все ресурсы вуза на формировании новой модели выпускника и создании комфортных условий для многовекторного личностно-ориентированного и профессионального роста каждого обучающегося.

Таким образом, на фоне масштабной модернизации системы образования и стремительной цифровой трансформации всех систем применение в деятельности каждой образовательной организации МВД России предлагаемых подходов позволит в полном объеме обеспечить достижение стоящих перед вузами целей и окажет весомую роль в предотвращении возможных негативных проявлений, в том числе зарождении отклоняющегося поведения.

Список литературы

- Астафьев, Н. В., Григорьев, А. Н. (2023). Нормативы специальной профессиональной подготовки сотрудников полиции в обеспечении практико-ориентированного содержания профессиональных образовательных программ. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 3 (99), 156–167. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-3-156-167>
- Брюхнов, А. А., Вакуленко, Н. А., Зубенко, В. В. (2018). Современные проблемы профилактики нарушений дисциплины и законности в органах внутренних дел. *Вестник Волгоградской академии МВД России*, 3 (46), 164–169. <https://doi.org/10.25724/VAMVD.DKLM>
- Бучакова, М. А., Дизер, О. А. (2015). Взаимодействие полиции и общества. *Вестник Омского университета. Серия: Право*, 2 (43), 58–63.
- Бучакова, М. А., Дизер, О. А. (2017). Защита чести и достоинства, деловой репутации сотрудников ОВД. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 3 (70), 16–19.
- Бучакова, М. А., Дизер, О. А. (2018). Духовное и нравственное воспитание сотрудников органов внутренних дел. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 3 (74), 34–37. <https://doi.org/10.24411/1999-6241-2018-13006>
- Васильева, Р. М., Соколова, С. Г. (2023). Духовно-нравственное воспитание студентов в Чувашском государственном институте культуры и искусств. В *Культура и искусство: традиции и современность: материалы XI Международной научно-практической конференции, Чувашский государственный институт культуры и искусств* (Чебоксары, 16 февраля 2023 года, стр. 16–21). Чебоксары: Чувашский государственный институт культуры и искусств.
- Горшенева, И. А., Буравлева, А. К., Ерчева, Л. Р. (2020). Роль воспитательной работы в формировании профессионально-значимых качеств будущего офицера полиции. *Международный журнал психологии и педагогики служебной деятельности*, 2, 58–60.
- Михайлов, В. И. (2017). Приоритетные вопросы индивидуального подхода в воспитательной работе с сотрудниками образовательной организации правоохранительной системы. *Педагогический журнал Башкортостана*, 3 (70), 64–70.
- Николаева, Е. А. (2023). Сравнительный анализ понятий «воспитательная работа в ОВД» и «воспитание». В *Морально-психологическое обеспечение деятельности органов*

- внутренних дел: современные подходы и перспективы развития: материалы всероссийской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 6 декабря 2023 г., стр. 423–424). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Романькова, С. А. (2017). *Административное принуждение, применяемое полицией в области дорожного движения*: дис. ... канд. юрид. наук. Омск.
- Рыжова, Т. О. (2016). Актуальные проблемы воспитательной и психологической работы сличным составом полиции. *Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России*, 1 (6), 97–101.
- Славко, А. Л., Воротник, А. Н., Войнов, П. Н., Апальков, А. В. (2020). Духовно-нравственное воспитание как одна из составляющих процесса профессиональной адаптации курсанта в образовательной организации МВД России. *Вестник Московского университета МВД России*, 5, 305–307. <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2020-10310>
- Сошникова, И. А., Смородина, В. А. (2023). Взаимосвязь уровня самооценки с нарушениями служебной дисциплины обучающимися образовательных организаций МВД России. *Российский девиантологический журнал*, 3 (4), 452–463. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2023-4-452-463>.
- Уразаева, Г. И. (2016). Состояние и проблемы воспитательной работы в органах внутренних дел Российской Федерации в современных условиях. *Ученые записки Казанского юридического института МВД России*, 2, 173–182.
- Хрисанов, В. А., Полушкин, М. Ю., Устинов, А. А. (2017). Патриотическое воспитание курсантов (слушателей) Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина на примерах деятельности легендарных сыщиков и мужественных поступков бесстрашных полицейских – героев России. *Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина*, 1 (29), 27–35.
- Шадрина, Е. О. (2021). Особенности организации индивидуальной воспитательной работы на этапе поступления на службу в органы внутренних дел. В *Морально-психологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел: современные подходы и перспективы развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 15 декабря 2021 г., стр. 252–256)*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Шарафутдинова, Н. В. (2020). Научные методы в исследовании психологии девиантного поведения личности. В А. А. Рожков (ред.), *Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения – 2020): материалы международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 2020 год, стр. 573–577)*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Шурупова, Е. А. (2015). *Дисциплинарное производство в органах внутренних дел Российской Федерации: административно-правовой аспект*: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск.

References

- Astaf'ev, N. V., Grigor'ev, A. N. (2023). Normativy special'noj professional'noj podgotovki sotrudnikov policii v obespechenii praktiko-orientirovannogo sodержaniya professional'nyh obrazovatel'nyh programm. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 3 (99), 156–167. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-3-156-167>
- Bryuhnov, A. A., Vakulenko, N. A., Zubenko, V. V. (2018). Sovremennye problemy profilaktiki narushenij discipliny i zakonnosti v organah vnutrennih del. *Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii*, 3 (46), 164–169. <https://doi.org/10.25724/VAMVD.DKLM>

- Buchakova, M. A., Dizer, O. A. (2015). Vzaimodejstvie policii i obshchestva. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2 (43), 58–63.
- Buchakova, M. A., Dizer, O. A. (2017). Zashchita chesti i dostoinstva, delovoj reputacii sotrudnikov OVD. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah*, 3 (70). 16–19.
- Buchakova, M. A., Dizer, O. A. (2018). Duhovnoe i npravstvennoe vospitanie sotrudnikov organov vnutrennih del. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah*, 3 (74). 34–37. <https://doi.org/10.24411/1999-6241-2018-13006>
- Vasil'eva, R. M., Sokolova, S. G. (2023). Duhovno-npravstvennoe vospitanie studentov v Chuvashskom gosudarstvennom institute kul'tury i iskusstv. V *Kul'tura i iskusstvo: tradicii i sovremennost'*: materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Chuvashskij gosudarstvennyj institut kul'tury i iskusstv (Cheboksary, 16 fevralya 2023 goda, str. 16–21). Cheboksary: Chuvashskij gosudarstvennyj institut kul'tury i iskusstv.
- Gorsheneva, I. A., Buravleva, A. K., Ercheva, L. R. (2020). Rol' vospitatel'noj raboty v formirovanii professional'no-znachimyh kachestv budushchego oficera policii. *Mezhdunarodnyj zhurnal psihologii i pedagogiki sluzhebnoj deyatel'nosti*, 2, 58–60.
- Mihajlov, V. I. (2017). Prioritetnye voprosy individual'nogo podhoda v vospitatel'noj rabote s sotrudnikami obrazovatel'noj organizacii pravoohranitel'noj sistemy. *Pedagogicheskij zhurnal Bashkortostana*. 3 (70), 64–70.
- Nikolaeva, E. A. (2023). Sravnitel'nyj analiz ponyatij «vospitatel'naya rabota v OVD» i «vospitanie». V *Moral'no-psihologicheskoe obespechenie deyatel'nosti organov vnutrennih del: sovremennye podhody i perspektivy razvitiya*: materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Sankt-Peterburg, 6 dekabrya 2023 g., str. 423–424). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Roman'kova, S. A. (2017). *Administrativnoe prinuzhdenie, primenyaemoe policiej v oblasti dorozhnogo dvizheniya*: dis. ... kand. jurid. nauk. Omsk.
- Ryzhova, T. O. (2016). Aktual'nye problemy vospitatel'noj i psihologicheskoy raboty s lichnym sostavom policii. *Vestnik Tyumenskogo instituta povysheniya kvalifikacii sotrudnikov MVD Rossii*, 1 (6), 97–101.
- Slavko, A. L., Vorotnik, A. N., Vojnov, P. N., Apal'kov, A. V. (2020). Duhovno-npravstvennoe vospitanie kak odna iz sostavlyayushchih processa professional'noj adaptacii kursanta v obrazovatel'noj organizacii MVD Rossii. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 5, 305–307. <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2020-10310>
- Soshnikova, I. A., Smorodina, V. A. (2023). Vzaimosvyaz' urovnya samoocenki s narusheniyami sluzhebnoj discipliny obuchayushchimisya obrazovatel'nyh organizacij MVD Rossii. *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal*, 3 (4), 452–463. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2023-4-452-463>.
- Urazaeva, G. I. (2016). Sostoyanie i problemy vospitatel'noj raboty v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii v sovremennyh usloviyah. *Uchenye zapiski Kazanskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2, 173–182.
- Hrisanov, V. A., Polushkin, M. Yu., Ustinov, A. A. (2017). Patrioticheskoe vospitanie kursantov (slushatelej) Belgorodskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I. D. Putilina na primerah deyatel'nosti legendarnyh syshchikov i muzhestvennyh postupkov besstrashnyh policejskih – geroev Rossii. *Vestnik Belgorodskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I. D. Putilina*, 1 (29), 27–35.
- Shadrina, E. O. (2021). Osobennosti organizacii individual'noj vospitatel'noj raboty na etape postupleniya na sluzhbu v organy vnutrennih del. V *Moral'no-psihologicheskoe obespechenie deyatel'nosti organov vnutrennih del: sovremennye podhody i perspektivy razvitiya*: materi-

aly Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Sankt-Peterburg, 15 dekabrya 2021 g., str. 252–256). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.

Sharafutdinova, N. V. (2020). Nauchnye metody v issledovanii psihologii deviantnogo povedeniya lichnosti. V A. A. Rozhkov (red.), Aktual'nye problemy psihologii pravoohranitel'noj deyatelnosti: koncepcii, podhody, tekhnologii (Vasil'evskie chteniya – 2020): materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Sankt-Peterburg, 2020 god, str. 573–577). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.

Shurupova, E. A. (2015). *Disciplinarnoe proizvodstvo v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii: administrativno-pravovoj aspekt*: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Chelyabinsk.

Информация об авторе:

Олег Александрович Дизер – заместитель начальника Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина (по научной работе), доктор юридических наук, доцент.

Елена Геннадьевна Беляева – помощник начальника Санкт-Петербургского университета МВД России (по связям с общественностью), кандидат юридических наук.

About the authors:

Oleg A. Dizer – Deputy Head of Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin (for scientific work), Dr. Sci. (Jurid.), Docent.

Elena G. Belyaeva – Assistant Head of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Public Relations), Cand. Sci. (Jurid.).

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Authors' contribution

The authors contributed equally to developing the research, processing the results and writing the text of the article. The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 01.03.2024; **Одобрена после рецензирования** 29.03.2024; **Опубликована** 28.04.2024

Submitted March 01, 2024; **Approved after reviewing** March 29, 2024; **Accepted** April 28, 2024